

Б. Б. МАНОАХ

Пленники Саманасара

(Из истории евреев Восточного Кавказа)

Б.Б. Маноах
ПЛЕННИКИ САЛМАНАСАРА
(Из истории евреев Восточного Кавказа)

Иерусалим 1984

ОТ АВТОРА

Израильское общество почти ничего не знает о евреях Кавказа, и, приехав в Израиль, кавказские евреи столкнулись с рядом специфических проблем, возникших в результате этой неосведомленности.

Можно сказать, что за все эти годы, прошедшие с начала массовой репатриации евреев СССР, а среди них и евреев Кавказа, не делалось сколько-нибудь существенной попытки непредвзято и добросовестно разобраться в этих проблемах. Более того, имели место и факты отрицательного отношения к кавказскому еврейству. Даже некоторые сотрудники министерства абсорбции приняли на веру точку зрения, будто евреи Восточного Кавказа не относятся к религиозно или сионистски настроенной части нашего народа и приехали в Израиль только потому, что на Кавказе "им жилось плохо".

Всякий, кто дал себе труд поинтересоваться условиями жизни кавказских евреев, тотчас поймет, что подобные разговоры противоречат истинному положению. Есть и такие "научные" взгляды, согласно которым кавказские евреи – и не евреи вовсе, а потомки народов, некогда принявших иудаизм. Даже численность евреев Кавказа "не установлена". Различные источники авторитетно сообщают читателям совершенно разные (и совершенно неправильные, кстати) цифры: 14000, 25000, 35000, 50000, 65000 и т. д.

Все это заставило меня вновь вернуться к давно уже начатому, но в силу обстоятельств заброшенному делу: очеркам, в которых я попытался систематизировать сведения о жизни быте, и, разумеется, истории общины евреев Восточного Кавказа.

Книга получилась довольно объемистой, и на ее издание потребовались такие средства, которых у меня не оказалось. Поэтому приходится выпускать ее в двух частях. Первая часть содержит материалы о жизни евреев на Кавказе. Вторая – относится к пребыванию кавказских евреев на Святой земле от дохалупцианского периода до наших дней.

Пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность всем тем, кто помог мне в сборе материалов, и желаю им дальнейшей плодотворной работы на благо нашего общества. Следует отметить, что наиболее активными в этом деле оказались выходцы из центрального района Восточного Кавказа. Поэтому богатая история евреев, проживающих в Азербайджане, отражена недостаточно полно. Буду чрезвычайно рад включить дополнительные материалы об этой общине во вторую часть, которую предполагается издать в скором будущем.

Если рассказанное мною хоть в какой-то мере сможет способствовать ознакомлению израильской общественности с этнической группой евреев Восточного Кавказа, я буду считать, что по мере своих сил содействовал слиянию отдельных "клеток" нашего народа в единый организм.

Есть разные объяснения того, как и когда появились евреи на Кавказе. Так, согласно устному преданию, передаваемому из поколения в поколение, евреи попали на Кавказ из Вавилонского плена. По другой версии, предки кавказских евреев были переселены сюда еще до разрушения Первого Храма ассирийским царем. Однако большинство исторических данных приводит нас к убеждению, что еврейское переселение на Кавказ шло через Мидию: "Среди евреев Кавказа была еще жива легенда, что они — потомки десяти колен Израилевых, переселенных в Мидию ассирийскими царями" (Евр. энц., т.7). Доказательством "мидийской гипотезы" служит и то, что язык евреев Восточного Кавказа относится к группе иранских языков.

Другие историки считают, что евреи начали селиться на Кавказе в эпоху разрушения Первого Храма (586 г. до н.э.). Наконец, многие исторические материалы относят время прихода евреев на Кавказ к периоду разрушения Второго Храма (70 г. н.э.): "Можно с большой вероятностью утверждать, что начало еврейского поселения на Кавказе относится к эпохе Второго Храма, приблизительно ко времени возникновения еврейской диаспоры в Крыму..." (Евр. энц.). В начале 3-го в. в Иране (в том числе и в Мидии) к власти пришла династия Сасанидов, которые вели упорную борьбу за захват Восточного Кавказа. Это, конечно, ложилось тяжким бременем на народ, который, как это бывало всегда и во всех странах, находил причину своих бедствий в евреях, что и заставляло евреев бежать с насиженных мест.

Следует отметить, что христианство проникло на Кавказ вскоре после своего возникновения. И уже в 1-м веке н.э. государственной религией Кавказской Албании, в состав которой входил и Восточный Кавказ, становится христианство. И несмотря на то, что евреи вовсе не претендовали на распространение своей религии среди языческих народов, как это делали христиане, главной мишенью христианских священников стал иудаизм — единственная в то время монотеистическая религия, которую исповедовала тамошняя еврейская община. В начале 5-го века на Восточный Кавказ, в частности на Дагестан, участились набеги гуннов и других кочевников-язычников, живших на северной границе Кавказской Албании. ~~Н~~о уже же неустанно расширял свои владения сасанидский Иран, принося с собою зороастризм!

Под натиском Сасанидов во второй половине 5-го века н.э. Кавказская Албания как самостоятельное государство исчезла, войдя в качестве провинции в состав Сасанидского Ирана. Одновременно на Восточном Кавказе образовалось три миниатюрных самостоятельных государств: Дербентское (Прикаспийская равнина), Табаспаран (бассейн реки Рубас) и Лаказ (междуречье рек Самура и Гергенча). Все три впоследствии были также захвачены Ираном.

Именно этот период принято считать временем фундаментального основания еврейских поселений на Восточном Кавказе, ибо Иран, стремясь закрепить за собой захваченные земли, переселял на Восточный Кавказ своих подданных, в

числе которых были и евреи.

Завладев Дербентским проходом, Сасаниды прекратили дальнейшее продвижение, считая, что эти позиции являются наилучшими в стратегическом плане.

В результате междоусобных разногласий гуннских вождей уже в конце 1-го века н.э. единое государственное объединение гуннов распалось. На его территории с тех пор неоднократно возникали мелкие самостоятельные племенные политические объединения как гуннов, так и других язычников. И на этих территориях возводились и еврейские поселения. (Существует мнение, что одно или несколько слившихся воедино из этих так называемых "гуннских политических образований", сформированных в 6 веке, стали впоследствии основным элементом Хазарского царства.)

Сасаниды переселяли все больше и больше жителей Ирана на Восточный Кавказ, тем самым укрепляя границы с хазарами. Следует полагать, что тогда из Мидии на Кавказ было переселено и немало евреев — об этом свидетельствуют укрепленные еврейские поселения в дербентском, горностенном и других районах Дагестана. Некоторые из них существуют и поныне.

Как известно, в 8-м веке Хазарский каганат принимает иудейскую религию, которая становится доминирующей среди господствующего класса.

Таким образом, уже в раннем средневековье на Восточном Кавказе противостоят друг другу три влиятельных религии: иудаизм, зороастризм и христианство.

С появлением ислама зороастризм в Иране был почти полностью поглощен магометанством. (Приверженность этому учению сохранила лишь небольшая часть населения.)

Спустя некоторое время после принятия каганатом иудейской религии на Кавказе появляются арабы.

Если иудаизм, как мы уже отмечали, не претендовал на распространение среди языческих народов Кавказа, а христианство и зороастризм вели непримиримое духовное сопротивление за гегемонию вероисповедания, то с появлением арабов это противоборство ширится. Восточный Кавказ превращается в арену кровавых религиозных и этнических битв.

Немаловажным свидетельством пребывания евреев на Восточном Кавказе в период раннего средневековья являются достоверные арабские источники. "...До прихода арабов большая часть Табаристана исповедовала Моисееву религию", — говорится в арабской истории Дербента ("Дэробэнт намэ"). Табаристан — это нынешний Табасанский район Дагестана.

Существуют исторические данные о том, что еврейская эмиграция на Восточный Кавказ происходила и в начале 7-го века, когда евреи бежали из Византии от произвола императора Ираклия, а также в 20-е годы 8-го века при императоре Льве Исавре, которого впоследствии называли "великим гонителем евреев". Неспорим факт эмиграции евреев на Восточный Кавказ и на стыке 15—16-го веков, когда евреи спасались от испанской инквизиции. Первоначальным пунктом пребывания испанских евреев на Восточном Кавказе, согласно исследованиям доктора исторических наук профессора М. Ихиилова, принято считать Дэрэй Катта (Гаттинскую долину). И уже оттуда евреи расселялись по различным еврейским населенным пунктам или же образовывали новые поселения. Прибывали евреи на Восточный Кавказ и в более поздние времена. Так, здесь нашли убежище и

наши современники, бжавшие от гитлеровского нашествия, многие из которых остались тут и после войны, влившись в еврейство Кавказа.

Таким образом, совершенно бесспорно, что евреи на Восточном Кавказе — как, впрочем, и по всему Кавказу, — были одним из первых народов, пришедших и осевших в этом крае из других мест.

Спасаясь от иноземных завоевателей и местных врагов, евреи Восточного Кавказа по возможности строили свои поселения на вершинах гор или в труднопроходимых ущельях. Не довольствуясь естественной обороной, они возводили вокруг своих поселений искусственные оборонительные сооружения в виде стен, валов или окружали поселения рвами. Свидетельства этого — остатки оборонительной стены у селения Тарки (стена построена еще до прихода хазар), укрепления сел Кубачи и Ахты, оборонительный ров селения Уса и, конечно же, аулы у горной стены. Об этих аулах и самой стене речь пойдет ниже.

Еврейские населенные пункты на Восточном Кавказе

Из дошедших до нас еврейских населенных пунктов Восточного Кавказа следует в первую очередь назвать Дербент.

Дербент — это город, забывший ныне древнюю историю евреев, живших в нем с первых дней его основания. Тем не менее, о Дербенте можно говорить как об одной из важнейших зон еврейской диаспоры Восточного Кавказа.

Расположен Дербент в той части Восточного Кавказа, где находится прикаспийский проход — наиболее узкое место между Каспийским (Хазарским) морем и т.н. Табасаранским хребтом.¹ Именно здесь пролегал когда-то наиболее удобный путь из Юго-Восточной Европы в Персию и в переднюю Азию. Это и послужило причиной того, что этот район превратился в арену кровавых столкновений между многими народами и государствами, жаждущими обладать Прикаспийским проходом. Именно здесь возникли первые поселения, служившие оборонительными рубежами, отделявшими, по сути, Европу от Азии. Здесь вели торговлю и сражались большие и малые народы — персы, хазары, арабы, азербайджанцы, армяне, монголы, турки, русские...

Историки каждого народа, проходившие с войсками по этим местам, называли район по-своему: греки — Албанским проходом, римляне — Хазарскими воротами, арабы — Дербент Баб-ал-абваб (главными воротами), или Баб-ал-хадид (железными воротами), грузинские историки — морскими воротами и т.д. и т.п. Сегодняшнее название — Дербент — происходит от персидского слова "Дэрбэнд" — "замкнутые ворота".

История Дербента связана с именами трех царей Сасанидской Персии: Иездигерда Второго (438—457), Кавада (488—531) и Хосрова Первого Ануширвана (531—579). Большинство авторитетов склоняется к тому, что строительство Дербентской крепости мог произвести только Хосрав Первый Ануширван, так как именно при нем Сасанидская Персия достигла своего наивысшего могущества — как военного, так и экономического. И строительство столь грандиозного сооружения, требовавшего колоссальных материальных и людских ресурсов, мог себе позволить только Хосрав. Назначением города-крепости было защищать персидские владения от нашествия хазарских племен. И Дербент выстоял, дальше него

хазары на юг не продвигались.

В начале 7-го века могущество Персии ослабевает, и тогда Дербент становится "яблоком раздора" двух могущественных в то время государств – Арабского халифата и Хазарского каганата. Уже в 7 веке арабы неоднократно совершают походы на Восточный Кавказ, их войска закрепляются в Дербенте, а также проникают в горные районы Восточного Кавказа.

В 735 (737) г. арабский полководец Абу-Муслим овладевает Дербентом, находящимся в то время в руках Хазарского каганата. "Дэрбэнт намэ" свидетельствует, что в этот период в Дербенте и его окрестностях жило много евреев.

"Если согласиться с Иосифом Шварцем, отождествляющим Дербент с упоминаемым в Иерушалми Мегилла, IV, דרבנט, то в Дербенте уже в ту эпоху существовала еврейская община и аморай раби Симон Сафра состоял у них учителем..." (Евр. энци., 7, 105–106). "...Во всяком случае, не подлежит сомнению, что в эпоху Хазарского царства в Дербенте существовала значительная еврейская община. Ибн-Хаукаль (976–977) говорит, что когда русские опустошили хазарский город Самандар (нынешний Тарки) жители последнего бежали вместе с жителями Ателя, среди которых было много евреев, в Дербент" (там же).

Есть и другие подтверждения того, что одновременно с возникновением города-крепости в Дербенте возникла и еврейская община.

В книге "История Дербента" говорится, что в начале 10 века, после распада Арабского халифата, на территории Восточного Кавказа возник ряд самостоятельных феодальных владений, и Дербент оказался во власти феодалов, зависящих от Ширвана.

Во второй половине 11 века Дербент захватывают турки-сельджуки, господство которых длится с перерывами до 12 века.

С середины 12 века до начала 13 века Дербент с прилегающими территориями образует самостоятельный эмират.

В 1239 году Дербент захватывают татаро-монгольские завоеватели.

Во второй половине 13 века, т.е. после распада единой монгольской империи, государственная граница Золотой Орды и Ильханов проходила в районе Дербента по горно-оборонительной стене. Граница была определена достаточно четко, однако нападения татаро-монгольских войск из Золотой Орды не прекратились, и Дагестан неоднократно подвергался набегам и разорению. Конечно, события эти не могли не сказаться на жизни евреев, проживавших в районе, особенно на евреях – жителях пограничной полосы, принимавших на себя первый и самый тяжелый удар. С другой стороны, известно, что еврейские общины, жившие в укрепленных поселениях горностенной оборонительной системы не подвергались грабежам, так как были надежно защищены.

К этому времени относятся первые описания Дагестана европейцами. Так, посол Людовика IX монах Гильом Рубрукс посетил Дербент проездом в Монголию в 1253 году. Описывая город и его окрестности, он отмечает в своих записях, что "...вся местность густо населена евреями".

Это сообщение является последним сообщением о евреях дербентской общины того периода, и лишь спустя три с половиной столетия, в 17 веке, снова появляется скудная информация о евреях Дербента.

В 1395–96 гг. Дербент снова опустошается, на сей раз – войсками Тамерлана.

В конце 14 века Дербентом овладевает Ширванхан, который сохраняет свое господство более 100 лет.

В начале 16 века после долгого перерыва Дербент снова присоединяется к Персии, но в 1578 году турки, при содействии Крымских татар, захватывают город. Спустя еще 28 лет, в 1606 году персы под руководством шаха Аббаса Первого, разбив турок, вновь овладевают Дербентом. Из истории шаха Аббаса Первого следует, что тогда из Персии в Дербент было переселено 400 семей. На этот раз Дербент остается в руках персов вплоть до нашествия на Кавказ русских войск.

В начале 18-го века русские войска, руководимые Петром I, выступают в поход на Кавказ. И в 1722 году персы, уже потерявшие былую силу, без боя оставляют Дербент. Однако в 1735 году русские войска тоже уходят из Дербента и покидают прикаспийские области. Дербент вновь попадает под влияние Персии. Но в этом горном крае не утихла освободительная борьба. Все попытки Надир-шаха сокрушить народное восстание в горах не увенчались успехом. И после смерти Надир-шаха в 1747 году последний оплот Персии на Восточном Кавказе – Дербент – обретает независимость.

Дербент становится самостоятельным ханством, правда, не надолго. Один из могущественных феодалов Кавказа кубинский Фет-Али-хан (1758–1789) присоединяет Дербент к своим владениям и с целью закрепления своей власти завязывает семейные узы: – женится на сестре умция Кайтахского, одного из местных дагестанских феодалов, Тути-Бикз, и делает ее правительницей города, одновременно объявляя Дербент своей резиденцией. Отметим, что время правления Фет-Али-хана на Восточном Кавказе народная память относит к самым тяжелым временам средневекового галута евреев Восточного Кавказа.

Вторая половина 18-го века знаменует собой влияние России на Северном и части Восточного Кавказа. И с этого времени Фет-Али-хан теряет свою власть над Дербентом.

В это неспокойное время один из местных феодалов, Ших-Али, завязавший политические отношения одновременно с Ираном, Россией и Турцией, объявляет себя ханом Дербента (1791). Ших-Али-хан, ценя евреев как лучших советников в своих политических планах, разрешает им без ограничений селиться в Дербенте и уравнивает их в правах с коренными жителями города. Именно этот довольно благополучный период положил начало созданию нынешней еврейской общины города.

Россия, всегда искавшая предлог для захвата Кавказа, использовала пограничный конфликт Персии и Грузии и, по указанию императрицы Екатерины Второй, в 1796 году направила войска "в помощь Грузии" – к тому времени уже почти аннексированной Россией. Русские войска двинулись в так называемый Персидский поход и, почти не встречая сопротивления, продвинулись до Дербента. После девяти дней осады сопротивление защитников Дербента было сломлено и русские войска овладевают городом.

Когда в том же году императрица скончалась, русские прекратили свое дальнейшее продвижение и покинули Южный Дагестан. Властелином Дербента вновь становится Ших-Али. Однако спустя 12 лет, в 1806 году, Дербент снова был захвачен русскими и окончательно присоединен к России.

В то время в Дербенте уже существовала значительная еврейская община.

Вернемся назад и попытаемся зафиксировать основные этапы заселения евреями города Дербента.

История не сообщает, когда и при каких обстоятельствах прекратила свое существование еврейская община Дербента периода раннего средневековья. Тем не менее, можно отнести это ко времени владычества в Дербенте татаро-монгольских полчищ. Снова сошлемся на Рубрукса: "вся местность была густо населена евреями". Именно "местность", а не город — ведь еврейская община была либо изгнана из города, либо полностью уничтожена.

Вот сведения о евреях Дербента, относящиеся к 17-му веку: "Евреи Дербента, по их словам, принадлежат к Веняминову колену" (Евр. энц., т. 5). Это подтверждает версию о том, что среди 400 семей, переселенных шахом Аббасом Первым из Персии, были и еврейские семьи (если вообще не все переселенцы были евреями).

Приведем и другие доказательства этой версии. Так, в Дербенте среди еврейского населения существует традиция соотносить фамилию той или иной семьи с названием местности, откуда вышли предки этой семьи. (Нукальские, Арагские, Аба-Савинские, Сабунавинские и т.д.). Но встречаются и редкие фамилии, скорее всего — иранские. Представители таких семей утверждают, что их предки переселились в Дербент 350—400 лет тому назад из Персии. Этот период как раз совпадает по времени с периодом правления шаха Аббаса Первого. Однако таких фамилий встречается очень мало: Левиевы... Рахмиловы... и т.д. Можно предполагать, что члены этой общины либо окончательно слились с семьями последующих поселенцев Дербента, либо во времена правления в Дербенте таких юдофобов, как Надир-шах или кубинский Фет-Али-хан, были вынуждены покинуть город и переселиться в другие еврейские общины Восточного Кавказа. Ведь и сегодня в Торхунской, Буйнакской и многих других еврейских общинах живут семьи, утверждающие, что их предки — выходцы из Ирана переселенные сюда шахом Аббасом. Не исключено, что эти семьи или часть из них являются потомками тех, которые первоначально были переселены в Дербент шахом Аббасом I.

Итак, родословную нынешней еврейской общины города Дербента, принято считать с конца 18-го в. — времени правления Ших-Али-хана (1791—1806), когда евреиселения Нукал воспользовались привилегиями, данными им ханом, и постепенно начали переселяться в город. Кроме этого, абасовинские события³ заставляли евреев покидать насиженные места и переселиться в Дербент. Большая часть из оставшихся в живых абасавинцев после погрома также переселились в Дербент в 1797 (1799) году. Считается, что евреи близлежащих сел вели свои торговые и ремесленные дела в Дербенте и до правления Ших-Али-хана, но в статусе постоянных жителей города им было отказано.

Однако и после того, как им был предоставлен статус постоянных жителей города, в течение первых десяти-пятнадцати лет, евреи Дербента увозили хоронить умерших на свои прежние кладбища при селах, откуда они приехали. Поэтому самая старая могила на современном еврейском кладбище Дербента относится к 1804 году — времени вторичного правления Фет-Али-хана.

Переселившись в Дербент, евреи, по традиции, строились вместе, как бы образуя единый квартал.

Таким образом, уже в начале 19-го века в Дербенте у южной стены в верхней части дубаров⁴ возникает еврейский квартал, получивший название "Тэнгз маха-

лахо" (узкие улочки). Появляется новая еврейская община со своими обычаями, с синагогами и другими еврейскими учреждениями. Фактически расцвет современного Дербента начинается с переселением в него евреев. Дербент становится духовным и общественным еврейским центром Восточного Кавказа.

Горная стена

Одновременно со строительством Дербентской крепости сасанидские цари Персии возвели и горную стену, протяженностью примерно в 40 километров, целью которой было оградить путь в обход с севера на запад в горах. Впоследствии горная стена и дербентская крепость получили общее название "Дербентская оборонительная система".

Группа поселений, входящих в пределы Дербентской оборонительной системы, имеет особое значение в истории евреев Восточного Кавказа, поэтому необходимо осветить этот вопрос подробнее.

Жители аулов Джалган, Пирдамиш (Пиридимиски), Рюкэл, Нукол, Митаги, Мугарти, Камах, Зидиян, Билха-дих, Хамай-дих, Дарваг, Зил, Татил, Джараг и Хапил, а также поселка Сабунова и Дербента в прошлом не принадлежат ни к одному из народов лезгино-табасаранской и лезгино-самурской групп, то есть групп дагестанских аборигенов. По типу — внешности, образу жизни и многим другим приметам как, очевидно, и языку в прошлом, — они однородны и ничем не отличаются друг от друга.

Мы не беремся утверждать, что все они были евреями, хотя такая версия имеет под собою почву. Кроме того, среди них часто встречаются и люди явно выраженного арабского типа, что вполне объяснимо: арабы каждый раз оставляли в поселениях с немусульманским населением своих миссионеров. Что касается их языка теперь, то следует отметить, что жители Татиля и Хапиля говорят на табасаранском языке — языке народности, живущей в данном районе. Жители селений Джалган, Мугарти, Митаги, Билха-дих, и Хамай-дих говорят на языке евреев Восточного Кавказа, но с турецким "оттенком". Жители остальных сел говорят на турецко-азербайджанском языке.

Жители всех этих селений, не исповедующие иудейскую религию, т.е. неевреи, до недавнего прошлого назывались татами.

Что касается евреев селения Рукал, то большинство из них еще до прихода советской власти переселились в Дербент и считаются сегодня основоположниками современной еврейской общины города.

Евреи селений Джараг, Хамайдих и Мугарти, начавшие переселение в город еще во второй половине прошлого столетия, окончательно переселились в 30-е годы, и уже во время второй мировой войны евреи в этих селениях не жили. Село Пирдамиши вообще не сохранилось; оно, судя по результатам археологических раскопок, было построено в период сооружения самой горной стены.

На местах бывших еврейских поселений новые села не возникли. Поселения эти лежат сегодня в развалинах. Жители близлежащих сел пытались восстанавливать и занимать заброшенные еврейские дома, но каждый раз, по их словам, их постигало несчастье, и они немедленно покидали уже восстановленное хозяйство и возвращались в свои села.

До коллективизации сельского хозяйства пашни, луга, сады и т.д. в Дагестане, как и во всей России, были частной собственностью. Интересно, что евреи, покидая свои хозяйства и переселяясь в Дербент или другие места, продавали свое имущество соседям-мусульманам, и последние лишь с благословения бывших хозяев начинали обрабатывать купленную землю. Если же евреи просто оставляли или дарили свое хозяйство, то мусульмане отказывались брать его бесплатно, опасаясь Божьей кары.

О возникновении указанной выше оборонительной системы и входящих в нее поселений много написано древними и средневековыми авторами. На наш взгляд, наиболее ярко описания, принадлежащие перу двух арабских авторов 9-го и 10-го веков.

Один из них, Ибн-аль-Факих, пишет: "Баб-ул-Абваб – один конец ее введен в море, а противоположный конец выведен до такого места, где ничего невозможно делать против нее, и тянется она семь фарсахов (около 40 км) до обрывистой и лесистой горы, через которую не пройти. Построена она из тесаного камня четырехугольной формы, один из этих камней не поднять и пятидесяти человекам. Эти камни поставлены и пришиты железными прутами друг к другу. На протяжении этих фарсахов устроено семь проходов, у каждого из этих проходов построено поселение, и живут в них персидские воины".

Второй автор, Масуди, сообщает: "На каждых трех милях этой стены, возможно, больше или меньше, соответственно с дорогами, сообразно которым поставлены ворота, сделаны железные ворота и поселен там, с внутренней части каждых ворот, народ, обязанный охранять эти ворота и соседнюю часть стены. Все это служило для защиты от нападений народов, примыкающих к горам Кабх (Кавказ), как хазары, аланы, турки, сериры и иные племена кафиров".

Выводы этих авторов не оставляют сомнения, что к семи упомянутым поселениям относятся следующие аулы: Митаги, Камах, Зидьян, Бильга-дих, Хамай-дих, Дарваг и Джараг, так как именно эти поселения вплотную примыкают к стене и находятся к югу от нее, то есть с внутренней стороны стены.

Наиболее интересным является то, что в четырех аулах из этих семи говорят на языке евреев Восточного Кавказа, а два из них – Джараг и Хамай-дих – являлись чисто еврейскими аулами.

Таким образом, мы вправе сделать вывод, что среди переселенцев из Ирана, прибывших для защиты персидских владений от нашествия хазар и кочевых племен, были и евреи. Это, в свою очередь, служит доказательством того, что в эпоху Сасанидов евреи служили в иранской армии и были в числе лучших воинов этой армии, ибо для защиты государственной границы бессмысленно направлять слабых воинов, тем более в район постоянной опасности.

Но как же случилось, что еврейские поселения оказались в глубинных горных районах Восточного Кавказа?

Известно, что ряд авторитетных арабских исследователей 9 и 10 веков (Боладзори, Ибн-Хордадбе и некоторые другие), сравнивая различные не дошедшие до нас версии и результаты своих непосредственных наблюдений, приходят к выводу, что Персидский царь Кавад и его сын Ануширван построили 360 замков и укрепленных поселений (аулов) в горных ущельях Кавказа. Такие уточнения дают основания полагать, что среди этих 360 укреплений могло быть немало еврейских поселений.

История зафиксировала множество фактов прихода евреев на Кавказ, но начало большого переселения, по нашим исследованиям, приходится именно на 5-й и 6-й века, хотя и до этого уже на Кавказе существовала еврейская диаспора.

Куба

Город Куба является одним из центров еврейской диаспоры Восточного Кавказа. Важнейшим историческим элементом, проливающим свет на происхождение этой общины, является то, что это община разделяется на пять групп, по названию, откуда они прибыли: Гил-Готи, Кусары, Гиляки, Шавкани и Гарчай-Гаттаи. (Считается, что в Кубе было одиннадцать групп, и якобы синагоги были построены по числу групп – 11 синагог. Однако в настоящее время никто достоверно этого не знает.)

Представители каждой из этих групп называют разные даты возникновения общины. Так, например, Гарчай-Гаттаи утверждают, что евреи уже более четырехсот лет обосновались в Кубе. Представители же Гилякинской группы утверждают, что 200–250 лет. А Гилготинские заявляют, что их предки обосновались в Кубе во время правления Баки-хана, в конце 18 в. и т.д.

Мы уже говорили, что евреи, бежавшие от испанской инквизиции, первоначально обосновались в Гаттинской долине и только спустя определенное время (около 100 лет) разошлись по разным районам Восточного Кавказа. Уже само название – Гаттинская группа дает основание полагать, что это группа переселенцев с Гаттинской долины. Эта версия подтверждается еще и тем, что указанный период (около 400 лет) совпадает с возникновением этой группы в Кубе. То-есть, представители этой группы являются потомками евреев, которым удалось спастись бегством из Испании и поселиться в Гаттинской долине около 500 лет тому назад.

Что касается Гилякинской группы (или какой-то другой), то, по утверждению одного старца (90 с лишним лет) Арье Хануха, эта группа является потомками тех пяти семей раввинов, которые приехали в Кубу из Бердичева 220–230 лет назад по просьбе кубинской делегации, приехавшей в Бердичев просить раввинов, так как после погромов в Кубе не осталось раввинов. Время 220–230 лет совпадает с периодом возвращения евреев в Кубу после смерти Надир-шаха. Господин Арье Ханох утверждает, что, "насколько он помнит", предание гласит: "... после страшных событий в Кубе не осталось ни одного раби и даже службу в синагоге некому было справлять. Эти пять раввинов, приехав в Кубу, наладили духовную жизнь поселка. Но потом раввины прибыли и из других мест". Господин Ханох утверждает, что, по утверждению его деда, эти бердичевские раввины полностью влились в кубинскую общину. Он также утверждает, что сам принадлежит к потомкам тех пяти раввинов и, что его прадед был р. Яаков, дед был р. Овадьа и отец р. Яшуа – все они, по фамилии, Ханухи. Отец эмигрировал в Эрец Исраэль в 1894 году, добавляет Арье Ханох.

Говоря о происхождении кубинской общины, вообще следует отметить, что основная масса этой общины это люди, предки которых жили в поселениях Шах-дага⁵ – Гюрюз, Щудук, Хиналут, Сююб, Юч-гюн, Кунак-кент и другие. Многие из этих сел были населены исключительно евреями.

Предание гласит, что во время нашествия арабов во главе с Хазрат-Али⁶ они принуждали жителей шахдагских сел перейти в ислам. Лишь тем евреям удавалось избежать омусульманивания, которые жили в смешанных с уже омусульманированными племенами селлах. Не подозревая, что здесь еще сохранились иноверцы, арабы в них не заглядывали. А если и входили в такие села, то "своих" евреев укрывали соседи, озлобленные своими поработителями. Немыми свидетелями того, что в этих селлах жили евреи, служат сохранившиеся еврейские могилы. Предание гласит также, что насильники давали евреям три дня на размышление, и кто за этот срок не соглашался принять ислам, тех постигало поголовное истребление.⁷ Тем не менее многим удалось сохранить свое еврейство. Когда наступило затишье после нашествия Хазрат-Али, оставшиеся в живых евреи покидают Шах-Даг и переселяются в Кюн-Чал.

Так было положено начало спуска евреев с высокогорных ушей.

По истечении определенного времени жителей этих поселений постигает участь их шахдагских предков, но теперь от тамерлановых и других насильников. Однако и здесь многим из них удается бежать. На этот раз беглецы обосновываются в Гилготе. Но и там евреи подвергаются многочисленным гонениям. В конце концов, после смерти Фет-Али-хана, когда правление Кубой переходит к его племяннику Баки-хану, Баки-хан дает возможность евреям Гилгота переселиться в Кубу возле своих единоверцев. Так возникает Гилготская группа.

Кусарская группа образована переселенцами из поселка Кусары, которые переселились в Кубу во времена правления Баки-хана.

К сожалению, мы не располагаем данными о возникновении группы Шавкани. Однако достоверно известно, что кубинская община — все ее группы — пополнялась также за счет переселенцев из различных поселений нагорного Азербайджана и близлежащих сел — Гюг-чай, Сююб Второй, Гилон, Мереди, Шамахи и ряда других.

Еврейская часть Кубы — Слобода — при советской власти была переименована в Красную слободу.

В настоящее время эта община насчитывает немногим менее десяти тысяч душ. Возникает вопрос: как же эта община на протяжении многих десятилетий держится почти на одном уровне, т.е. она численно не увеличивается? Дело в том, что площадь застройки Красной слободы ограничена и власти строго контролируют это. В мусульманскую часть Кубы евреи переселяться не желают, да очевидно им этого и не дадут... Кроме этого, следует учесть, что в вопросе занятости населения Куба тоже ограничена — всего один колхоз, консервный завод и комбинат художественных изделий (ковровые предприятия). Эти обстоятельства заставляют евреев Кубы покидать насиженные места и переселяться в промышленные города Азербайджана и других республик Советского Союза.

Разбирая этот вопрос, необходимо отметить и тот факт, что велико желание молодежи покидать провинцию. Особенно не возвращаются студенты по окончании вузов и среднетехнических учебных заведений, которым нет возможности применить приобретенные знания в условиях провинции. Эти обстоятельства и являются причиной того, что численность евреев Красной слободы остается почти на том же уровне, на каком она была в первые годы советской власти.

Баку

Бакинская община начала зарождаться в прошлые века, сюда съезжались евреи из Ирана и меньше из Турции и уже к началу 19-го в. она достигает значительных размеров. Однако антиеврейские беспорядки, спровоцированные русскими властями в 1824 г. и унесшие множество жизней, вынудили евреев покинуть Баку. Основная часть их тогда переехала в Кубу, кубинцы приняли их с большим радушием.

После стабилизации положения русских и возникновения нефтяных промыслов евреи снова начали переселяться в Баку. Но теперь община начала увеличиваться за счет переселенцев, спускавшихся с гор и переселенцев из близлежащих городов – Шәки, Ширван, Шамахи, Варгаше и других, а так же из Кубы.

В настоящее время еврейская община Баку – самая крупная на Восточном Кавказе. (Прирост Кубы, в основном, тоже стекается в Баку). Бакинская община насчитывает в настоящее время более тридцати тысяч душ.

Махачкала

Махачкалинская община сравнительно молодая, как и сам город Порт-Петровск (прежнее название Махачкалы). Тем не менее евреи начали сюда переселяться с возникновения этого города. Основоположниками общины являются жители поселка Тарки (Торху). Однако преобладание вскоре получили переселенцы Бойнака и Карабудахкена. (Евреи этих селений окончательно переселились сюда еще до революции.) В настоящее время в Махачкале живут, в основном, представители еврейской общины Кайтахского округа, немного Кюринского и Табасаранского округов, а так же переехавшие из Буйнакска и с Северного Кавказа. Сейчас эта община насчитывает приблизительно 15000 евреев.

Буйнакс

Город Буйнакс (в прошлом Тамирхан-Шура, центр Дагестанской области) сохранил одну из древних общин евреев Восточного Кавказа. В настоящее время эта община насчитывает 5500 евреев.

Хасавьюрт

Хасавьюртская община также является одной из самых старых еврейских общин. Вместе со всеми другими общинами, находившимися в кумыкском анклав, она являлась наиболее угнетенной из всех еврейских общин на Восточном Кавказе, так как кумыки во все времена являлись наиболее агрессивными к иноверцам вообще и к евреям особенно. Об этом районе писал путешественник Гербер еще в 1728 году: "Своим владельцам евреи платят сверх обычной подати еще специальную – харадж, или поголовную... Из имущества им оставляют лишь столько, чтобы не умереть с голоду". Действительно, несмотря на то, что для расширения

этой общины имеются все условия (угодья, жилплощадь и т. д.), она никогда не отличалась многочисленностью. Члены этой общины в большинстве своем всегда оставляли ее.

В настоящее время община насчитывает около 4000 тысяч душ.

Нальчик

Еврейская община Нальчика сравнительно молодая. Она была основана предками Шамиловых, выходцами с Хасавюрта 250 лет назад. (Эту фамилию не следует связывать с Шамилем — юдофобом). Потом в Нальчик стекаются евреи со всего Северо-Восточного и Северного Кавказа. Нальчик отличается большим дружелюбием к евреям со стороны местного населения, что крайне необходимо еврею галута.

В настоящее время эта община насчитывает более 12000 евреев.

Грозный

Еврейская община Грозного возникла после укрепления русской власти в этих местах. Ее основали евреи, сумевшие спастись от произвола фанатиков и националистов во время так называемой Тридцатилетней Войны. В настоящее время эта община насчитывает около 8000 душ.

Моздок

Моздокская община также образовалась после прихода русских на Кавказ и тоже теми немногими евреями, которым удалось спастись от шамилевских погромов бегством по горным ущельям и лесным тропам. Эта община никогда не отличалась многолюдьем. Лишь в последнее время она достигает четырех тысяч.

Кроме указанных общин, на Восточном Кавказе сохранились еще несколько сельскохозяйственных поселений. К ним относятся Аглаби, Хошмамзел, Ньюди (Мюшгюр), а также небольшая община Маджались. Имеются еще незначительные по численности городские общины — Каспийск, Кизляр, Чирьюрт и некоторые другие. Все они вместе взятые едва достигают трех тысяч душ.

Следует отметить, что в настоящее время немалое число кавказских евреев живет в центральных городах России (Москве, Ленинграде и др.), а также и в других республиках. Кроме этого, большое число этих евреев проживает в республиках Средней Азии. Мы считаем, что общее число этих евреев, живущих за пределами Восточного Кавказа, достигает более десяти тысяч душ.

Чтобы наш подсчет не показался голословным, так как официальные переписи в СССР в отношении численности евреев не отражают действительности, обратимся к переписи 1886 г., где численность евреев Восточного Кавказа оценивается в 22033 человек, и к переписи 1897 г., где численность евреев на Восточном Кавказе оценивается в 34945 человек. Однако в последней говорится о приехавших и местных евреях вместе взятых. По всем имеющимся оценкам, число приехавших евреев

на Восточном Кавказе никогда не превышало десяти процентов от общего числа живущих здесь евреев. Исходя из этого, получается, что в 1897 году кавказских евреев насчитывалось 31451 человек. Годовой прирост между 1886 и 1897 годами был равен четырем процентам. Такой высокий процент прироста населения характерен для кавказских народов, в том числе и для кавказских евреев. Учитывая, что в последние 30–40 лет прирост населения у кавказских евреев сократился почти вдвое (30–40 лет назад среднее количество детей в семье было семь-восемь, а теперь едва достигает четырех-пяти), при демографическом подсчете мы исходили всего лишь из двухпроцентного годового прироста; при этом весь анализируемый период был поделен на два – довоенный и послевоенный. По подсчетам, к 1941 году община насчитывала без малого 66000 человек. Абсолютный прирост за время войны не подсчитывался, и в то же время из числа 66000 были вычтены три тысячи погибших. В 1945 г. демографический подсчет был начат соответственно с 63000, и прирост был принят в два процента в год. Таким образом, на 1974 год община евреев Восточного Кавказа насчитывала минимум 121342 человека. Если учесть, что за последние десять лет с Кавказа выехало в Израиль более 20000 представителей этой общины, то с учетом прироста за это время можно считать, что в настоящее время в Советском Союзе проживает примерно 110000 евреев Восточного Кавказа.

Хазары

Освещая вопросы истории евреев Восточного Кавказа, невозможно обойти вопрос о хазарах. История возникновения Хазарского царства (каганата), как и само происхождение хазар, до того запутана, что и по сей день вызывает споры среди историков.

Одни считают, что хазарские племена шли с севера на юг, другие – что это босфоро-хазарские племена, третьи – что они угро-финского происхождения и т.д. и т.п. Но никто и никогда не мог доказать, что хазары – семитского происхождения. Одни доказывают, что Хазарское государство возникло в 6-ом веке и, что занимало оно миллионы квадратных километров от степей Казахстана и до пределов Восточной Европы, и от верховьев Волги и берегов Балтики до берегов Черного и Азовского морей и предгорий Кавказа. По другим предположениям, это государство возникло в 7-ом веке и занимало всего лишь излучину Волги и Дона. Исчезло оно с исторической арены так же незаметно, как и возникло.

Проанализировав выводы современных и средневековых историков, мы приходим к заключению, что Хазарское царство зародилось на развалинах империи гуннов у берегов Азовского и Хазарского (т.е. Каспийского) морей в конце 6-го века. Просуществовало оно до второй половины 10-го века.

Уже в конце 7-го века Хазарское царство было не менее могущественным государством, чем Византия и Арабский халифат того времени.

При царе Булане Хазарский каганат (30-е годы 8-го века) принимает иудейскую религию, но лишь в конце того же века, при царе Обадье, иудаизм объявляется государственной религией всего каганата.

К тому времени влияние Хазарского царства достигает Восточной Европы.

Конечно евреев там было достаточно для того, чтобы повлиять на каганат для утверждения иудейской религии в качестве религии ведущей. Однако, исходя из того факта, что первая столица Хазарского царства находилась на территории Восточного Кавказа (город Самандар, современное название – Тарки), можно согласиться и с тем, что иудаизм был принят каганатом именно под влиянием евреев Восточного Кавказа.

Истории известно, что после царя Обадьи, который вместе с утверждением иудаизма государственной религией создал и широкую сеть еврейских школ, на престол Хазарского царства взошли поочередно еще 12 царей: Ехизкиел, Манасия, Ханука, Исаак, Завулон, Моисей, Нисим, Аарон I, Менахем, Вениамин, Аарон II и последний царь – Иосиф Бен-Аарон.

Вот как описывает это государство хазар основоположник российской фундаментальной хазарологии 19 века Григорьев в труде "Россия и Азия": "Необыкновенным явлением в средние века был народ хазарский. Окруженный племенами дикими и кочующими он имел все преимущества стран образованных... устроенное правление, обширную цветущую территорию и постоянное войско... Когда величайшее безначалие, фанатизм и глубокое невежество оспаривали друг у друга владычество над Западной Европой, держава Хазарская славилась правосудием и веротерпимостью, и гонимые за веру стекались в нее отовсюду. Как светлый метеор, ярко блестела она на мрачном горизонте Европы и погасла, не оставив никаких следов своего существования".

Можно согласиться с этим выдающимся ученым во всем, кроме последней фразы приведенного отрывка, ибо народ, а тем более – государство, обладающее всеми передовыми формациями своего времени, не могли исчезнуть бесследно.

Хазарский народ состоял из различных этнических и религиозных племен и групп (об этом подробнее сказано ниже) и с падением и исчезновением Хазарии как государства народ этот отнюдь не исчез. Более того, куда бы его судьба не забрасывала, он уносил с собою частицу культуры Хазарии.

"Еврейские ремесленники работали в городах всего татарского государства уже в XIII столетии", писал широко известный ученый Ольшанский ("Известия общества обследования и изучения Азербайджана", 1928 г.).

Хазаролог с мировым именем Михаил Артамонов писал в 1936 году: "Как было русскому шовинизму примириться с политическим преобладанием хазар, выступающих в качестве государства, почти равного по силе и политическому значению Византии и Арабскому халифату, в то время как Русь еще только выходила на историческую арену, и то в роли вассала Византийской империи" ("Очерки древнейшей истории хазар").

Наиболее бескомпромиссным является утверждение советского востоковеда Пархоменко: "...Главная роль в формировании русской государственности принадлежит хазарам" ("У истоков русской государственности 8-9 вв.").

Невольно возникает вопрос, как могло случиться, что дикие кочевые племена гуннов за короткий исторический период превратились в народ, да еще с такой культурой, который не только сам вышел на историческую арену, но и оказал влияние на процесс исторического развития других народов – больших и малых?

Проанализировав множество научных трудов, проследив за развитием Хазарского каганата – этап за этапом – неизбежно приходишь к выводу, что Хазарское государство материально и духовно начало развиваться лишь после того, как

иудейская религия проникла в каганат, и чем больше власть сосредоточивалась в руках евреев, тем быстрее развивалось государство. Проникнув в ключевые органы управления государством, евреи катализировали образование наиболее передовых формаций.

"Можно положительно утверждать, — пишет Ольшанский, — что материальная культура в Древней Хазарии была создана евреями".

"Хазарское государство, объединяющее громадную часть нашей страны, конечно, не прошло бесследно", — пишет Михаил Артамонов и далее развивает мысль: "Хазарское государство нельзя не учесть как важнейшее условие образования Киевской Руси".

Другой крупный ученый, Мавродин, пишет: "Из городов Донца и Дона шли на север, к славянам, не только воины за данью, но и товары, предметы ремесленного производства и т.п. Отсюда распространялись на юг Руси навыки ремесленной выучки, начатки специфической хазарской, восточной культуры". Это означает, что еще в дни своего существования Хазарский каганат вкладывал свою материальную и духовную культуру в другие народы, способствуя их быстрейшему развитию.

В современной хазарологии спорных вопросов куда больше, чем исчерпывающих ответов. Так, на наш взгляд, остаются наиболее актуальными четыре вопроса: не были ли предводители хазар еще на племенной общинной стадии евреями, отошедшими от веры отцов? Что вообще означает слово "каган" и происходит ли оно от слова "кознь", т.е. ведущий происхождение от потомков первосвященников? Почему гунны стали называться хазарами, не древнееврейское ли это слово "хозер", означающее возвращение к вере предков?

Наконец, не заключается ли секрет бурного развития хазарского царства в том, что иудаизм "новых" евреев, которые уже давно перешли на оседлый образ жизни, слился с иудаизмом "старых" евреев — предводителей кочующих племен?

Выдвигая эти версии, мы не настаиваем на их полном соответствии исторической правде, но допускаем такую возможность и считаем, что этот вопрос требует глубокого изучения. И здесь уместно вспомнить утверждение "Кембриджского анонима", что один из хазарских военачальников (кажется, Писах) под влиянием своей жены Серах и ее отца вернулся к Богу, т.е. к вере своих предков.

Многие справедливо задают вопрос, как могло случиться, что столь могущественное государство рухнуло так внезапно?

Однозначного ответа на этот вопрос пока не найдено. Каждый исследователь предлагает свое толкование этого факта, и каждая версия достойна внимания. Изучение различных аспектов этой проблемы позволяет в какой-то степени приоткрыть завесу неизвестности.

Очевидно, что в огромном Хазарском государстве царь (каган) не мог, а скорее всего не хотел направить народ в русло одного политико-духовного направления, как, скажем, поступали правители других государств средневековья. В пользу подобной интерпретации плюрализма, имевшего место в религиозно-духовной среде каганата, говорит тот неоспоримый факт, что иудаизму чуждо миссионерство, навязывание своего вероисповедания другим.

На всей территории государства, расчлененного на множество этнических племен, каждая группа соперничала и боролась с другой. Каганат же не принял мер для того, чтобы привить этим племенам единую монотеистическую религию, ка-

кую обрел сам. Фактически политическое и духовное формирование народа в целом было предоставлено самому народу.

Видимо, высшие классы связывали с принадлежностью к иудаизму свою "богоизбранность", т.е. исключительность и не желали массового вовлечения простого народа в иудаизм. И в то же время две другие монотеистические религии – христианство и ислам – без препятствий со стороны властей проникали в массы и вербовали язычников в ряды своих последователей. И вот уже в конце 6-го века христианство, придя из Византии, пустило глубокие корни во всем Хазарском государстве.

Не дремало и мусульманство. Внешне поддерживая религиозную терпимость государства, оно порой инспирировало враждебные выступления против еврейских учреждений. Если же власти и принимали ответные меры против таких действий мусульман, то это случалось редко и с опозданием: история помнит лишь один случай, когда власти применили ответные меры, разрушив минарет соборной мечети в Итиле, а также казнили нескольких муэдзинов после разгрома мусульманами синагог.

Известен также факт применения карательных мер против христиан, когда в тридцатые годы 10-го века из страны были изгнаны христианские миссионеры – за то, что они призывали христиан греческой веры выступать против иудейской власти.

Однако, повторяем, веротерпимость преобладала над редкими репрессивными мерами, применяемыми в каганате.

По свидетельству арабского историка Масуди (10-й век), русские занимали у кагана ответственные должности, выполняли различные работы при дворе и даже служили в гвардии самого кагана. Известно также, что в армии каганата были созданы русские и мусульманские полки. В создавшейся ситуации, особенно в последнее десятилетие существования Хазарского государства, когда русские и арабские набеги не давали хазарам покоя, именно эти обособленные полки и сыграли решающую роль в свержении власти кагана и полном разрушении государства.

Итак, каганат постепенно выпустил из рук бразды правления и соответственно контроль над собственной армией. Хотя некоторыми войсками попрежнему командовали евреи, этого было явно недостаточно.

Исследователь Лев Гумилев считает, со своей стороны, что главной причиной столь быстрого ослабления каганата является трансгрессия Каспийского моря, т.е. наступление его на сушу, в результате чего якобы было затоплено три четверти волжских и прикаспийских земель, принадлежавших Каганату.

Каспийское море в результате элейрогенического движения или других явлений действительно вышло из берегов и затопило указанные земли. Но, судя по оптимистическому письму царя Иосифа, написанного в 960 году (подробно о письме ниже), за пять лет до падения хазарской государственности, можно сделать вывод, что к падению Хазарии это не имеет никакого отношения, тем более, что затопление это произошло не внезапно, а в течение одного-двух столетий (утверждение самого Гумилева). А за такой период Хазарский каганат сумел бы приспособиться к создавшимся условиям.

Могущественное государство средневековья – Хазарский каганат – пал, как принято считать исследователями, в 965 году. Именно в этом году дружины

князя Святослава Игоревича при поддержке северных кочевников овладели крепостью Саркел и столицей каганата — Итилем.

С падением Хазарского государства открывается путь для других, более жестоких поработителей Руси. Хазарское государство было неприступной крепостью на пути арабов и восточных кочевых племен. Когда же его не стало, Русь растоптали войска Хорезма и татаро-монгольские полчища.

Все вышесказанное доказывает тенденциозность толкований некоторых хазарологов, пытающихся объяснить поражение Хазарского каганата ошибкой самого кагана, якобы заключающейся в принятии им иудейской "антинародной" религии.

Удивление и горькое сожаление вызывают утверждения некоторых современных еврейских историков о том, что якобы прикаспийские евреи (или даже евреи всего Кавказа) являются потомками хазарских племен, принявших иудейскую религию. Это утверждение противоречит всем историческим данным, бесспорно подтверждающим, что именно под влиянием евреев Восточного Кавказа (Прикаспия) хазарские цари и их приближенные приняли иудейскую религию. Утверждать обратное означает подтверждать вымысел, "братающий" нынешних советских невежд-историков, которые проводят знак равенства между евреями Восточного Кавказа и татами. Цель этого вымысла — занижить статистические данные количества еврейского населения, что в свою очередь дает практическую возможность политическому руководству ущемлять национальные права евреев Восточного Кавказа.

И все же не лишена основания мысль, что кто-то из потомков хазар, принявших иудаизм действительно смешался с евреями Восточного Кавказа: "Когда русские опустошили город Самандыр, жители последнего бежали в... Дербент, среди которых были и евреи (Е.Э., т.5)". Отсюда следует, что бежали не только евреи, а все горожане: и мусульмане, и язычники, и, возможно, даже христиане. Тем не менее это не доказывает, что самандырскими евреями были хазары, принявшие иудейскую религию. Ведь понятно, что бежали не цари и их приближенные вельможи, а простолюдины, то есть евреи по крови, а не евреи, принявшие иудаизм — хазары.

В. О. Ключевский, писавший об истории хазар в 70-е годы прошлого столетия, утверждал: "Династия хазарских каганов со своим двором, то есть высшим классом Хазарского общества, приняла иудейство". И ни малейшего намека в его исследованиях (между прочим, и в исследованиях всех других авторов, писавших о хазарах) не содержится на то, что иудейская религия была распространена среди самых широких масс.

В "Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа", выпуск 29, 1901 г., ссылаясь на ал-Фарисей ал-Истахри ("Книга путей царств", 930 г.), пишется о хазарах: "Царь их иудейского вероисповедания, и говорят, что свита его числом в 4000 человек. Хазары — мусульмане, христиане и иудеи и среди них есть идолопоклонники. Самый малочисленный класс — иудеи, а самый большой — мусульмане и христиане, но все-таки царь и приближенные его — иудеи". Это яркое свидетельство, сделанное за 35 лет до падения хазарского государства, доказывает, что даже свита самого царя не состояла исключительно из принявших иудейскую религию.

Для большей убедительности процитируем и широко известного автора X века Ибн-Хаукала, со всей категоричностью утверждавшего, что "...только цари

и вельможи в хазарском государстве евреи...".

Итак, бесспорно, что лишь незначительное число хазар приняло иудейскую религию. Из этого следует, что прикаспийское еврейство — не потомки хазар, а те евреи, которые сами оказали ощутимое влияние на принятие хазарскими царями и их приближенными иудейской религии.

Приведем еще несколько доказательств нашего утверждения.

Как известно, арабский полководец Мевран⁸ в 735 году прошел всю кавказскую часть Хазарии, огнем и мечом вводя ислам. Ясно, что каган и его приближенные (евреи и неевреи) должны были покинуть тогда Восточный Кавказ, если они, разумеется, еще находились там. И хотя уже через несколько лет Хазария восстановила свою былую славу, нанося арабам удар за ударом, хазары, принявшие иудаизм вместе с царем, уже на Кавказ не возвращались. Даже столица Хазарии была перенесена на Волгу⁹ — в город Итиль.

Далее, в 960 году царь Иосиф бен-Агарон писал сановнику Кордовского халифа Хасдию бен-Шафрут в ответ на его письмо (примерно так): "Каганат раскинулся на четыре месяца пути на Восток и на два месяца — на запад. На южной границе мне подчиняются 15 народов, а на западе находятся процветающие города Саркел, Керчь, Судак, Алушта, Алупка, Гурзуф. Я сам живу в столице Итиль..." Царь Иосиф сообщал о прекрасном крае: "Земля наша славится виноградниками, садами, реками, рыбой и т. д." Это письмо не оставляет сомнения в том, что в ту пору кавказская часть, некогда входящая в состав Хазарии, отошла от каганата. Ведь, во-первых, в письме не упоминается ни один из городов Восточного Кавказа, в том числе и бывшая столица город Самандар (ныне поселок Тарки — один из микрорайонов столицы Дагестана — Махачкалы). Во-вторых, царь Иосиф, воспевая красоту и богатство края, не упоминает о стадах мелкого рогатого скота, чем Кавказ всегда славился. Даже не вдаваясь в другие детали письма, можно с уверенностью сказать, что уже в тот период Восточный Кавказ не находился под властью каганата. А стало быть, еще в период существования Хазарского царства на восточном Кавказе уже не было тех хазар, которые приняли иудейскую религию.

Одним из немаловажных аспектов данного вопроса является и то, что хотя хазары и овладевали периодически Дербентом, южнее его они не продвигались, и, естественно, не имели влияния на огромную территорию Прикаспийского (Восточного) Кавказа, где значительное большинство евреев Восточного Кавказа жило и живет в настоящее время.

Опровергая мнение о том, что прикаспийские евреи или даже евреи всего Кавказа являются потомками хазар, принявших иудаизм, можно привести еще одно неопровержимое доказательство: дело в том, что значительное число нынешних еврейских поселений, находящихся на территории, некогда входившей в состав Хазарского государства на Восточном Кавказе, возникло 400—500 лет тому назад, на много столетий позже крушения Хазарии.

Семитский тип евреев Восточного Кавказа не оставляет никакого сомнения, что эти евреи сохранили свое еврейское происхождение как морфологически, так и генетически, тогда как, повторяю, хазары не были семитами.

Но куда же делся хазарский народ?

Прежде чем ответить на этот вопрос, следует отметить, что хазарского народа, как такового, не существовало, а существовало Хазарское государственное объ-

единение, которое включало в себя различные этнические племена и группы.

В поисках следов исчезнувших хазар нам удалось обнаружить многочисленные предположения и разнообразные аргументы. Пр процитируем некоторые из них.

В. Н. Татищев пишет в "Истории Российской": "Святослав Первый все их (хазарские) грады по Бугу и Днестру до Дуная обладал. При нем и после многое число их в Русь переведены и по разным городам переселены..."

Польский историк М. Гумплович в начале века писал в книге "Исход": "На дорогах между областей Каспийского, Черного и Балтийского морей большинство купцов были евреи, правда, не те, которые из Израильского рода, но те, которые впоследствии стали настоящими евреями, какими они известны в настоящее время в облике польских, русских и литовских евреев..."

Уместно также упомянуть об одной интересной детали. У всех народов, населявших огромную территорию бывшего Хазарского государства, встречаются — и нередко — древнееврейские имена: Давид, Соломон, Яков, Иосиф, Абрам, Даниел, Михаил (Микаил) ит. д. Такое явление может служить поводом для предположения, что хазарские евреи смешались с теми народами, среди которых они оказались после падения царства.

В подтверждение этой версии можно привести высказывания украинского историка Грушевского из его "Истории Украины — Руси": "Иудаизм из Босфора настолько распространился среди хазар, что стал придворной религией Хазарского каганата и его двора, и более поздние следы проявления иудаизма в различных областях и моментах восточно-европейской жизни в значительной степени связаны генетически с этим Босфоро-Хазарским иудейством, вплоть до жидовствующих 15-16 вв..."

Таким образом, если исследования Гумпловича и Грушевского правильны, хазары растворились и в Восточной Европе, а хазарские евреи смешались с восточноевропейским еврейством, т. к. значительная часть территории Восточной Европы, не говоря уже о России, — это территория бывшего Хазарского царства.

Известно, что в 1113 году в Киеве был еврейский погром, значит, уже тогда в Киеве было немало евреев, а раз так, то не могло не случиться, чтобы хазарские евреи не смешались и с этой общиной.

По утверждению исследователя Гумилева, в лесах долины Дона уцелело и сохранилось местное население, принадлежащее к хазарам. Это население в 12 веке получило прозвище "бродники".

Как известно, "бродников" с 16 века стали называть казаками. Вот еще одна ветвь хазаров. А это, в свою очередь, подтверждает нашу версию, что единого хазарского народа не было — он состоял из различных этнических групп и племен.

Пытаясь доказать, что прикаспийские евреи — это потомки хазар, некогда принявших иудейскую религию, сторонники этой теории подчеркивают: среди коренных кавказских евреев нет своих левитов и кознов (потомков первосвященников). Действительно, среди первых евреев-переселенцев на Кавказе первосвященников не было. Не было их и среди евреев, живущих в Дербентском горнооборонительном районе. Эти евреи всегда приглашали первосвященников из еврейских общин Персии, Турции и других стран, обеспечивая их при этом всем необходимым за счет своей общины.

Почему же в общинах евреев Кавказа не было своих левитов и кознов? Поиски ответа на этот вопрос в исторической, мемуарной и справочной литературе

оказались безуспешными. Неожданную помощь оказал знаток Библии, новый репатриант с Восточного Кавказа, житель Гиват-Ольги Гавриил Исаков. Он подсказал, что ответ мы найдем в "Невиим" (Пророки) — одном из разделов Танаха.

Нет необходимости цитировать главы Танаха, подтверждающие, что после смерти царя Соломона государство Израиль раскололось на два государства: Иудейское, со столицей в Иерусалиме, и Израильское, со столицей в Шхеме. В Иудейском государстве остались два колена Израилевых, ведь: "И пришел Рехавам в Иерушалаим, и собрал весь дом Иеудин и колено Биниаминово" ("Млахим", I, 12—20). Стало быть, десять колен (Реувен, Шимон, Иссахар, Звулон, Дан, Нафтали, Гад, Ашер, Менаше и Эфраим) оказались в государстве Израиль.

Из священных книг явствует, что представители всех колен, отошедших к государству Израиль, считались вероотступниками, за что и наказал их Бог: "В те дни начал Господь отсекаать от Исраэля; и Хазазил побил их во всем пределе Исраэлиевом; на востоке от Йардэйна, всю землю Гилад, Гада, Реувена, Менаше, от Ароэйра, который при потоке Арнон, и Гилад и Башан" ("Млахим", II, 10, 32-33). И далее: "Во дни Пэхаха царя Исраэильского, пришел Тиглат Пилэсэр, царь Ашурский, и взял Ийон и Авейл-Бэйт-Мааху, и Йаноах, и Кэдэш, и Хацор, и Гилад, и Агалилу — всю землю Нафтали, и изгнал их в Ашур" ("Млахим", II, 15—29). Из сказанного становится понятно, что еще до полного падения Израильского государства из десяти колен, входящих в его состав, четыре колена — Гада, Реувена, Менаше и Нафтали — были уничтожены или, в лучшем случае, изгнаны.

Весьма важен для нас и следующий отрывок: "И пошел царь Ашурский по всей стране, и поднялся к Шомерону, и осаждал его три года. В девятый год (от начала царствования) Ошэйи царь Ашурский взял Шомерон; и изгнал он исраэльтян в Ашур, и поселил их в Халахе, и в Хаворе, при реке Гозан, и в городах Мадайских" ("Млахим", II, 17, 5-6).

Известно, что "города Мадайские" — не что иное, как Мидийские города, т. е. район Северного Ирана, откуда евреи впервые прибыли на Восточный Кавказ. Очевидно, что, в свете сказанного выше, среди них не могло быть не только первосвященников, но и просто истинно верующих евреев.

Более того, нам удалось выяснить, к каким коленам принадлежат те евреи, которые попали на Восточный Кавказ через Мидию. Это — колена Шимона, Иссахара, Звулона, Дана, Эфраима и Ашера, поскольку из десяти колен ко времени нашествия Салманасара (ассирийского царя) именно они оставались еще в Израильском государстве. Однако впоследствии на Кавказ прибыли евреи и из колен Егуды и Биньямина, а с ними левиты и козны — члены общин, изгнанных из Израиля, то есть иудейского государства, после разрушения Первого и Второго Храмов.

Взаимоотношения евреев с окружающими народами на Восточном Кавказе

Первой трагедией евреев Восточного Кавказа принято считать нашествие арабов, руководимых полководцем Масламом бен Абдул-Маликом (Абу-Муслимом) в 735 (737) году. Абу-Муслим огнем и мечом вводил ислам среди покоренных

народов.

Однако наличие еврейских поселений, возникших еще до завоевания Кавказа Абу-Муслимом и существовавших вплоть до наших дней, свидетельствует о том, что арабы первое время относились к иудейской религии более терпимо, чем к христианству и язычеству. Евреев, видимо, не особенно принуждали отказаться от своей религии. Существовали даже многочисленные еврейские религиозные школы в арабских городах, особенно в Багдаде, где получали образование большинство просвещенных евреев Кавказа.

Тем не менее евреев Кавказа неоднократно постигали трагедии в результате антисемитских выступлений в дни нашествия татаро-монголов в 13 веке; нашествия полчищ Тимура-Хромого (Тимурланга) в 1395-96 гг.; походы Надир-шаха в 1741 и 1744 годах и т. д.

В условиях СССР, где вся еврейская история как бы зажата в тисках ассимиляции и скрытого государственного антисемитизма, невозможно с точностью установить, когда и при каком правителе или завоевателе какие еврейские аулы были уничтожены и какие общины обращены в ислам. Однако даже в простейшем исследовании можно прийти к определенным выводам.

В народе бытует мнение, что название селения Ахты происходит от еврейского ахоти — сестра. Легенда гласит, будто один из наиболее уважаемых священнослужителей, убедившись в том, что насильники готовы безжалостно уничтожить еврейскую общину села за отказ ее жителей принять ислам, первым принял ислам и выдал свою сестру за предводителя насильников, тем самым показав пример непокорным односельчанам и отведя нависшую над ними угрозу поголовного истребления. Говорят, что это произошло при Надир-шахе, и будто бы нееврейское население села того времени, состоявшее из язычников, лишь вместе с евреями приняло ислам. После этого село было переименовано в Ахоти, которое со временем видоизменилось в "Ахты".

У местных лезгин сложено много легенд и песен на эту тему. Легенды также рассказывают, что выдача еврейки замуж за предводителя мусульман смягчила сердца последних, и многим евреям удалось скрыться в горах, избежав насильственного омусульманивания.

Всеволод Миллер в 1894 году писал: "Жители села Ахты (Дагестан) до сих пор сохраняют воспоминания о том, что их предки были евреями, что и сейчас там есть лезгинь, зажигающие в пятницу вечером свечи".

У Миллера сообщается, что ахтинцы приняли мусульманство 150—155 лет тому назад (с поправкой на дату написания труда — 240—245 лет назад), и что в Ахты имеются две мечети, одна из которых — более древняя — некогда служила евреям синагогой. Если верить преданиям, над дверью этой мечети древнееврейскими буквами была высечена дата сооружения здания и имя того, на чьи средства оно построено. В этой старой мечети, сообщает Миллер, "...и сейчас хранится один экземпляр свитка Торы, а другой находится у одного местного богача". В подтверждение высказываний Миллера уместно напомнить, что один из коренных жителей села Ахты, лезгин, переехавший жить в Дербент еще в 30-е годы — некто Давлетханов — не скрывал, что его предки были евреями, и при каждом удобном случае вспоминал, что его мать всегда ставила субботние свечи, в субботу не готовила обед и вообще не делала ничего, что евреям запрещено делать в этот день. Он также говорил, что у них в доме спрятан свиток Торы и другие

религиозные атрибуты. На вопрос, почему бы все это не отдать в синагогу, он отвечал: "По завещанию наших предков, эти вещи должны вернуться к народу тогда, когда наша община, насильственно превращенная в мусульман, вернется в лоно своей религии..."

Время принятия ахтинцами мусульманства по Миллеру совпадает с нашествием Нади-р-шаха, что подтверждает народные воспоминания о его жестоком отношении к иноверцам.

"В некоторых местностях Дагестанской области, например, Ахты, Ругжами, Аракон и других, потомки этих евреев до сих пор хранят как святыни еврейские книги, перешедшие к ним от предков" (Евр. энци., т. 9.).

Следует отметить, что в селении Ахты до сих пор с почтением относятся к месту, где находилась синагога-мечеть. Это здание развалилось в 30-е годы, когда уже некому было ходить вести там службу, поскольку служители культа были репрессированы. Население не позволяет никому использовать камни развалин для строительства других зданий.

Еврейское кладбище села Ахты находится над самым селом, по направлению к Рутулу. Летом там пасется частный скот, однако за тем, чтобы скотина не вошла на территорию кладбища, где еще остались надгробные камни, тщательно следят.

В селении Ньюдюн, в 15–20 км. севернее Кубы, в горах, живут "таты", у которых хранятся Сефер-Тора и другие религиозные книги. Эти "таты" и поныне ставят субботние свечи, но во всем этом признаются только евреям, и то исключительно близким друзьям.

На неоднократные просьбы евреев продать им Сефер-Тору те отказывают им в этом. Они уверены, что придет время, когда они сумеют снова признать себя принадлежащими к иудейской религии, как завещали им их предки. Каждое их поколение уверено, что это произойдет еще при его жизни.

Историк X века Масуди, писавший о хазарах, сообщал, что в области Заргерон (что означает "золотокузнец", ныне – селение Кубачи) среди жителей были и евреи.

В 1690 году исследователь Вистен, описавший северную и восточную Татарию¹⁰, сообщил, что в селе Бойнак (ныне село не существует) и татарских (т. е. кумыкских) княжествах были тысячи евреев. В одном только княжестве Остме (владения бывших каракайтакских умциев) их было 15 тысяч, писал этот автор (Евр. энци., 9).

Следует полагать, что исчезновение этих и других еврейских общин является исключительно результатом насилия.

Действительно, временами юдофобство в некоторых областях достигало своей высшей точки. Но и тогда все же находились прогрессивные правители, так или иначе пресекавшие антиеврейские действия. Одним из таких правителей был Рустам-хан. В 12 веке, когда Кавказ был разделен на самостоятельные ханства, он, видя, как угнетают евреев, постановил, что "мусульманин, убивший еврея, должен наполнить серебром кожу с убитого и отдать это серебро умцию" (там же). Понятно, что такой огромный материальный штраф мог предотвратить убийство евреев.

Упомянем еще раз о Нади-р-шахе. На Восточном Кавказе о нем ходит много легенд. Перескажем одну¹¹. Когда Нади-р-Шах овладел Кубой, где еврейская часть

города отделяется от мусульманской части рекой и составляет как бы самостоятельный город, он во время богослужения с обнаженным коротким мечом вошел в самую большую синагогу и угрожающе приблизился к кафедре (юхал), требуя от читающего Сефер-Тору отречься от иудейской религии и принять ислам. Раввин, естественно отказался, предпочитая смерть принятию ислама. Тогда тиран со всего размаха обрушил на него меч. Но в это мгновение раввин машинально поднял Тору. Меч, наполовину разрубив свиток вместе с серебряным футляром, застрял в нем. Надир-шах, видя это, начал умолять раввина, чтобы тот прочитал молитву о пощаде перед Всемогущим такого содержания: "Муса-Пэйгамбаром (Моше-Рабину), пусть простит его (т. е. Надир-шаха) Всевышний за то, что он поднял руку на Священное Писание пророка". Шах угрожал сжечь весь город, если раввин откажется выполнить его просьбу. Тогда раввин сам обрушился на него: "Кайся, кайся, злодей, — кричал раввин, — ты осквернил Божий дом и надругался над пророком... Кайся, иначе тебе не бывать ни в удаче, ни в счастье!". Надир-шах, порвав на себе одежду, попросил прощения. Раввин прочитал что-то (видимо, проклинающая тирана), а Надир-шаху сказал, что Моше-пророк простит его, если он прекратит издеваться над народом — евреями (егудами).

Так совершилось еще одно еврейское чудо: по приказу шаха немедленно прекратилось преследование евреев, было возвращено все награбленное еврейское имущество. Надир-шах вместе со своей свитой и остальными воинами покинул еврейскую часть города, так и не учинив кровавой расправы над евреями Кубы... В легенде говорится, что "волею Всевышнего, Тора Моше-Рабину оказалась настоящим щитом для маленькой общины города Кубы"¹².

И действительно, есть факты, подтверждающие, что после этого случая Надир-шах относился к евреям благосклонно.

Другая легенда гласит, что после этого случая Надир-шаху во всех его походах сопутствовала неудача, что он до конца жизни упрекал себя в содеянном в кубинской синагоге и, будучи человеком глубоко религиозным, все свои неудачи объяснял тем, что поднял руку на священную книгу — Тору.

Надир-шах умер в 1747 году. Так закончилась жизнь одного из величайших тиранов периода введения ислама на Кавказе.

Как известно, в 1722 году русские войска под командованием Петра I продвинулись в глубь Восточного Кавказа и дошли до района реки Самур. Один из офицеров, участников этого похода, князь и ученый, историк Дмитрий Кантемир, обследовав горную стену Дербентской оборонительной системы дошел до селения Камах, составил ее план-карту. На этом плане наряду с дошедшими до нас поселениями значится и село Пирдамиши. Однако же к концу 19 в. при новом появлении здесь русских село это уже не существовало. В том, что село было еврейское, не оставляют сомнения сохранившиеся могилы. О времени его исчезновения можно только предполагать: либо село было уничтожено отрядами Надир-шаха (1741—1744), либо властелином Фет-Али-ханом Кубинским (1758—1788). Хотя обстоятельства гибели села пока неизвестны, налицо еще один факт активного антисемитизма.

Немногом позже происходят другие кровавые события. Одно из них — разгром цветущего еврейского села Аба-Сава (אבא־סבא).

В 1797 году, глубокой ночью, вооруженная банда лакцев¹³ во главе со своим ханом — Сурхаем Казыкумухским неожиданно напала на еврейское поселение

Аба-Сава. За одну ночь поселок был полностью разграблен и превращен в груды развалин и пепла. Почти никто не смог спастись. Мужей и сыновей убивали на глазах у беззащитных женщин, а женщин и девушек насиловали на глазах истекающих кровью мужчин. Не щадили даже детей. Многие женщины были похищены бандитами.

Абасавинские события послужили своеобразным сигналом к началу массовых грабежей и новых попыток насильственного обращения евреев в ислам. И одновременно эти же события заставили евреев насторожиться. В короткий срок евреи наладили тесную связь между всеми аулами, и каждое поселение было готово по первому зову прийти на помощь другому.

Давид Бен-Рахмиль, со слов своего отца Рахмиля Бен-Гуршума, умершего в возрасте 120 лет в 40-е годы нынешнего столетия рассказывал, что контакт был налажен даже с самыми отдаленными пунктами Северного Кавказа и Прикубанья, а также с еврейскими общинами Кубы, Ганджи и Варташи и других мест Кавказа. На общественные средства каждое село организовывало наемную милицию. Все еврейство огромной территории Восточного Кавказа превратилось как бы в готовый к удару кулак, сумевший предотвратить гибельную волну еврейских погромов.

Если до проникновения русских на Кавказ антисемитизм, в основном, проявлялся на религиозной почве, то с их приходом он стал частью кавказской политики русского империализма, основанной на классическом принципе "разделяй и властвуй". Известно немало случаев, когда русская колониальная политика натравливала одни народности Кавказа на другие, вкладывая оружие в руки и тем и другим, провоцируя братоубийство и одновременно ослабляя народную силу, способную противостоять русской оккупации и колонизации.

19 век открывает новый этап в истории Восточного Кавказа. Русские постепенно захватывают и аннексируют одну область за другой, что побуждает националистические группировки выступать против русских. И вот уже во втором десятилетии 19 века Восточный Кавказ охватывает эпидемия фанатично-националистических восстаний. Вскоре эти восстания, руководимые Шамилем и прикрываемым кораном Мухаммеда бандитом Казы-муллой, превращаются в подлинную националистическую исламскую войну.

Этот период, – вплоть до окончательной победы русских, – становится для евреев нагорного Кавказа самым тяжелым временем за всю историю кавказской диаспоры. С одной стороны, русские, почувствовав беззащитность евреев, всячески использовали их на самых тяжелых и дешевых работах и распространили на них воинскую повинность, с другой – фанатично настроенное мусульманство требовало от евреев принятия ислама и прямого участия в войне с русскими.

Пребывая в таких условиях, вынуждающих их сопротивляться одновременно и русским, и мусульманам, не все еврейские общины смогли выстоять. Наиболее тяжелыми были условия общин, которые жили в глубоких горных ущельях. Раньше, когда иноземные завоеватели достигали пределов Кавказа, евреи находили спасение в этих недоступных врагу ущельях. А теперь, оказавшись оторванными от внешнего мира, они были в тисках уже полностью омуслиманенного местного населения, руководимого фанатиками. К примеру, аул Уса, который находился в Курахском ущелье Нагорного Дагестана, не смог выстоять под натиском озверевшего Казы-муллы и его банд и в страхе перед поголовным истребле-

нием был вынужден принять ислам. Потом, уже при Советской власти, многие научные экспедиции Москвы и Ленинграда побывали в этом ауле и искали свитки Священной Торы и другие культовые принадлежности. Но жители аула категорически отказались передавать эти реликвии своей веры. Они надеются, что наступит время, когда их потомки вернутся к вере отцов.

Шамилем было обращено в ислам все Андийское ущелье. В народе сложены легенды о жителях Гумбета, многие из которых предпочли смерть принятию ислама.

В период националистической борьбы исламизированных народов Восточного Кавказа против русской экспансии наиболее благоприятным было положение еврейских поселений, находившихся в пределах Горностенной оборонительной системы. Хотя в то время горная стена, как единая оборонительная система, не имела былого значения, этим аулам все же легче было организовать индивидуальную и групповую оборону от нападений фанатиков. Кроме того, им помогали соседи-мусульмане, дружелюбно относившиеся к "своим" евреям. Сказывалась многовековое соседство, а может быть, и семитское происхождение этих мусульман.

Мы уже говорили, что все население этой системы когда-то составляло переселенцев из Персии, намекая на то, что все они могли быть евреями. Но когда и при каких обстоятельствах некоторые из них перешли в ислам, пока неясно. Возможно, что частично это произошло под влиянием мусульманского миссионерского движения, без насилия и принуждения.

В прошлом (как, впрочем, и в наше время) человек, добровольно принявший ислам, пользовался большим уважением и почетом в обществе мусульман. На общественные средства его посылали в Мекку, откуда он возвращался с титулом хаджи. Такой титул давал мусульманину большие преимущества. Кроме того, перешедшему в мусульманство еврею строили дом, давали участок земли, скот и другое необходимое имущество. Видимо, в те тяжелые времена соблазн был настолько велик, что на протяжении веков многие евреи были вынуждены принять ислам.

Что касается еврейских поселений, расположенных южнее Дербента, то следует отметить, что они были недоступны Шамилю, так как он в этих районах не имел влияния. Местные жители принадлежали к разным религиозным сектам (азербайджанцы являлись шиитами, а остальные мусульмане Восточного Кавказа, кроме турок, — суннитами. Как известно, эти секты вечно враждуют между собой).

Тем не менее, мусульманский шовинизм, круто замешанный на фанатизме, постепенно побеждает, и отношение к евреям меняется повсеместно. Повторяем, эти годы мусульманского сопротивления русскому колониализму (1830–1859) знаменуют собой один из самых трагических периодов в истории евреев Восточного Кавказа. Именно поэтому евреи, видя в русских своих "освободителей", повсеместно становились на их сторону.

В начале 40-х годов 19 столетия, осознав невозможность самостоятельно помочь своим собратьям, отрезанным в Нагорном Дагестане, Чечне и других глубинных районах Восточного Кавказа, евреи написали отчаянное письмо-петицию русскому царю Николаю Первому, в котором, подтверждая свою лояльность русскому государству и лично царю, просили его помочь освободить их единовер-

цев от ига фанатиков Шамиля, просили помочь им найти евреев, бежавших от издевательств в леса и горы, и взять несчастных под русское покровительство. Мы знаем, что русские ничего не сделали для спасения тех евреев, зато сумели упрочить свои позиции на Кавказе и затем ввели там все ограничения, существовавшие по отношению к евреям в черте оседлости на территории России. Правда, в 1872 году великий князь Михаил Николаевич официально объявил для евреев Восточного Кавказа равные права с местным населением. Однако ровно через 20 лет (в 1892 году) вышел Указ, запрещающий евреям проживать в деревнях и официально приобретать земли. Указ этот ударил и по правам кавказских евреев. Если бы не хорошие отношения с местным населением, особенно с бывшими феодалами (ханами и беками), некогда владевшими этими землями, то все евреи сразу же вынуждены были бы покинуть насиженные места и переселиться в города, обрекая себя и свои семьи на полуголодное существование. (Правда, понимая, что переселяться рано или поздно придется, многие евреи уже тогда начали переезжать в города).

Видя, что до бесконечности такая жизнь продолжаться не может, в 1899 году евреи посылают делегацию в Петербург, к царю. Царь в аудиенции отказал, и они были приняты, по свидетельству современников, великим князем Михаилом. Во время встречи евреи потребовали возвращения своих прав, которыми они пользовались на Кавказе до прихода русских. Их требование было обещано выполнить. Официальных указов по этому поводу так и не последовало, но еще до возвращения делегации из Петербурга отношение русских властей к евреям резко изменилось, евреям начали разрешать приобретение земли даже в городах. Главным же было то, что отношение к евреям со стороны русских властей и местных правителей в целом улучшилось. Тем не менее, некоторые ограничения — такие, к примеру, как запрет евреям проживать в центральных городах России более 24 часов, сохранились и для кавказских евреев и действовали вплоть до февральской революции.

Для образа жизни евреев, проживающих в течение долгих веков на Восточном Кавказе, характерна приводимая ниже история, типичная для многих евреев, всегда мечтавших об исторической родине, но несмотря на то, что побывали там, так и не сумевших связать свою жизнь с нею. История эта важна и тем, что она показывает отношение окружающей среды к евреям.

Рассказ Сасона бен Рахмиля

Мои предки были в числе тех евреев, которых переселил на Кавказ шах Аббас Первый. Старики рассказывали, что по прибытии на Кавказ наши предки сразу обосновались в Дербенте, где до них евреев не было. Одними из первых дербентских евреев стали мои предки. Приехав в Дербент, они zaloжили виноградники, а также занялись выращиванием корня марены. А в свободное от хозяйства время они занимались на жатву злаков. Это обеспечивало семью на целый год хлебom. Кроме того, и у нас, и у всех остальных еврейских семей было по несколько коров, так что и в молочных продуктах евреи не нуждались.

Мой отец, Рахмиль бен Шалом, в 23-летнем возрасте в числе первых халушим переселился с семьей в Эрец-Исраэль. К тому времени у отца в Дербенте было

большое хозяйство, и, уезжая, он оставил его брату Биньямину.

Точная причина возвращения отца в Дербент мне неизвестна. Но говорят, что Биньямину было трудно управлять и своим, и отцовским хозяйством, поэтому моему отцу пришлось оставить Обетованную землю и вернуться. Моя мать Люба (Либо) не согласилась оставаться с пятью детьми на руках (мои родители приехали в Эрец-Исраэль с сыновьями Михаэлем, Эфраимом и Шаломом и дочерью Михаль, уже в Иерусалиме у них родилась дочь Бат-Циона).

Так или иначе, в 1907 году они вернулись в Дербент. У отца было намерение наладить хозяйство, оставить во главе его старшего сына и снова уехать в Эрец-Исраэль. Но в Дербенте отец нашел свое хозяйство в очень запущенном состоянии и о скором возвращении в Израиль и речи быть не могло. А вскоре разразилась первая мировая война. К тому времени семья еще больше разрослась — родилась сестра Мулоим и я, Сасон.

Восстановить хозяйство отцу так и не удалось. И он начал заниматься мелкой торговлей.

У отца было очень много друзей. Почти во всех аулах Южного Дагестана у него было по несколько кунаков (близких знакомых, у которых можно останавливаться). Отец часто навьючивал лошадь промышленными товарами и объезжал своих знакомых в лезгинских, даргинских и кумыкских селах. Особенно в ходу была хлопчатобумажная мануфактура. Нередко отец продавал свой товар в долг, и его кунаки потом собирали деньги от своих сельчан к следующему приезду отца. Очень часто покупатели возвращали ему — с его разрешения — долг натурой: яйцами, сухофруктами, грецкими орехами, миндалем, яблоками, грушами и другими продуктами. Когда продуктов набиралось много, кунаки отца на своих арбах¹⁴ привозили их в Дербент. Почти каждую неделю, осенью и зимой, к нам приходило по несколько таких арб с продуктами. Наш двор был похож на караван-сарай.

Отец потом продавал все эти продукты оптовикам, которые, в свою очередь, возвозили их в центральные города России. Во время войны эта торговля приобрела особое значение, так как часть продуктов шла в действующую армию.

За короткое время отец в какой-то мере наладил запущенное было хозяйство. Казалось бы, можно жить и радоваться. Но в 1916 году случилось несчастье, о возможности которого всегда говорил своим детям дед Шалом, требуя от них быть начеку и не слишком доверять гоям.

Как-то отец задержался в Тагире — лезгинском селе, расположенном в трех километрах от берега реки Самур. Как обычно, отец остановился у своего самого дорогого кунака — Кзримхана.

После ночной трапезы отец пошел спать в кунацкую, где ему была приготовлена постель. Вскоре жена Кзримхана, нарушив обычай горцев, вошла в комнату, где спал чужой мужчина — гость. Она разбудила отца и сказала, чтобы он немедленно уходил, сообщив, что Кзримхан хочет его убить. Отец, недолго думая, оделся и спустился в конюшню. Но там не оказалось ни его коня, ни коней хозяина. Отцу пришлось покинуть село пешком.

Кзримхан давно уже замыслил ограбить отца. Когда его уложили спать, Кзримхан вышел из дома. Его жена, почувствовав недоброе, выбежала следом за ним во двор и спросила, куда он идет. Оказалось, что муж идет за Пашой, своим племянником, славящимся своей жестокостью. Больше ни о чем не рас-

справивая мужа, женщина вернулась домой, чтобы предупредить моего отца.

Кэримхан, вернувшись с Пашой домой, не нашел там моего отца. На вопрос Кэримхана, где Рахмиль, жена ответила, что она посоветовала Рахмилю уйти. Жена угрожала, что поднимет все село против мужа, если тот пойдет убивать Рахмилю.

По законам горцев, жена не имеет права сопротивляться требованиям мужа, и муж имеет право даже физически наказать жену, если она не подчиняется ему или вмешивается в его дела. Но Кэримхан боялся наказывать жену, потому что у нее было семь братьев, известных своей смелостью.

В конце-концов Кэримхан и Паша убедили жену, что убивать Рахмилю они не будут.

Между тем отец решил переждать темноту под мостом через Самур и засветло пойти на станцию. Кэримхан и Паша настигли его уже на рассвете. Укутавшись в свой кафтан, он спал. Кэримхан нанес спящему удар кинжалом, поранив отца плечо. Отец моментально очнулся, побежал. Но бандиты догнали его и нанесли еще по одному удару. В это время по мосту шел поезд, и пассажиры видели происходящее.

Отец, получив еще два кинжальных удара, обратился к Кэримхану:

— Кэримхан, ведь мы с тобой хорошие друзья!

— Да, — ответил тот.

— Так хватит с меня этих кинжальных ран, дай мне хоть до дома добраться. Ведь ты знаешь, что я скоро умру!

— Нет, — ответил Кэримхан. — Я тебя должен убить и забрать все, что у тебя есть.

— Кэримхан, возьми из моего кармана все деньги, только не убивай меня, дай мне дойти до дома!

Кэримхан наклонился, достал из кармана мешочек с золотыми и серебряными монетами и пачку бумажных денег. Затем бандиты вонзили своей жертве в сердце кинжал, труп бросили в реку и ушли.

Вскоре люди, видевшие происходящее из поезда, сообщили об этом дежурному по станции Самур. Тот, в свою очередь, сообщил об этом в жандармерию. Через короткое время жандарм в сопровождении нескольких рабочих железной дороги пришел к месту и возле мостовых опор был обнаружен труп. В карманах у отца не нашли ничего, что могло бы подтвердить его личность. Ведь грабители забрали все, что было. Однако среди собравшихся на месте происшествия оказались лезгины, узнавшие отца. Начались розыски родственников...

В Тагире уже все знали, что ночью Рахмиль был убит Кэримханом и Пашой, но не даром говорится: "Собака собачье мясо не ест". Лезгин никогда не выдаст лезгина ради еврея.

Какой-то знакомый отца, еврей, ехавший из Баку в Дербент, тоже видел происшедшее у моста, узнал отца и рассказал моей матери об увиденном. Мать собрала родственников и на двух подводах срочно поехала на поиски. Скоро она уже знала, что труп находится в одном из помещений станции. Однако убийц никак не могли найти. Хотя подозрение и падало на жителей села Тагир, никаких доказательств не было. Тем более, что мать утверждала, что наш отец поехал третьего дня в горы, а не в сторону Самура.

Потом, спустя много лет, жена Кэримхана приехала к нам в Дербент. Она

рассказала моей матери о случившемся и отдала моей матери все бумаги отца и среди них – вексель на 150 рублей золотом. Видимо, убийцы не знали, что это за бумажка, или побоялись потребовать деньги от имени отца у должника. Далее жена Кэримхана рассказала, что ее муж раскаивался в содеянном, что он был убит во время революции белоказаками и что его хоронили как героя революции...

Мы, братья, очень хотели отомстить второму из убийц нашего отца – Паше. Однако, пока мы напали на его след, того убили во время совершения им очередного ограбления.

Что же касается векселя на 150 рублей, то мы о нем промолчали, потому что он мог еще больше усугубить наше положение. Дело в том, что наша семья при советской власти попала в категорию буржуазного класса. Мы были раскулачены, а наш старший брат Михаэль, как и многие дербентские евреи, ожидал высылки в Сибирь. Если бы мы заявили о векселе, то участь старшего брата неминуемо постигла бы всех остальных...¹⁵

Новая волна антисемитизма на Восточном Кавказе вспыхнула с началом первой мировой войны. В этот период население, обнищавшее в результате непомерных оброков со стороны русских властей, было особенно сильно настроено против евреев. В результате увеличивается количество грабежей еврейских домов, краж еврейского скота и другого имущества, нередко происходят убийства "непокорных" евреев.

Одним из вошедших в историю преступников был Качак-Баба Икринский (Качак-бандит). Он устраивал засады на евреев-путников (особенно на бродячих торговцев) и обирал их. Этот негодяй обычно заставлял еврея-торговца замерять мануфактуру длинной палкой, величина которой была в несколько раз больше существовавшей тогда меры – аршина. Разумеется, каждый попавшийся ему в руки был готов выдержать такие издевательства, лишь бы вырваться живым из его когтей. Качак-Баба вымогал у богатых евреев выкупы, угрожая при этом похищением кого-нибудь из членов семьи.

Качак-Баба старался представить себя как благодетеля евреев, но в то же время не только грабил их сам, но и подстрекал к грабегам и другим. Объектами нападений становились евреи, проживавшие в селениях Араг, Карчак, Мамрач и Ханчал-Кала. В момент грабежа он обычно оказывался тут как тут, делая вид, что пришел защитить попавшего в беду еврея и тогда еврей сам должен был догадаться, оставить хурджун (перекидную верховую сумку) со всем содержимым "своему спасителю", если дело происходило в пути. Если же Качак-Баба "спасал" еврея в его лавке или на усадьбе, то спасенный вознаграждал его кошелем с деньгами.

Карчакские кровавые события 1918-20 годов также связаны с именем Качак-Бабы, хотя он непосредственно не принимал в них участия. Этот матерый волк был убит в разгаре беспорядков конца 20-х годов на пирушке, устроенной в селении Кумух, Курахского района, в Южном Дагестане. Евреи, измученные вымогательствами Качак-Бабы, долго думали, как избавиться от него. Наконец такой путь был найден.

В один из жарких июньских дней Качак-Баба был приглашен на пир в селение Кумух. Было известно, что Качак-Баба часто останавливался здесь у чабана Мусы,

своего слуги. У Мусы была жена-красавица – Таус. Муса слышал, что Качак-Баба ухаживает за ней, но доказательств у него не было. Несколько раз Муса даже бил жену, но добиться от нее признания так и не сумел. Тем не менее, он все больше стал верить, что слухи верны. Нередко Муса появлялся домой в полдень в надежде застать изменницу на месте преступления, но безуспешно.

В день пира Муса был в горах, пас отару овец. Какой-то незнакомец подъехал к нему, сказал: "Салам алейкум!" и протянул записку. Муса был неграмотным и записку из нескольких слов читал долго, пока незнакомец не исчез. Там было сказано: "Твоя Таус в объятиях Качак-Бабы". Муса вскочил на коня и помчался в аул. Приехав, он услышал музыку, нежные звуки зурны разливались в раскаленном воздухе. Он понял, что его соперник – Качак-Баба – теперь наслаждается на пиру. Муса подъехал к дому, откуда слышалась музыка, и вызвал Качак-Бабу. Мусу пригласили войти в дом, но он отказывался и, говоря о каком-то срочном деле, просил вызвать своего обидчика. Качак-Баба ничего не подозревая, пошатываясь от выпитого вина, вышел на улицу. Муса протянул ему руку и увел к обрыву. Там Муса быстро вытащил из ножен кинжал и вонзил своему хозяину в живот и со словами: "Это тебе за Таус", столкнул с обрыва в бушующий поток Курах-реки.

На пирушке сообразили, что Муса вызвал Качак-Бабу не для беседы, но было уже поздно. Муса возвращался с окровавленным кинжалом... Труп Качак-Бабы нашли у Шутульской мельницы в 10-12 км вниз по реке.¹⁴

Следует отметить, что записку Мусе доставил один из евреев, который немало бед испытал от Качак-Бабы.

Со смертью Качак-Бабы закончились и массовые дорожные ограбления евреев Арага, Карчака и других близлежащих аулов.

Как известно, мусульманские (лезгинские) националисты в партийно-правительственном аппарате, выгораживая своего земляка и единомышленника, старались изобразить Качак-Бабу борцом за освобождение угнетенного горского населения, находящегося под гнетом феодального Кавказа. Но Качак-Баба, орудуя на дорогах, грабил только еврейских путников, и жертвами его шантажа тоже становились только евреи, и поэтому именно евреи Дагестана рассказали правду о Качак-Бабе.

Особая страница истории тех лет касается еврейских погромов.

В 1917–20-х годах мусульманское духовенство и националистические элементы, ждавшие удобного случая для выступления против евреев, сваливали вину за все беды революции и гражданской войны на евреев и, тем самым, сумели поднять батраков на антиеврейские выступления.

Тысячные толпы босоногих и оборванных лезгин, вооруженных кинжалами, огнестрельным оружием всех видов (от кремневых ружей до современных винтовок) и просто дубинками двинулись в трех направлениях: одна группа пошла через горы Нухи в направлении Кубы в Азербайджан, другая – на села Гергенчайско-Рубасского бассейна, а третья – на Дербент. На Северном Кавказе шли на евреев кумыки, чечены и ингуши.

Грабежи и насилие приняли такие размеры, что еврейская слобода Кубы была окончательно разгромлена. Люди бросали все свое имущество и бежали из города, прячась в горах и соседних селах у знакомых азербайджанцев. Дома тех, кто сопротивлялся, сжигали вместе с людьми. Много евреев погибло тогда в

Кубе от рук лезгинских бандитов.

Иначе обстояло дело в Дербенте. Здесь грабители к евреям в дома, за редким исключением, не врываются, но ограбления на улицах и в магазинах стали почти нормой. Были случаи убийства, изнасилования и даже похищения женщин. Очевидцы рассказывают, что молодые женщины и девушки-еврейки, выходя на улицу обмазывались грязью и сажей, чтобы не приглянуться разбойникам и не быть изнасилованными.

Конечно, каждая группа "босоногих" имела своего главаря, но ввиду недостатка информации, мы не можем назвать их имен.

Тем не менее с достоверностью установлено, что группой Дербентского направления руководил Аллахвердиев (Аллах-Верди).

И еще нам удалось установить, что группой Гергенчай-Рубасского направления руководил Гацинский – "меньшевик-контрреволюционер", как его называли большевики. Действия этой группы были особенно активны.

В один из майских вечеров, когда после тяжелой крестьянской работы село Мамрач отдыхало, со всех сторон на него напало несколько сот оборванных лезгин. Бандиты безжалостно убивали тех, кто смел сопротивляться. В основном – глав семей. Так было убито более 40 мужчин и почти столько же ранено.

В трех километрах от Мамрача, на возвышенности, находится село Ханжал-кала ("Кинжальная крепость"). Расположение этого села представляет собой естественное укрепление – с трех сторон село возвышается над крутым обрывом, а с четвертой стороны – возвышается неприступной стеной высокая гора.

В тот злосчастный вечер до Ханжал-калы донеслась беспорядочная стрельба, которая длилась долго. Было件件но, что это не обычный скандал. В селе кроме того все знали, что мамрачцы живут мирно и дружно, что между ними никогда не бывает распрей, да еще с применением огнестрельного оружия. Срочно собрались седобородые старейшины. Они запретили женщинам и детям выходить на улицу, а мужчин обязали организовать круговую оборону села. При этом на дороге, ведущей к селу, поставили в нескольких местах засаду. Старейшины догадались, что на Мамрач напали бандиты и понимали, что следующей жертвой может стать и Ханжал-кала.

Одновременно решили послать в Мамрач разведчиков. Юсуф-Хаим бен Ошир Элиягу и Юсуф-Хаим бен Ашир-Азиз добровольно вызвались идти. К ним присоединился и Рахман бен Исак. Три смельчака направились в Мамрач выяснить, что там случилось.

Вскоре Рахман вернулся и сообщил, что на Мамрач напали лезгины и убили почти всех мужчин, село разграблено, имущество мамрачцев увозят на арбах.

Услышав это, сельчане хотели поспешить на помощь мамрачцам, но их предводитель – Шамай бен Хананья – запретил им идти в Мамрач, объяснив, что помогать уже некому, что лезгины больше убивать не будут, и что награбленное уже вывезено из Мамрача. Более того, пояснил он, мы не знаем ситуации, и это может погубить не только наших людей, ведь лезгины в отчаянии могут убить еще оставшихся в живых мамрачцев. Кроме того, нельзя оставлять собственное село без охраны.

На рассвете вернулись остальные разведчики. Они рассказывали, что под покровом ночи вошли в Мамрач, оказали помощь раненым и, видя, что вдвоем бессильны сделать что-либо существенное, решили вернуться, чтобы не попасть

лезгинам на глаза. Разведчики сообщили также, что в Мамраче орудует банда лезгин под руководством Гацинского.

В Ханжал-кале с часу на час ждали непрощенных гостей. Знали, что легко доставшаяся "победа" разожжет их аппетит. Поэтому решено было срочно разослать гонцов по всем ближайшим селам, чтобы там были готовы отразить нападение. Гонцы окольными дорогами помчались в Араг, Карчак и вниз по рубасским селам: Аглаби, Хошмемзел, Нюгдиг (Мюшгюр).

Однако лезгины не пошли на Ханжал-калу. Очевидно, они узнали о готовности его населения к бою. Вообще, говоря о ханжал-калинцах, следует отметить, что эта община по всей округе славилась смелостью, и никто не помнил случая, чтобы на Ханжал-калу было осуществлено массовое нападение. В народе говорили, что в этом селе разговаривают с позиции силы. Отсюда и название — "Кинжальная крепость".

В полдень на следующий день дозорные доложили, что четверо вооруженных всадников свернули с главной дороги в сторону Ханжал-калы. Всадников задержали и разоружили. Оказалось, что это посланники самого главаря Гацинского. Всадники передали, что Гацинский просит прийти и похоронить своих единоверцев, якобы погибших от случайных выстрелов. Они также передали, что напали на Мамрач потому, что кое-кто из села примкнул к большевикам. Но Гацинскому известно, что ханжал-калинцы не большевики, и поэтому им не грозит никакая опасность. С посланцами Гацинского переговоры вел тот же Шамай. Он сказал им, что ханжал-калинцы бандитам не верят и что они свое село не покинут ни при каких обстоятельствах. "Передайте своему главарю, — сказал Шамай, — что если лезгины немедленно не покинут Мамрач, то мы примкнем к большевикам, которые вот-вот должны прийти, и вместе с ними выступим против вашей банды".

После переговоров, когда пришельцы просили возвратить им оружие, Шамай им ответил: "Ваше оружие стало нашим, и оно поможет нам отразить нападение бандитов вашей или любой другой банды!" С такими ответами вернулись бандиты к своему главарю.

Как отреагировал Гацинский на ответ евреев — неизвестно, однако через 2-3 часа после отъезда всадников пришли из Мамрача двое подростков и сказали, что в селе не осталось ни одного лезгина — те ушли вниз по дороге в сторону Белиджи. Было ясно, что они пошли на Рубасскую долину...

Узнав об этом, старики села во главе с Шамаем пошли в Мамрач, чтобы похоронить жертвы лезгинских бесчинств. Позже, уже вечером, убедившись, что лезгинские бандиты действительно ушли из Мамрача и находятся далеко, ханжал-калинцы отправились на помощь пострадавшим.

В том году евреи всех близлежащих сел решили помочь мамрачцам восстановить разрушенное хозяйство. Для оказания помощи пострадавшим были собраны общественные средства, и к каждой семье был прикреплен опекун. К осени Мамрач был восстановлен заново. Но скорбь по погибшим навсегда осталась в сердцах. Множество семей отказались жить в Мамраче и уехали к своим родственникам в Дербент.

Уместно отметить, что мамрачские события встревожили и насторожили еврейскую общину Южного Дагестана. В том же году аксакалы Ханжал-калы, предчувствуя предстоящие бури гражданской войны, призвали жителей покинуть село и переселиться в Дербент, как в наиболее безопасное место. Они знали, что хотя и

в Дербенте спокойно, там все же живет большая еврейская община, а вместе всегда легче.

Первым поднялся с насиженного места Шамай бен Хананья. Покинув дом, принадлежащие ему земли и все то, что невозможно было продать или вывезти, он со всей своей семьей поехал в Дербент. А вскоре в Ханжал-калу пришли большевики. Увидев, что ханжал-калинцы покидают село, они попытались прекратить этот отъезд. В Ханжал-калу прибыли два революционера, Казымагомед Айдинбеков и Ахмед Эфенди Стальский, которые уговаривали селян отказаться от своего намерения, обещав им любую помощь и оружие для защиты села.¹⁷

Неизвестно, насколько большевики сдержали свое слово. Тем не менее приготовившиеся было к отъезду в Дербент евреи отказались от своего намерения и остались в Ханжал-кале. Заметим, что Айдинбеков впоследствии был расстрелян контрреволюционерами между Касумкентом и Арагом, где он и похоронен.

Позже, по мере *лезгинизации* (при советской власти сюда начали переселять и лезгин) жители этих сел все же начали переезжать в Дербент. Окончательно евреи покинули Ханжал-калу во время второй мировой войны, когда в селе не осталось мужчин, способных выращивать рис и ухаживать за садами (мужчины были мобилизованы на фронт). Женщины же постоянно подвергались опасности физического истребления со стороны вновь и вновь возникавших лезгинских банд, члены которых дезертировали из армии.

Мамрачцы еще раньше покинули свой аул и тоже поселились в Дербенте.

Возвращаясь к событиям тех лет, необходимо напомнить, что те села, которые не пренебрегали сигналом ханжал-калинцев, и организовали оборону, такие, как Аглаби и Хошмемзел, спаслись от лезгинских банд Гагинского. Жители же селения Нюгдиг (Мюшгюр) не обратили внимания на предупреждение гонцов Ханжал-калы, надеясь на то, что лезгинские босяки и оборванцы не посмеют напасть на них. За свое легкомыслие они заплатились: огромная толпа "босоногих" напала на Нюгдиг и бесчинствовала в нем, убивая и грабя среди бела дня, когда основная масса народа находилась на полевых работах. За несколько часов селение Нюгдиг было разграблено; шестерых евреев убили и нескольких ранили.

Что же касается селения Карчаг, то когда гонцы из Ханжал-калы прибыли туда, они узнали, что "гагинские босоногие" уже успели здесь побывать — еще раньше, чем в Мамраче. Здесь тоже не обошлось без кровопролития: 12 человек было убито и множество ранено. Потом это село еще несколько раз подвергалось нападению лезгин, пока евреи окончательно не покинули его в 30-х годах. Они тоже переселились в Дербент.

Только селение Араг не знало грабежей. Дело в том, что здесь еврейский квартал имел наемную охрану из местных лезгин (Араг был смешанным еврейско-лезгинским селом). Однако и эта община не избежала кровопролития: в 1919 году, в канун Судного дня, во время одной из вечерних молитв, банда верховых лезгин в масках, вооруженная огнестрельным оружием, ворвалась в синагогу и потребовала выкуп. Евреи всячески оттягивали время, заявляя, что в синагогу они с деньгами не ходят. Наконец подоспела охрана. Бандиты, видя, что им несдобровать, открыли паническую стрельбу и начали скрываться в ночной тьме. Было убито трое евреев и несколько ранено, ранен был и один лезгин-охранник, который потом умер от ран. Вскоре просочились слухи, что бандиты в масках были посланцами Качак-Бабы.

После этого печального инцидента евреи Арага начали группами переселяться в Дербент, но окончательно эта община была ликвидирована лишь в годы второй мировой войны.

Впоследствии массовые лезгинские нападения были названы в народе "нашествием босоногих".

В годы бесчинств черной толпы, подгоняемой слепой ненавистью к евреям, страх перед погромами вынуждал евреев покидать свои дома даже в тех поселениях, где о погромах не могло быть и речи. Поэтому Дербент был наводнен евреями всего Южного Дагестана. В те же годы осиротели еврейские села Джаранг, Гамайдиг и другие еврейские общины так называемой "Горностенной оборонительной системы Дербента".

Тогда же кумыками были сожжены еврейские дома и разорены их хозяйства в городе Хасавьюрте и других близлежащих населенных пунктах, в результате чего еврейская община Хасавьюрта полностью исчезла. Лишь в середине 30-х годов она вновь была восстановлена, так как оставшиеся в живых бежали в приволжские и прикубанские города и вернулись, когда установилось спокойствие.

В городе Грозном чечены и ингуши открыто нападали на евреев, в редких случаях дело обходилось без кровопролития.

Как бы то ни было, люди в основном могли спасти свою жизнь, но их имущество разграблялось.

Перечисляя факты проявления антисемитизма, невольно задумываешься над тем, как могло случиться, что в такой страшной атмосфере могли еще сохраниться евреи, и не просто сохраниться, но вести традиционную еврейскую жизнь.

Одним из факторов, способствующих этому, явилась самоотверженность самих евреев.

После погрома в селении Ньюдиг в 1917 году грабежи на дорогах участились. Но злодеи старались не нападать непосредственно на села. Ведь почти все еврейские поселения были готовы к отражению нападений.

Примерно через год лезгины из селения Тагир-Кент напали на Ньюдиг. Это случилось вечером, когда люди еще не легли. На этот раз евреи словно рады были непрошеным гостям — так велико было их желание отомстить за недавний разгром своего села. Очевидцы рассказывают, что евреи терпеливо дождались, пока лезгины вошли в село. Когда же последние начали врывать в дома, то их встретили ружьями и кинжалами. А отступающим бандитам путь преградили Дадшов бен Хизгия-Эми (этот человек с приходом советской власти эмигрировал на историческую родину), Элиягу Симхаев, Рихано Абрамов, Элиазар Шемтуев, Шамай Шамаев, Шамай Агаронов и Монвах бэн Шими. Шими руководил защитниками села. На этот раз лезгинам пришлось покинуть Ньюдиг, бежав в беспорядке, покидав свои ружья и лошадей и потеряв шесть человек. Ни один еврей не получил даже царапины.

На следующий день лезгины во главе со своим муллой пришли к ньюдинцам с извинениями и попросили их выдать им трупы своих убитых. С поникшими головами обратились они к Монваху бен Шими — этого человека за его смелость почитали все в округе. Монвах же предупредил, что, если лезгины еще вздумают напасть на евреев, то пусть не ждут больше пощады.

Лезгины надолго запомнили этот случай и ждали лишь подходящего момента,

чтобы отомстить. Через некоторое время, в разгар боев, когда красные отбивали Восточный Кавказ от денкинцев, лезгины Тагир-Кента снова напали на Ньюдиг. На этот раз евреи не просто разбили лезгин, но, преследуя их, вошли в Тагир-Кент и учинили настоящий разгром: люди, охваченные гневом возмездия, разрушали и жгли дома, насильовали лезгинок, убили и ранили десятки мужчин. Но грабежей не было. Этот случай навсегда отбил охоту лезгинских и других банд, орудовавших в округе, нападать на село Ньюдиг.¹⁸

Примечательно и другой эпизод из жизни этого села. В 1939 году в Ньюдиге жило намного меньше народу, чем в дни описанных событий (300 семей в 1917 году и лишь 70 — в 1939). Колхоз этого села уже в 1939 году был объединен с колхозами двух лезгинских сел: Малла-Халилем и Селигом. Естественно, все руководство колхоза было избрано из числа лезгин, и только один еврей — Ехизкиел бен Нафтали — входил в правление.

Как-то осенью, после уборки урожая на правлении колхоза было решено распределить между колхозниками то зерно, какое они собрали на своих участках. Это было выгодно лезгинам, так как в начале посева пшеницу предназначали для участков лезгинских сел, а участок Ньюдиг решили засеять в основном ячменем, кукурузой и лишь малую часть — пшеницей. Оказалось, что правление колхоза пшеницу, выращенную на участке Ньюдиг, отправило государству как продовольственный налог от имени всего колхоза. Теперь же на правлении решили ячмень и кукурузу раздать евреям, лезгинам же предназначалась пшеница. (За один килограмм пшеницы можно было купить 5 — 6 кг ячменя и кукурузы.)

Ехизкиел, видя, что правление открыто ущемляет права евреев-колхозников, и поняв, что по-хорошему он не сумеет добиться справедливости, обнажил свой кинжал, встал у порога и объявил, что ни один негодяй не выйдет отсюда живым, если сейчас же не будет отменено это несправедливое решение.

Ехизкиел Нафталиев.

Присутствующие были вынуждены уничтожить первый протокол и составить новый. Но впоследствии Ехизкиела стали так преследовать, что он был вынужден покинуть село. Даже жена не знала, где он находится, — так, по крайней мере, она отвечала всем. Но вот в течение нескольких месяцев исчезло несколько руководителей колхоза, некогда вынуждавших Ехизкиела покинуть свой очаг. В народе говорили, что это он, Ехизкиел, действует в Беледжинском лесу. Но, как ни искали его, найти не смогли.

Потом грянула война. И к концу войны Ехизкиел вернулся домой инвалидом войны.

Ехизкиел бен Нафтали в настоящее время живет в Израиле, в городе Ор-Акива, с детьми и внуками, получает пенсию как инвалид войны с фашизмом. Он рассказывает, что в начале войны в их селе Ньюдиг оставалось всего 67 семей, а 72 человека из этих семей воевали на фронтах с гитлеровцами. Всего 20–25 человек вернулись с фронта, 85 процентов из них — инвалидами. "Я рад, — говорит он, — что осуществилась моя мечта, я живу на Родине, мои дети растут моих внуков — настоящих израильтян, родившихся здесь, на этой земле. И очень жаль, что мне пришлось воевать на чужбине, защищая чужую страну. Лучше

было бы пролить свою кровь за Израиль, тогда не стыдно было бы получать пенсию от Израйля...”

Небезынтересно привести еще несколько примеров из жизни евреев Восточного Кавказа. Как-то летом 1918 года Даниель бен Эльдар, житель села Маджалис, имевший мануфактурную лавку и считавшийся довольно богатым человеком, находился во внутреннем помещении своей лавки. В это время в лавку вошли несколько человек, и Даниель услышал шопот. Говорили на тавлинском (горно-даргинском) языке. Прислушавшись, он понял, что речь идет о каком-то убийстве. Даниель знал, что в последнее время появилось много разбойников, и поэтому стал прислушиваться к разговору. Не оставалось сомнения, что убийство должен совершить кто-то из вошедших. Но вот разговор прекратился, и один из посетителей вызвал Даниеля, но уже на кумыкском языке. Даниель не ответил. Но вызов повторился и уже звучал требовательнее. На этот раз Даниель ответил, притворившись сонным: “Я сейчас отдыхаю, придите через час”. Сам же он насторожился и ждал, что будет дальше. И вот кто-то перелез через прилавок... Надо сказать, что в те времена в селении Маджалис, как и везде на Восточном Кавказе, лавки запирались лишь вечером после окончания работы и в выходные дни. Во время перерыва же дверной проем перегораживался шнуром, и это значило, что лавка закрыта. Ни один посторонний не входил, а если бы вошел, то это значило бы, что этот человек вор. Поэтому Даниель еще больше насторожился. Предчувствуя опасность, он обнажил свой кинжал и спрятался за внутренней, смежной дверью. В прорезь навеса он увидел, что мужчина, наклонив большую овечью шапку на глаза, крадучись вошел в дверь и направился прямо к тахте, где обычно отдыхал хозяин. В это мгновение Даниель выскочил из своего укрытия и вонзил кинжал в бок пришельцу. Тот, окровавленный, с криком выбежал к своим товарищам и тут же замертво упал у прилавка. Остальные, видя это, выскочили из лавки и скрылись.

Даниель немедленно отправился к своему старшему брату Аврааму (Мони Хайтоги) и рассказал о случившемся. Брат одобрил поступок, но посоветовал Даниелю поскорее покинуть Маджалис и дал ему адрес знакомого еврея в Дербенте. Оседлав лошадь, Даниель, даже не повидавшись с женой и детьми, покинул родное село. Авраам же сообщил в селе о случившемся. Созвали жамаат (народ), и несколько аксакалов-евреев и мусульман (даргинцев и кумыков) отправились в лавку, чтобы выяснить обстоятельства убийства и опознать убитого.

Сразу бросилось в глаза, что шнурок с двери сорван и валяется под ногами. Потом во внутреннем помещении был найден кинжал убитого, а это говорило о намерении преступника убить хозяина. А в убитом опознали вора, грабившего не только евреев, но и мусульман.

Аксакалы решили, что мусульмане обо всем сообщат родственникам убитого и предупредят, что если те не согласятся на перемирие, другие мусульмане села не будут их поддерживать — даже в случае кровной мести со стороны евреев. Родственники вора труп забрали, на перемирие не согласились и потребовали выдачи Даниеля. Но брат Даниеля Авраам ответил им, что, если они не хотят, чтобы их тоже постигла участь своего сородича, то пусть оставят Даниеля в покое.

Вскоре Даниель купил в Дербенте дом, и его семья переехала к нему. Потом и Авраам, и многие другие евреи покинули Маджалис. Но это уже было связано

не с убийством, а с репрессиями советских властей во время волны репрессий, по традиции называемой "раскулачиванием".

Если до прихода советской власти в селении Малжалис жило 200 – 220 еврейских семей, то в настоящее время там живет лишь 10 – 12 семей. Бывшие евреи Малжалиса переселились в основном в Махачкалу, а меньшая часть – в Дербент.

Существенную роль в сохранении евреев и еврейства на Восточном Кавказе при описанных условиях сыграла еврейская солидарность.

История евреев Восточного Кавказа знает немало примеров, когда еврей принимал пулю и удар кинжала, предназначенный соседу, придя ему на помощь. Когда вдруг среди ночи слышался шум в соседнем дворе, весь квартал сбегался туда, опасаясь, что к соседу пришли воры или разбойники. Известно немало случаев, когда непрошенных гостей сбрасывали с высоких обрывов в глубокие пропасти или в бушующие потоки горных рек. После этого враги евреев надолго затихали и евреи снова жили спокойной жизнью. Таким образом, с появлением волны антисемитизма все еврейство Восточного Кавказа словно выработало свои, автономные правила жизни. Этот период фактически является временем удивительного сплочения.

На Кавказе у евреев, как и у всех остальных народов, были свои народные богатыри – гуччи-националисты, которые тоже в каждом селении сдерживали нападения на евреев со стороны мусульман. Такими гуччи были Мордехай Авшолом-Дэрбенди, гуччи Елэдья Мамрачи, Адинья Шэлмю, Исроил и Манахим Кубинские, Бенамин Мордехаев Кубинский (Манахим и Бенамин расстреляны большевиками), Элиягу Пардилов Кубинский (убит лезгинками).

Очевидцы рассказывают, что гуччи Мордехай потехи ради приходил на верхний участок города Дербента (участок проживания мусульман), вонзал палку в землю и вешал на палку свою шапку. Каждый прохожий обходил эту палку, чтобы случайно не задеть шапку Мордехая. И беда ждала того, кто нечаянно ронял эту шапку на землю. Так Мордехай специально провоцировал мусульман на скандал, чтобы те могли почувствовать еврейскую силу.

Мордехая и Едалью перед первой мировой войной, в разное время, сослали в Сибирь. К их похождениям мы еще вернемся в разделе "Связь с исторической землей".

Кроме этих народных богатырей, известны еще и богатыри "фамильные": Гавриел бен Шмоэль Ханукаев, Ханука бен Монвах и многие другие. Гуччи Гавриел, как рассказывают, одним ударом кинжала отрубил руку другому богатырю – мусульманину Гаджи-Бабе.

Существенно сдерживала антиеврейские выступления и дружба евреев с живущими рядом народами. Примером этой дружбы евреев и мусульман является происхождение фамилии "Мусаханов". По утверждению Рахмила бен Гюршюма, пользовавшегося исключительным уважением среди населения Дербента – как евреев, так и неевреев, эта фамилия происходит от его пра-прадеда – Миши (Мусы). "Раньше, – рассказывал Рахмил, – наша фамилия была Ханукаевы. Однако при моем пра-прадеде между двоюродными братьями произошел конфликт из-за раздела имущества после смерти деда. Позднее конфликт перешел в серьезную вражду. Вражда дошла до того, что часть рода требовала, чтобы "противники", т. е. Миша и его дети, отказались даже от фамилии Ханукаевых". Не обошлось бы без братоубийства, если бы не хан селения Нукола. Дело в том,

что Миша Ханукаев -- Муса, как его звали мусульмане, -- был одним из уважаемых и почетных граждан села. И в то же время он был партнером хана по сбыту продуктов и ввозу в село промышленных товаров. И хан, видя сложившуюся ситуацию, издал специальный фирман¹⁹, где говорилось, что ханский урта (партнер) Муса с настоящего времени объявляется Муса-ханом с ношением указанной фамилии. Таким образом было предотвращено кровопролитие между родичами-евреями, и в то же время еврей получил титул хана и новую фамилию -- "Мусаханов".²⁰

Сам Рахмиль бен Гюршум, рассказавший эту и некоторые другие истории, вошедшие в нашу книгу, скончался в г. Дербенте в конце 40-х годов в возрасте 120 лет.

Справедливости ради следует отметить, что мусульмане -- будь это жители соседнего села или соседи по кварталу -- не только сами не нападали на своих соседей-евреев, но и предупреждали их о надвигающейся опасности, и нередко выступали в защиту "своих евреев". Поэтому бандиты, готовя нападение на евреев, обычно держали это в секрете и от мусульман.

При необходимости евреи организовывались в так называемые отряды самообороны. Купцы и помещики заводили личную охрану, в функции которой входила как личная охрана хозяев, так и охрана их имущества.

Данный раздел не будет полным, если мы не вернемся к событиям гражданской войны в России.

Первая мировая война подходила к концу, но беспорядки, вызванные революцией в России, все больше усиливались на окраинах большой империи. На Кавказе армяне, долго искавшие удобного момента отомстить мусульманам за резню своих сородичей-армян в Турции, начали устраивать страшные расправы над азербайджанцами. Доходило порой до садизма. Прямо на улице, к примеру, насиловали молодых азербайджанок, и если жертва сопротивлялась, ей отрезали грудь и отпускали умирать под улюлюканье и смех бесчинствующей толпы. Слух об этом дошел до Турции, и у турок появился повод для вторжения на Кавказ.

Продвигаясь по Кавказу, турки оставляли свои отряды там, где жили армяне. Теперь уже они -- вместе с азербайджанцами -- издевались над армянами и наводили на них ужас... По приказу сверху туркам на террор давалась неделя, и если кто-то был уличен в насилии после этого срока, то сам подвергался наказанию со стороны командования.

В этот период один из турецких гарнизонов под командованием полковника Нури-паши остановился в Дербенте. Антисемиты-азербайджанцы, жаждавшие еврейской крови, решили обратиться ситуацией против евреев: они твердили Нури-паше, что "эти жхуди" вместе с армянами убивали азербайджанцев".

По приказу Нури-паши, который и не подозревал, что речь идет о евреях, был организован экспедиционный отряд, в который входили инструкторы из азербайджанцев с единственной целью -- опознавать жхуди, "помогавшим армянам".

В течение двух дней проходили аресты. Арестованных евреев загоняли в большую синагогу города. Было арестовано в общей сложности более 1500 мужчин-евреев от 18 лет и старше. В окнах синагоги были поставлены пулеметы. Подступы к синагоге были оцеплены солдатами. Мученики ждали своего последнего часа. Весь город был в трауре. Со всех сторон слышались стоны -- люди плакали по обреченным на неминуемую гибель родным и близким.

Все попытки евреев встретиться с Нури-пашой или его помощниками были тщетны, им не позволяли даже приближаться к турецким военачальникам, тем более — к Нури-паше. Все же группе пожилых женщин удалось пробраться к штабу Нури-паши. Азербайджанцы, входившие в экспедиционный отряд, всячески препятствовали приближению женщин к штабу, избивая их прикладами винтовок. Но вмешались турецкие солдаты, и женщины, подойдя к дверям здания, начали требовать аудиенцию у Нури-паши. К счастью, часовые согласились доложить об их просьбе.

Говорила с Нури-пашой только одна женщина. Она вела беседу на безупречном турецком языке, а остальные молчали. Нури-паша, восхищенный ее речью и выдержанностью остальных, начал задавать вопросы. Женщина говорила коротко: "Высокочитимый начальник! Мы, матери и жены обреченных на гибель, просим вас пойти с нами, и вы убедитесь, что вашим именем хотят совершить преступление".

Услышав это, Нури-паша побледнел и потребовал коня. Женщина сказала, что идти недалеко (штаб турок находился в здании реальной школы, в десяти минутах ходьбы от большой синагоги). Нури-паша, что-то спросив у стоявшего рядом офицера, в сопровождении свиты и делегации женщин направился к синагоге.

Еще не доходя до синагоги, Нури-паша услышал невнятное бормотание — в синагоге молились. Слышны были и стенания, плач. Подойдя ближе к зданию, Нури-паша обратил внимание на шестиконечную звезду, высеченную над дверью и окнами здания, и спросил у своих подчиненных: "Что это за здание и кто эти люди в нем?". Ему ответили, что эти люди — жхуди, и что здание — их молельня. Нури-паша посмотрел в сторону женщин и спросил: "Кто вы?" — "Мы ехуди", — ответили женщины.

Нури-паша приказал немедленно убрать пулеметы с окон и открыть дверь. Выпустив людей, он велел солдатам произвести тщательную уборку всего здания.

Потом было выяснено, что чернь, уже настроенная антисемитами, только и ждала начала акции. Расстрел обреченных должен был послужить ей сигналом к массовому еврейскому погрому в Дербенте.

Нури-паша, узнав, что его хотели обмануть и совершить его именем страшное преступление, приказал немедленно арестовать всех причастных к заговору. В ту же ночь на старом мусульманском кладбище были расстреляны 35 заговорщиков-юдофобов и было прекращено преследование армян, находившихся в зоне контроля гарнизона Нури-паши.

Оказалось, что другом детства Нури-паши был стамбульский еврей, и сам он хорошо знал и любил евреев. Разумеется, знал он и то, что шестиконечная звезда — "Маген-Давид" — еврейский символ. Таким образом "Щит Давида" стал настоящим щитом для еврейской общины Дербента, и было предотвращено превращение армяно-турецкой резни в еврее-турецкую.

Но кто же эта женщина организовавшая делегацию женщин и владевшая безупречным турецким языком?

Современники событий рассказывают, что она была вдовой купца Янкила Реувина (Кюрен)²¹. Она имела в Стамбуле, столице Турции, свой особняк, куда часто ездила на отдых.

Другой случай массового антисемитизма тех времен относится ко времени захвата Дагестана деникинцами (1920 год).

Мусульман деникинцы не трогали, но от евреев требовали исполнения воинской повинности в своей армии. Евреи, разумеется, не хотели служить, видя в деникинцах новых поработителей. И люди призывного возраста стали прятаться, стараясь не показываться деникинцам на глаза.

И снова еврсененавистники решили использовать появившийся внезапно шанс. Они старательно выискивали места, где пряталась еврейская молодежь (обычно это были загородные виноградники, принадлежавшие евреям). Всего за несколько дней было арестовано 28 молодых евреев. Деникинцы хотели – для устрашения других непокорных – публично расстрелять всех арестованных.

Снова еврейский Дербент надел траур, тогда как Дербент антисемитский ликовал.

Для родителей обреченных доступ к военачальникам был закрыт. Начальство даже не хотело ничего слышать об арестованных -- так велико было желание этим расстрелом положить конец отказам служить в деникинской армии.

Однако появились люди, которые взялись спасти молодых евреев. Одним из них был председатель Еврейского национального комитета Асаф бен Раби Итам, другим – Овадьа бен Рахмон.

Они организовали в честь "победителей" в доме самого Овадьа пир, на котором гуляли военачальники всех частей деникинской армии, дислоцированных в Дербенте. После пира, когда все были в хорошем настроении, Овадьа и Асаф, провожая главного коменданта, завели с ним разговор о снабжении дербентского гарнизона продуктами питания. Против снабжения комендант, разумеется, не возражал, но евреи заявили коменданту, что продукты нужно собирать у населения, а население, мол, озлоблено на деникинцев за арест еврейских парней...

Как ни велико было желание расстрелять арестованных, но все же соблазн получить продукты для армии взял верх. Была достигнута договоренность, что арестованных отпустят немедленно, а на следующий день начнется сбор продуктов. Кроме того, евреи пообещали коменданту всячески содействовать набору солдат в деникинскую армию.

Арестованные действительно были освобождены в тот же вечер, и на следующий день начался сбор продуктов. В нем участвовало все еврейское население Дербента – снова заговорила еврейская солидарность: женщины носили в медных и глиняных кувшинах вино, из своих скудных запасов люди доставляли рис, муку, масло, сыр... Всем руководил Асаф – любимец народа. За один день было собрано 3000 литров вина, тонны риса и муки и т. п. Первое обещание евреи выполнили, но вместо содействия набору в армию Асаф и другие влиятельные евреи всячески помогали своей молодежи покинуть город и отправляли их к родственникам и знакомым в еврейские и мусульманские села.

Вскоре деникинцы были выбиты из Дербента Красной армией и красными партизанами.

Однако за спасение обреченных Асаф бен Раби Итам сам поплатился жизнью: когда пришли красные, полицмейстер Керим Мамедбеков, один из тех, кто вылавливал евреев-"дезертиров" и выдавал их белым, заявил в ЧК Южного Дагестана, что Асаф Пинхасов помогал деникинцам. Асаф был немедленно арестован. Никакие объяснения населения не помогли убедить, что все это Асаф делал, спасая 28 юношей от смерти, а сотни – от мобилизации в деникинскую армию.

Недолго держали Пинхасова под следствием. Было ясно, что если следствие

будет тянуться, то правда неизбежно выплывет и Асафа придется освободить. Через некоторое время (одни утверждают, что через 3–4 дня после ареста, другие – через 10–15 дней) Асафа Пинхасова судили при закрытых дверях в помещении городского театра. Присутствовать на суде хотели тысячи дербентцев, но допущены на него были только свидетели обвинения. Тем не менее суд над Пинхасовым длился два дня. Очевидно, судьям было нелегко сломить Пинхасова и доказать его вину, иначе не было бы необходимости разбирать дело два дня (в те времена даже суды над большими группами обвиняемых длились не более нескольких часов). А тут два дня... Юханан Семенов и многие другие свидетели утверждают, что главным судьей Асафа был сын того самого полицмейстера, который навлек беду на Асафа – Мамедбек Мамедбеков.

В предрассветные сумерки в камере Пинхасова Мамедбеков и два его помощника зачитали приговор, о содержании которого никто никогда не узнает. Через несколько минут после ухода судей в камеру вошли палачи-красноармейцы. Асафа вывели, дали ему лопату и 11 человек – командир и десять красноармейцев в буденовках – стали его последними попутчиками. Камера Пинхасова находилась за Шуринскими воротами северной крепостной стены в здании бывшего дома терпимости, на скорую руку превращенного чекистами в тюрьму.

Юханан Семенов
(Фото 1957).

Далеко вести им не пришлось. Рядом находились сады и виноградники, принадлежавшие мусульманам. Асафа заставили выкопать яму-могилу. Из рассказа одного из красноармейцев, участвовавших в расстреле, известно, что Асаф, вырыв себе могилу, прочитал молитву (скорее всего, он прочитал себе Кадиш) и сказал: "Я готов." Грянул залп. Жертва, сраженная десятью пулями, упала в яму. Так закончилась жизнь одного из

замечательных сынов еврейского народа – Асафа бен Раби Итама Пинхасова, отдавшего жизнь ради спасения других евреев...

Позже, ценой многих усилий и материальных затрат, удалось установить место его убийства, откуда родственники и друзья спустя много времени под покровом ночи перенесли его останки на еврейское кладбище Дербенга.

Просочились слухи, что когда в 1937 году расстреливали Мамедбекова, к тому времени уже председателя Дагестанского исполнительного комитета (ДагЦИК), одним из предъявленных ему обвинений было обвинение в преднамеренном убийстве Асафа Пинхасова. Выяснилось, что в последний день суда из Москвы пришла депеша, требующая закрытия дела Пинхасова и освобождения его из-под стражи. Но Мамедбеков, будучи председателем суда, скрыл ее, представив дело так, что она была якобы получена после расстрела Асафа Пинхасова. Трагедия Пинхасова не прошла бесследно: большинство тех евреев Восточного Кавказа, которые приняли участие в установлении советской власти поняли, что их мечты о свободе обмануты, что советской власти чужды истинная свобода народов и их национальные чувства. Уже после ареста Пинхасова многие увидели, что такая же участь уготована и им. Каждый начал искать пути спасения. В результате Многие либо прекратили свою активную деятельность, либо уехали в те места,

где их не знали.

Что касается самого "Дела Пинхасова", то в следующую ночь после убийства Асафа, хотя это убийство тщательно скрывали, здание, в котором помещалось ЧК Южного Дагестана, пылало огнем. Пожар, начавшийся одновременно в подвальном помещении и на всех трех этажах, не удалось потушить несмотря на то, что были мобилизованы все противопожарные средства, находящиеся в городе. Пожар уничтожил здание и все подсобные помещения. Вместо конфискованного чекистами "Дома Абдуллаева" – гордости городской архитектуры – осталось пепелище. В огне сгорело много следственных дел и протоколов. Немало чекистов пострадало от огня, а те, кто не успел выйти, сгорели заживо. Словом, по престижу ЧК, являющегося грозой народных масс, был нанесен ощутимый удар. В народе говорили: "Сам Бог наказал советскую власть за пролитую кровь Богом любимого Асафа".

Сразу после ночного пожара были арестованы по обвинению в поджоге Юханан Семенов – 17-летний сын секретаря городского Еврейского национального комитета адвоката Исроила Семенова, работавшего вместе с Пинхасовым, Уриель Пинхасов – брат Асафа Пинхасова и еще несколько евреев, активистов-сионистов, работавших под руководством Пинхасова.

По утверждению Юханана Семенова, единственного оставшегося в живых из той группы арестованных, и Уриеля Пинхасова, ныне покойного, они находились под следствием в городе Махачкале (Порт-Петровске), во внутренней тюрьме ЧК Дагестана в течение 4 месяцев. По решению военного трибунала арестованные были освобождены. Участники поджога предпочитали молчать об обстоятельствах тех событий. Лишь Семенов спустя 60 лет и уже находясь в Израиле, в кругу друзей признался, что их обоих и еще нескольких участников поджога видели перед пожаром, когда они в кувшинах носили керосин. И еще он сказал, что без участия самих чекистов никогда бы не удалось совершить задуманное.

Впоследствии оставшимся на свободе сионистам удалось представить поджог "Дома Абдуллаева" как дело армянских националистов, якобы мстивших азербайджанцам (мусульманам) за резню армян в Дербенте. Главная заслуга в этом по нашему мнению оправданном искажении истории принадлежит еврею, являвшемуся в тот период начальником рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) при ЧК Дагестана – Ханукаеву. (К сожалению, нам не удалось установить его имя, известно лишь, что он с Северного Кавказа.) Дело о поджоге здания ЧК в Дербенте Ханукаев вел сам. И арестованные держались в застенках ЧК мужественно и стойко.

С упрочением советской власти на Кавказе евреи Восточного Кавказа оказались в совершенно иных условиях. С одной стороны, создавались еврейские учреждения (комитеты, клубы и др.), целью которых было оторвать евреев от их традиций, религии и всего того, что веками способствовало сохранению еврейского самосознания. Таким образом, советская власть создавала почву для национального удушения евреев ассимиляторской политикой – под видом "прививания передовой русской культуры".

С другой стороны, фанатично настроенное мусульманство, находясь у власти, воодушевленное государственной программой духовного геноцида евреев, оказывало пагубное воздействие на ход дальнейшего развития культуры евреев Восточного Кавказа.

Были уничтожены талмудические школы, закрыты светские еврейские школы. Правда, были открыты другие школы на языке евреев Восточного Кавказа, но программа в них была та же, что и в русских школах, ничего общего с еврейством и еврейской культурой она не имела.

Были разгромлены сионистские организации, а самих сионистов в подавляющем большинстве уничтожили. Интеллигенты были вынуждены скрываться в центральных районах России и других республиках, где их не знали.

Среди евреев почти не осталось образованных людей, что дало антисемитам повод причислить евреев к отсталым национальным меньшинствам.

Первый удар от советской власти евреи Восточного Кавказа получили в 1921 году – первом году установления советской власти в Дагестане. Сионизм был объявлен вне закона и ушел в глубокое подполье. В том же году было арестовано множество образованных сионистов. В первую волну арестов попал и делегат 6 Всемирного сионистского конгресса Мататьягу (Матвей) Богатырев. Он исчез без суда в застенках ЧК. По нашим сведениям, последняя весть от него была получена на воле в конце 1923 года.

Еще один делегат того же конгресса Шломо Мордехаев умер дома, в городе Грозном, вернувшись с очередного допроса в ЧК. Погибли и многие-многие другие.

Таким образом, уже в самом начале своего существования советская власть обезглавила еврейскую общину Восточного Кавказа. Однако сионистское движение, хотя и официально объявленное вне закона, существовало и было дееспособным: в 1922 году в Баку выходит первый номер газеты "כרסוך" ("Корсох" – "Труженик"). Интересным для нас является то, что эта газета являлась органом Кавказской Еврейской Коммунистической партии (Поалей Цион) и Еврейского Коммунистического Союза Молодежи. Однако вскоре редакция "Корсоха" была разгромлена, а ее руководители в 30-е годы были физически уничтожены. Журнал "Гэхалуц", нелегально издававшийся в Москве и в Ленинграде, распространялся и на Восточном Кавказе и даже переводился на язык евреев Восточного Кавказа. В 1926 году трое его распространителей были арестованы: Юханан бен Раби Рахавия Юхананов – в городе Махачкале, Асаф Агарунов, бывший председатель сионистской организации Дербента, – в городе Грозном, Юханан Семенов – тот самый Семенов, который был уже однажды арестован за поджог ЧК, – в Дербенте.

Арестованных удалось спасти до суда. Это было особенно сложно в тот период – ведь если еврей попадался за какой-либо проступок или уголовное преступление, то ему обязательно вменяли в вину антисоветскую деятельность и вешали на него ярлык сиониста. У антисемитов, заседавших в органах власти, это уже превращалось в тенденцию.

К сожалению, этим карательным органам помогали некоторые евреи, продавшиеся ГПУ. Эти еврей-агенты по приказу своих хозяев охотно давали ложные показания и провоцировали антисоветские действия, чем немало содействовали подавлению национального достоинства в людях. Среди предателей, променявших Тору на ленинизм, были и раввины, и интеллигенты, и простые крестьяне.

Но, как говорится, нет худа без добра. В середине 20-х годов начальником Республиканского ГПУ Дагестана был Яша (Яков) Раев, впоследствии репрессированный. Этот бесстрашный человек, находясь во главе самого антинародного и антисионистского органа, оказался поистине ангелом-хранителем многих как ев-

реев, так и неевреев, хотя в народе об этом, разумеется, не знали и произносили его имя с ужасом. Он не только оказывал всяческое содействие арестованным за сионизм, но нередко даже предупреждал о надвигающейся опасности, советуя вовремя покинуть пределы Дагестана или вообще Кавказа, а некоторым даже рекомендовал, куда уехать — в зависимости от того, до каких пределов должны были распространиться поиски данного "преступника".

Юханан Семенов утверждал, что их группа распространителей сионистской литературы избежала наказания именно с помощью Раева. Раев не только скрыл от следствия, что Семенов уже судился за поджог здания ЧК в Дербенте, но сумел скрыть прошлое и других членов группы.

В 1925 году по территории СССР прокатилась новая волна арестов сионистов. Позже эти аресты вошли в историю под названием "декабрьских арестов". Не миновала чаша сия и сионистов Кавказа. Среди арестованных тогда были Гуршум Муратов из Буйнакскса, Моше Яшайев из Темирхан-Шуры, Давид Анисимов из Хасавюрта и Авраам Алхасов из Махачкалы.

Гуршум Муратов без суда и следствия был сослан в Казахстан. Трое остальных после четырех месяцев заключения были освобождены без права на выезд из республики. Спустя некоторое время их снова арестовали и тоже сослали в Казахстан, в ту же зону, где находился Гуршум Муратов. Один из этой тройки, Авраам Алхасов, говорил, что для всех ссыльных края Муратов был как бы наставником. Каждый, кто обращался к нему, получал добрый совет. Через Муратова многие сионисты узнали дорогу к Пешковой" — жене А. М. Горького. Ее адрес писался так: Москва, ППЗ, Пешковой (ППЗ — помощь политическим заключенным). Впоследствии многие сионисты с помощью этой замечательной русской женщины смогли добраться до Эрец-Исраэль. Ссыльные писали ей только несколько слов: "Есть ли на мое имя вызов?" И этого было достаточно, чтобы Пешкова начинала хлопотать о вызове. Однако случалось так, что вызов приходил, но власти не разрешали выезд. Тогда эта женщина вступала в единоборство с могучей политической машиной и в большинстве случаев побеждала! Но известны и случаи, когда она оказывалась бессильной. Так, она не смогла помочь Гуршуму Муратову, которому так и не разрешили покинуть пределы СССР. (О Гуршуме Муратове мы еще поговорим ниже.)

Авраам Алхасов и Моше Яшайев, каждый в отдельности, получили ответы на свои запросы: "На вас есть замена и 10 фунтов стерлингов". Аврааму и Моше было тогда по 23 года, оба были холостыми, но имели многочисленную родню на Кавказе. Попрошиться с родственниками им не разрешили. И все же по дороге в Одессу они заехали к родным и друзьям. Более того, мать и сестра Авраама поехали с ним в Одессу и оставались там, пока корабль не отплыл. Алхасов и Яшайев прибыли на историческую родину в конце 20-х годов.

Были в ссылке и сионисты, соглашавшиеся подписать декларацию, в которой они отказывались от дальнейшей сионистской деятельности. Таких освобождали, т.е. им разрешали возвращаться на Кавказ. Среди них был и Давид Анисимов. Правда, они еще долгое время находились под надзором. Большинство из них было расстреляно в 1937 году.

Михаил бен Раби Яшаня Рабинович бен Герари, учитель еврейской школы города Баку, был арестован за сбор средств в пользу евреев Эрец-Исраэль. Ему удалось бежать из следственной тюрьмы города Махачкалы, но в 1927 году он

был снова арестован, на сей раз за связь с "неблагонадежными элементами", и осужден на 3 года. Друзья, находившиеся на воле, установили, что на него открыто и другое, весьма серьезное дело, включающее обвинение в сборе средств в помощь Эрец-Исраэль и побег. Речь уже шла о жизни арестованного. Друзья помогли Рабиновичу бежать из места заключения. Он долгое время проживал то в Средней Азии, то в Ленинграде, то и дело меняя места, пока в 1938 году не был снят с поезда работниками НКВД и доставлен в Москву, где исчез бесследно.

Многие безымянные сионисты и такие, чьи имена по тем или иным причинам нельзя назвать даже сегодня, были расстреляны в Советском Союзе, но еще больше было таких, на чьих костях построены заводы Магнитогорска и Кемерово, Новокузнецка и Актюбинска, главная сибирская магистраль и шахты Норильска. Их не счесть, этих больших и малых строек, где встретили свой последний час евреи, ставшие жертвой большой бойни советского террора.

Были среди сионистов и такие, кто, испытав произвол и тяжесть советской неволи, скрылись в центральных городах России, вели скромный образ жизни, но ни на минуту не забывали о своем национальном долге. Назовем Уриеля Пинхасова, который, освободившись, сразу уехал в Москву и посвятил свою жизнь помощи еврейской молодежи, устройству ее в вузы Москвы, Ленинграда и других городов. Этот человек умер в Москве в 1977 году, когда ему было почти 90 лет.

* * *

Для четкой характеристики антисемитской политики Советского Союза необходимо возвратиться к событиям первых лет установления советской власти. В ту пору еврейская община была обезглавлена не только арестами и бегством интеллигенции, но и тем, что Советы ликвидировали вообще всех богатых евреев, конфисковывая их хозяйства.

Правомерен вопрос: причем тут антисемитизм, раз такая участь постигала не одних лишь евреев, а вообще всех богатых? Разница состоит в том, что каждая подобная серия арестов начиналась именно с евреев, и к ним применялись такие суровые меры, которые не применялись ни к кому другому. Более того, множество еврейских беженцев работало по найму у богатых евреев и всецело зависело от них. Таким образом, при разорении хозяйств богатых евреев больше всего страдали еврейские рабочие — несмотря на то, что поступающие сверху директивы требовали "учитывать интересы бедноты". Когда же дело доходило до национализации хозяйств богачей-неевреев, то прежде всего исходили из интересов рабочих работающих в этих хозяйствах, ибо основная рабочая сила в хозяйствах состояла из людей той национальности, к которой принадлежал сам хозяин.

Вот некоторые факты:

Манашир-ага был в Дербенте самым первым из богатых людей, которого постиг произвол революции. Разъяренная толпа батраков, и раньше видевшая все свои беды в механизации рабочего труда, в первые же дни прихода большевиков разгромила завод, разбив и уничтожив все, что можно было уничтожить. Потом грабежу подверглись и другие его хозяйства. Сам же Манашир, будучи уже глубоким стариком, не выдержал и вскоре (в начале 1922 г.) умер от

нервного потрясения. Его сына Хизгию советская власть не тронула, так как он болел чахоткой. Хизгия умер на несколько лет позже своего отца в полной нищете. Годом раньше он похоронил свою жену.

Внук Манашира Бениягу, скрывавшийся то ли в Средней Азии, то ли в Азербайджане, в начале 30-х годов фиктивно развелся с женой и "женился" на персидской подданной, тоже фиктивно разведенной с мужем. По обоюдному согласию его жена фиктивно зарегистрировалась с мужем той женщины, на которой "женился" сам Бениягу. Затем обе пары выехали в Иран как персидские подданные.²⁴

Потом слухи донесли, что Бениягу по приезду в Иран обзавелся поместьем и стал одним из богатых людей Ирана. А еще позже были слухи, что Бениягу перед второй мировой войной со всей семьей эмигрировал в одну из стран Латинской Америки.

Как бы то ни было, осуществив хитроумный план выезда за пределы СССР, внуку Манашира удалось сохранить род своих предков.

Что касается помещика Хануха, то он умер еще до революции. Сыновья — Манашир и Юшваг — умерли своей смертью после революции. Однако их дети еще при жизни родителей и по их совету в 20-е годы переселились в Крым. До второй мировой войны родственники имели связь с ними, но после войны никакие розыски не дали результатов. Очевидно, кровавая рука фашистов не миновала и их.

Некоторые евреи добровольно отказывались от своих прав на нажитое имущество. Одним из них был миллионер Абрам Дадашев.

Рассказывают, что после прихода советской власти Абрам Дадашев уже не появлялся на своих усадьбах и промыслах и пожелал "отдать все революции". Так без всяких хлопот Советы завладели несколькими промыслами, десятками гектаров виноградников со всем инвентарем и орудиями производства, а также всеми акциями акционерного общества "Дадашев — Ахундов".²⁵ Кроме этого, советская власть конфисковала у Дадашева три дома с огромными винными погребами. Бывшему миллионеру разрешили жить в четвертом по счету, самом маленьком доме, куда он и перебрался во время гражданской войны. Тем не менее, Дадашев настаивал, чтобы жильцов из его домов не выселяли, а ведь в каждом доме квартировало по 20—30 семей неимущих евреев. Подействовало требование Дадашева или по другим причинам, но жильцов не выселили. Правда, все они теперь платили за квартиру муниципалитету города. Для многих эта плата была очень обременительна, в то время как Дадашев за проживание в его домах с бедноты денег не брал.

Несмотря на то, что по всей России, кроме конфискации, прокатилась волна репрессий, арестов, высылки, а порой и физических расправ, к Дадашеву подобных мер не применяли. В ЧК ежедневно приходили делегации евреев, азербайджанцев и русских с требованиями оставить Дадашева в покое. "Хватит того, — говорили люди, — что у него отобрали имущество". Делегаты доказывали, что Дадашев — выходец из неимущей семьи — относился к бедным так, будто каждый из просителей, обратившихся к нему, был его кровным родственником. И в самом деле, в канун священных дней недели (мусульмане — в канун пятницы, евреи — в канун субботы и христиане — в канун воскресенья), а также накануне праздников бедные получали от приказчиков вино и продукты, которые Дадашев

специально для этого закупал. Да и приток рабочих к нему всегда был больше, чем к другим предпринимателям, так как он щедрее других оплачивал труд. Люди утверждали, что сын Дадашева Иосиф каждому рабочему, когда тот женился, выдавал в подарок 100 рублей (этой суммы тогда хватало, чтобы сыграть неплохую свадьбу. Для сравнения заметим, что квалифицированный рабочий, работая от зари до зари, получал тогда 1 рубль 20 копеек.)

Словом, общественность города сумела отстоять Абрама Дадашева от типичных репрессий советской власти.

Дальнейшая судьба этого замечательного человека сложилась страшно. В 1924 году с последней группой евреев, выезжавших из Советского Союза, Дадашев и его вторая жена (первая умерла незадолго до описываемых событий) сели на корабль, увозящий репатриантов в Эрец-Исраэль. Перед самым отплытием чекисты ворвались на палубу и силой заставили Дадашева сойти с корабля. Несколькими минутами раньше кто-то из команды предупредил его, и он приказал жене не подавать виду, что они знакомы. Она так и осталась на корабле со всеми вещами — тюками ковров и сундуками, содержимое которых неизвестно. Говорят, что жена Дадашева достигла берегов Эрец-Исраэль, но долго жить ей не было суждено. Дадашев же снова оказался на российской земле в Батуми. В его саквояже чекисты обнаружили полтора или два килограмма золотых изделий.

От Дадашева требовали указать, где спрятаны его богатства. Он утверждал, что никаких богатств у него не осталось, кроме обнаруженных. Некоторое время помучав его и повозив по чекистским учреждениям вплоть до самой Москвы, власти снова под давлением общественности вынуждены были отпустить Дадашева. Но на этот раз у него отобрали и тот домик, который первоначально ему оставили.

Долго еще добивался Абрам Дадашев, чтобы ему разрешили выехать на историческую родину, но все было бесполезно...

Тем временем в Дербенте нашлись и такие евреи, которые в угоду советской власти унижали этого человека. Подобных случаев было много, люди рассказывали о них, вкладывая в рассказы определенный назидательный смысл.

Приведем два таких рассказа.

Как то Абрам Дадашев шел на базар за покупками. Уже у самого базара он увидел шедшего ему навстречу крестьянина-мусульманина, жителя близлежащего аула. Абрам подошел к нему, чтобы купить курицу. В это время с другой стороны улицы прибежал некий еврей по имени Шальми, выхватил из рук Абрама курицу и стал кричать: "Хватит тебе, сколько ты сожрал кур, теперь настал наш черед их кушать!" А затем сказал удивленному хозяину: "Я всех твоих кур покупаю". Поникнув головой, Дадашев с горечью произнес: "Ты прав, сын мой, мне не следовало покупать курицу, я уже много съел их на своем веку. — И, обращаясь к хозяину добавил, — продай ему, мне не полагается". А сам отошел с глубоким вздохом.

Хозяин кур, удрученный происшедшим, выхватил кур из рук Шальми и сказал: "Эти куры мои, и я их тебе не продам". Направившись в еврейский квартал, крестьянин стал разыскивать дом Дадашева.

Сделав кое-какие покупки, Дадашев возвратился домой. Придя, он обнаружил у себя дома кур, из-за которых произошел скандал. На вопрос, что это за куры, ему ответили, что их принес какой-то мусульманин в сопровождении соседа

и что он сказал: этих кур послал Абрам-дои ("дои" — дядя).

Абрам для выяснения пошел к соседу, и тот ему рассказал, что крестьянин со своей ношей искал его дом больше часа и, наконец, наткнувшись на соседа, поведал ему о скандале, происшедшем на базаре. Оказалось, что этот крестьянин во время сезона рыбной ловли часто работал у Абрама Дадашева. "Я хорошо знаю доброту этого человека, — сказал он, — никогда никого из рабочих он не обижал и всегда ругал приказчиков, если те обижали рабочих. И вот я сегодня увидел, что незаслуженно обижают этого человека. И кто? Его же бывшие батраки. А за что? За то, что работали у него! Я тоже батраком был и остался — ничего не изменилось. Злые и жадные остались такими же, как были, а жизнь как бы еще хуже не стала! Только зря столько крови пролито... Обижать Абрама-дои бесчеловечно! Вот я и решил этих кур принести ему в знак благодарности".

Другой случай тоже имел место на базаре. Как-то Абрам Дадашев пришел на мучной базар (элэф), ему насыпали в мешочек муки, и они с хозяином пошли взвешивать ее в весовую.¹⁶ Весовщик по кличке Ошур-Бошур, увидев Дадашева, отказался взвешивать муку для бывшего помещика. При этом он всячески поносил Дадашева. Дадашев, как всегда в таких случаях, ушел с поникшей головой. Но слух об этом быстро распространился по базару. Несколько человек из числа мусульман, знавших Дадашева, пришли к весовщику, пристыдили его и заставили искать Абрама-дои. Но Дадашева нигде не могут найти. Когда шум утих, один из тех, что пришел ругать весовщика, купил полный чувал¹⁷ тонкой муки и, погрузив его на подводу, поехал в город, привез на дом к Дадашеву и отдал чувал его жене.

Тем временем бедный старик возвращается с разбитым сердцем домой, а обрадованная жена с благодарностью и как бы с укором говорит ему: "На что нам столько муки? Ведь мы не израсходуем ее за целый год!"

Думая, что жена насмехается над ним, видя, что он пришел без ничего, Дадашев стал рассказывать о том, как его обидели на базаре, но жена не дала ему договорить и показала на чувал с мукой. По словам жены, человек, привезший муку, велел передать: "Пусть Абрам-дои за мукой больше на базар не ходит, пусть знает, что его бывший подводчик Гасан-Кули обеспечит его мукой на всю жизнь".

Сколько Абрам ни старался, так и не вспомнил подводчика по имени Гасан-Кули.

А спустя несколько дней в чайхане¹⁸ приятели сделали замечание Гасан-Кули: мол, сколько мусульман голодает, а ты еврею посылаешь чувал муки! Что ты так щедро заботишься о каком-то еврейском старике, тогда как свои же евреи обращаются с ним скверно. На это Гасан-Кули ответил, что, во-первых, только единицы-подлецы обращаются с Абрамом Дадашевым плохо. А во-вторых, все, мол, знают, что он, Гасан-Кули, долгое время был бедным носильщиком, и ни один мусульманин не помог ему. "Лишь Абрам-ага¹⁹ помог мне стать человеком, — сказал Гасан-Кули, — он дал мне подводу с двумя лошадьми, и я работал на себя больше, чем на хозяина. А потом он вовсе отдал их мне насовс:м. То, что я сейчас сделал для того человека, — лишь частица того, что он заслужил."

Очевидцы утверждают, что бывший миллионер, владелец четырех многоквартирных домов, к концу жизни ходил в старом бешмете (кафтани) из дома в дом и просился в квартиры.

Одряхлев, в чужом дворе, под чужим забором скончался миллионер Абрам Дадашев (Авраам Натан). Никто из дербентцев не посмел вслух высказать свое негодование. Хоронили его без пышных речей. Лица людей были угрюмы, а сердца плакали. Это было в 1934 году.

Был ли Дадашев под конец жизни настолько беден, что даже не имел на хлеб? Думается, что нет, хотя бы потому, что человек, которому предоставили дадашевский дом, внезапно разбогател. Поговаривают, что, перекапывая садик возле дома, он наткнулся на тайник, где были спрятаны сокровища. Это случилось уже после смерти Дадашева. Миллионер же вел нищенский образ жизни, боясь советской власти!

Отметим, что сыновья Дадашева – с его же благословения – покинули Дербент сразу после прихода советской власти и только этим спаслись от репрессий. Никто не знал их местопребывания. Если же кто-то из них появлялся в Дербенте на короткое время по своим таинственным делам, то люди об этом помалкивали и в ЧК не доносили, хотя за это было обещано солидное вознаграждение. Более того, многие предлагали им свои услуги.

Но вот проходит период конфискации имущества людей и превращения их в бесправных бродяг. Начинается НЭП (новая экономическая политика) и наступают короткое затишье.

Перед теми, кто хоть как-то может повлиять на экономику страны, открываются некоторые возможности. Правда, купцы уже были не в состоянии вести крупную торговлю, да они этого и не хотели – боялись. И все же это затишье после бури вселяло какую-то надежду...

Но вскоре наступил новый этап, куда более страшный, чем все минувшее: в конце 20-х годов начался процесс раскулачивания.

История Овадьи бен Рахмана

Помещик Овадьи бен Рахман, не в пример Абраму Дадашеву, добровольно свое имущество не отдал. Имея широкий круг знакомств, используя всевозможные каналы и средства, он оставил в собственном распоряжении все свое состояние, впрочем, ненадолго.

Постепенно и его имущество стало скудеть: на Овадью был возложен огромный налог – сумма, которой он не получил бы как доход за два по-настоящему урожайных года. Постепенно, год за годом он был вынужден отказываться от какой-то части имущества. Спустя несколько лет в его распоряжении от всех промыслов и нескольких домов осталось лишь несколько гектаров садов и виноградников и только один рыбный промысел.

В 1928 году бесжалостная рука ЧК настигла Овадью бен Рахмана. В одно мгновение могущественный некогда человек стал рабом. Чекисты пришли в полночь, скрутили ему руки и увезли, а все остававшееся в его распоряжении имущество было объявлено конфискованным.

В те дни началась путина, и наутро, узнав об аресте хозяина и приказчика, который отказался стать директором промысла, объявленного государственным, рабочие поехали в город, в ЧК, в надежде увидеть хозяина. В ЧК им ответили, что "Овадьи бен Рахман арестован по революционным соображениям и его отве-

ли в Махачкалу, в республиканскую ЧК".

Арест Овадьи, пользовавшегося некоторым расположением властей, нужен был для того, чтобы посеять панику среди тех, над кем уже был занесен меч государственной политической машины.

Рыбаки, пришедшие в ЧК, убедившись, что их хозяина не спасти, пошли в народ за помощью.

Народ уважал Овадью за его добрые дела, помнил, как он не раз спасал евреев от неминуемой гибели. Узнав о его аресте, люди и без агитации были готовы идти ему на помощь. Делегация за делегацией приходили евреи к зданию ЧК, требуя освобождения Овадьи, доказывая, что этот человек, хотя и богатый, не был контрреволюционером, а наоборот, помогал революции. Освобождения Овадьи требовали и неевреи, работавшие у него.

Роль главного инквизитора Дербента исполнял еврей — комиссар Шахинович, командированный из Москвы. Очевидно, советская власть пыталась таким путем дискредитировать евреев друг перед другом. Тем не менее Шахинович под натиском ежедневных тысячных толп, требовавших освобождения Овадьи, был вынужден обратиться в Махачкалу с просьбой об освобождении Овадьи. Просьбу удовлетворили. Овадьа вернулся в Дербент, правда, лишенный всех гражданских прав.

После этого Овадьа бен Рахман неоднократно репрессировался и снова освобождался. Спустя много времени Овадьа все же добился восстановления в гражданских правах и переехал в Махачкалу, где работал в разных учреждениях.

Последние годы своей жизни он работал в торговой сети. В 1957 году ему было инкриминировано уголовное преступление. Находясь под следствием, он не выдержал тюремных условий и пыток и скончался в камере. Его похоронили на кладбище следственной тюрьмы.

Труп Овадьи дважды пытались выкрасть Элия бен Ерухом и Ешува бен Азарья, но оба раза их ловили и отпускали за большие деньги. В третий раз, подкупив работников тюрьмы, гроб Овадьи все же удалось выкопать и под покровом ночи перевезти на еврейское кладбище, где под утро Овадьа бен Рахман был предан земле по всем еврейским обычаям.

После ареста Овадьи многие купцы и простые крестьяне-середняки прекратили свою деятельность. Некоторые из них ликвидировали свои хозяйства и покинули насиженные места в надежде спрятаться, чтобы избежать нищеты и издевательств властей. Они скитались с места на место, пока, наконец, не были пойманы. Но были и такие, которые, собираясь вместе, создавали на чужбине удобные советской власти хозяйства. Так, появились еврейские колхозы в поселениях Богдановка и Менжинск на Ставропольщине, а также колхоз имени Шаумяна в Крыму.

Советская власть делала вид, что не знает "кулацкого прошлого" этих людей. Еще бы, ведь они отдали свои налаженные хозяйства и добровольно создали на пустом месте то, чего власти от других добивались силой. Многие бежали в Среднюю Азию и оседали там. Таких тоже старались не замечать. Стране нужны были работники для освоения мест, куда людей посылали в принудительном порядке. Кавказские же евреи прибывали в эти края добровольно.

Однако большинство не сумело избежать произвола советской власти и было раздавлено тисками "раскулачивания".

Назовем лишь несколько фамилий.

Купец первой гильдии Шмозль бен Егудо, владелец торговых предприятий и виноградных плантаций в Дербенте, раскулачен, лишен гражданских прав и посажен в психиатрическую больницу. Освободившись, скончался перед второй мировой войной.

Михаил Ханукаев, владелец серных рудников, больших отар овец и стад крупного рогатого скота, купец первой гильдии. Раскулачен. Не выдержав пыток ЧК, скончался на очередном допросе в городе Буйнакске.

Матай Акогоен. Раскулачен, превращен в нищего. Сошел с ума и скончался в психбольнице.

Исаак Ташин, владелец консервного завода в Буйнакске, купец первой гильдии, раскулачен и сослан.

Миши бен Ягуда из Буйнакска, купец, владелец целого ряда мануфактурных магазинов. Раскулачен и сослан.

Едадия Нуцол (Нису), купец первой гильдии. Умер в нищете в Буйнакске.

Олхос Нису из Буйнакска, купец первой гильдии. Сослан.

Раби Рафаэль из города Буйнакска, купец, хозяин магазинов. Уничтожен органами ГПУ.

Шуми (Сабутал), владелец винзавода в Буйнакске. Раскулачен и сослан в Сибирь. Трое его сыновей погибли на фронтах второй мировой войны, защищая советскую власть.

Ирмия Мушаилов, владелец водяных мельниц в Тарках, оптовый торговец мукой и различными крупами. Оказался одной из первых жертв революции — расстрелян органами ЧК.

Асаф Агабалаев, владелец коврового производства. Раскулачен и в ожидании высылки умер в Кубе. Ему принадлежали дом, в котором ранее размещался горисполком Кубы, и несколько других домов.

Мордехай бен Авраам и его брат Яша, помещики, владельцы пахотной и другой земли в Кубе. Раскулачены и сосланы.

Давид Нисан Авраами, кубинский богач. Раскулачен и сослан.

Илизир Бадал, помещик в Кубе. Раскулачен и сослан.

В те же годы были репрессированы и многие другие богатые евреи Кубы: Сион Симандуев, Илизир Илизилов, Йосеф Асаель, Израель Симандуев, Ошар Овадьев... Все они погибли в застенках ЧК и концентрационных лагерях сталинских пятилеток.

Некоторые, лишившись всего имущества и гражданских прав, не имели возможности заработать даже на существование. И тогда они были вынуждены идти батрачить на новоявленного богача — своего бывшего батрака. Кое-кто шел работать простым крестьянином в собственном хозяйстве. Так хотел поступить и Реувен Пинхасов. Он пошел в артель, основанную на базе его хозяйства, надеясь, что к нему здесь отнесутся доброжелательно. Но не тут-то было. Реувену сказали: "Уходи и возвращайся тогда, когда растает остаток твоего жира!"

Придя домой, Реувен Пинхасов повесился на дверной перекладине.

Судьба пощадила немногих. Давид-Хаим бен Юно Осипов, купец, владелец виноградных плантаций и налаженной торговли, был раскулачен в числе первых дербентских кулаков-изпманов и сослан в Сибирь. Лишь спустя несколько лет, в 1940 году, когда его сыновья достигли определенного положения, Давиду-Хаим

му по ходатайству общественности разрешили вернуться в Дербент. Он вступил в колхоз, которому принадлежали и осиповские виноградники. Его сын, Меир, штабной офицер, погиб в конце войны и похоронен на центральной площади Леошве, в 12 км от Берлина. Бюст его установлен в Тернопольском музее.

Антисемитизм на Восточном Кавказе вспыхивал по любому, чаще всего по надуманному поводу. Одна из таких вспышек привела к ликвидации в 1935 году еврейского квартала Дербента. Решение городского совета гласило: это делается потому, что жить там евреям тесно, невозможно соблюдать противопожарные нормы и правила гигиены. Следует отметить, что государство выделило соответствующую сумму для компенсации хозяевам, покидающим свои дома. Увы, эти средства до евреев не дошли. На них было построено большое по тем временам здание – якобы для переселения евреев из этого квартала. Но в итоге очень мало жителей еврейского квартала вселилось в этот дом.

В такой ситуации многие жители квартала отказались покидать свои дома. "Саботажников" сажали в тюрьму "за отказ выполнить решение горсовета", а их семьи выселяли силой. Люди остались без крова. На месте еврейского квартала первоначально устроили стадион, а потом по генеральному плану города разбили городской парк. Так был ликвидирован один из еврейских кварталов города, существовавший около полутора столетий.

Заметим, что в Дербенте и по сей день существуют десять магалов – мусульманских кварталов, не отвечающих ни противопожарным, ни санитарным нормам. Никто и не собирается эти кварталы ликвидировать.

В конце 30-х годов храмы всех религий были превращены в склады, атеистические клубы, а то и просто в конюшни. Из всех храмов Дербента осталась действующей одна-единственная Большая синагога. В отместку за то, что никому, кроме евреев, не удалось сохранить свой храм, юдофобы подожгли синагогу. Конечно, не обошлось здесь без вмешательства властей, считавших синагогу препятствием на пути к полному уничтожению в городе "очагов религии". Правда, в течение двух месяцев синагогу удалось восстановить, но общине был нанесен непоправимый ущерб: сгорели культовые принадлежности и старинные реликвии, несколько свитков Торы и представляющие историческую ценность документы общины, хранившиеся на чердаке здания.

С началом германо-советской войны антисемитизм вступил в новую фазу. Евреи Восточного Кавказа оказались между двух огней: с одной стороны, сильное давление на них оказывал существующий режим, с другой – местное население, которое под влиянием русского антисемитизма, постепенно приходившего с Запада вместе с семьями высокопоставленных русских, видело в евреях главных виновников всех бедствий, причиненных войной.

Несмотря на то, что закон ограничивал мобилизацию лиц, занятых на некоторых работах – так называемая "бронь" работникам искусства, преподавателям и ученым, – уже в сентябре (первый месяц учебного года) 1941 года две еврейские школы города Дербента были объединены в одну, так как многие преподаватели этих школ находились на фронте. А к концу учебного года, т.е. к июню 1942 года и эту объединенную школу закрыли, призвав на фронт всех учителей. Азербайджанская же школа функционировала нормально все годы войны. Понятно,

что с неменьшей заботой опекались и все русские школы.

В первые же месяцы войны были мобилизованы почти все актеры еврейского театра Дербента. Зато на смену еврейскому театру вскоре пришел театр лезгинский, и все военные годы работал азербайджанский театр.

Еще один пример. До начала войны в Дербенте существовало семь колхозов. Шесть из них были еврейскими. Однако в первый же год войны из шести колхозов осталось три, поскольку всех мужчин призвали на фронт. В колхозах остались подростки, женщины и старики. Даже самую тяжелую работу (перекопку виноградников), которая по силам не каждому мужчине, выполняли женщины.

До войны руководство еврейских колхозов состояло исключительно из евреев. Но уже в 1942 году комнадные посты перешли к мусульманам (азербайджанцам). Так, председателем колхоза им. Сталина был некий Асадулла. Он любил ездить верхом и, не слезая с коня, избивать плеткой женщин – за то, что они якобы не работали. Колхозы нищали, подобные руководители грабили их. Бедным колхозникам на трудодни оставалось столько продуктов, что не хватало даже на полуголодное существование.

На фронт в нарушение закона о "бронь" был отправлен прославленный, известный далеко за пределами Кавказа молодой борец-еврей Роман Горец (Рафаель Рабаев). Он вернулся домой в конце войны с искалеченной рукой и навсегда был вычеркнут из списка спортсменов.

Военным комиссаром Дербента был антисемит Жюмшуд Набиев. Если в семье азербайджанца родители находились на иждивении сына, то Набиев не брал парня в армию. Если же у стариков-евреев было четыре-пять и более сыновей, то он не оставлял дома ни одного, чтобы некому было заботиться о стариках. Назовем имена немногих из призванных: Сурилов Сурил (погиб), Сурилов Адинья (погиб), Сурилов Авия, Азизов Шаул (погиб), Азизов Саадья (погиб), Азизов Яша, Азизов Миша, Осипов Авнил, Осипов Авраам-Сави, Осипов Шуми (погиб), Осипов Нисан (погиб), Ханукаев Эльясф, Ханукаев Симха, Ханукаев Хаим (погиб), Ханукаев Иосиф (погиб), Ханукаев Шмая (погиб).

Таких еврейских семей, отдавших своих сыновей фронту, на Восточном Кавказе, очень и очень много. Старые родители были брошены на произвол судьбы, и многие из них, не дождавшись ни одного из сыновей, умерли в тоске и нужде.

Практически уже не оставалось еврейской семьи, из которой бы ни взяли на фронт человека, а Набиев все старался выполнить план мобилизации за счет евреев. Его друзья в то же время повторяли, что "евреи стреляют из кривой берданки", т.е. стреляют, спрятавшись за углом. Для полноты анализа скажем, что в тот период в Дербенте жило примерно 5500 евреев. Из этого числа в армию были мобилизованы более 500 человек. Таким образом, с гитлеровцами воевало около десяти процентов евреев Дербента.

По нашим подсчетам, общая численность еврейской общины в тот период составляла немногим более 65000 человек. Если принять, что число евреев, призываемых в армию, было одинаковым на всем Восточном Кавказе, значит, с лютым врагом воевали около шести тысяч сыновей этой общины. По неофициальным данным, 25 – 27 процентов из них не вернулись с фронта.

Следует отметить, что среди воинов-евреев Восточного Кавказа было немало прославленных командиров и рядовых, награжденных орденами и медалями за боевые заслуги, таких, как танкист Мордахаев из Махачкалы, сгоревший в своем

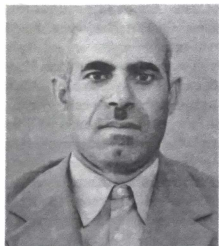
танке в сражении под Москвой; бакинец Марк Исаевич Шамаев, герой Мамаева Кургана; Герой Советского Союза командир батальона Шатиил Абрамов из Дербента; Герой Советского Союза сержант Исай Лазарев из Нальчика и многие другие.

В тех районах Северного Кавказа, куда не добрались фашисты, евреи находились примерно в таких же условиях, как в Дербенте.

К сожалению, точное количество евреев — жертв фашизма на Северном Кавказе установить не удалось. Думаем, что это не удастся сделать и в будущем, ибо в Советском Союзе гибель евреев старательно замалчивается. Тем не менее, на основании показаний свидетелей можно с уверенностью сказать, что официальные данные занижены во много раз.

Фашистская армия была остановлена в Малгобеке, в 26 километрах от Грозного. Города Моздок, Нальчик, Кисловодск, Пятигорск, Ессентуки и множество других населенных пунктов, где проживало немало евреев Восточного Кавказа и европейских евреев (ашкеназов), гитлеровская армия оккупировала и удерживала от трех до пяти месяцев. По свидетельству очевидцев, тысячи евреев этих городов были расстреляны в каменоломнях горы Машук. Полностью были уничтожены еврейские общины Пятигорска, Кисловодска, Ессентуков и Минеральных Вод. В танковом рву на подступах к Нальчику закопаны тысячи ни в чем неповинных людей еврейской национальности. (По свидетельству члена Чрезвычайной комиссии по расследованию нацистских преступлений писателя Алексея Толстого, число евреев, расстрелянных в этом рву, превышает 6300).

Рассказ Александра Нусуева³⁰

Александр Нусуев.

мастей, которые гнев народных масс направляли против евреев — якобы за то, что евреи являются основой революции. Это и послужило причиной нескольких волн кровавых еврейских погромов в Дагестане, учиненных чеченами, ингушами и кумыками...

В те тревожные годы многие евреи бросали свои хозяйства и уезжали в более тихие места. Так, в 1926 году мой отец покинул город Чир-Юрт, поехал в один из хуторов Курского района Ставропольского края; вместе с моим отцом

Я, Александр Нусуев, родился в 1927 году. В 1921 году при установлении советской власти в Дагестане в городах Хасавюрте, Чир-Юрте и других близких к нам местах прошли жестокие еврейские погромы. По рассказам стариков, в то время мусульманское население Дагестана в большинстве своем было против советской власти, хотя и поступило прямое указание Ленина относиться с демонстративным уважением к мусульманскому населению Дагестана, и революционные лидеры всячески старались выполнить указания вождя. Националистические элементы Дагестана и всего Северного Кавказа встретили советскую власть в штыки. А это было на руку антисемитам всех

— Исаем Абаевичем — прибыли на это место еще 50—60 семей евреев из Чир-Юрта и Хасавьюрта. Эти люди превратили хутор в хороший поселок и создали еврейский колхоз, который назвали "Манжинский" — в честь ученого-еврея, много сделавшего для процветания этого края. После этого и поселок стал называться его именем — Манжинск. Наш колхоз был одним из передовых во всем районе.

Перед войной колхоз разросся и вместе с ним — наша еврейская община. Правда, в селе не было синагоги, так как власти не разрешали строить ее, не было и своего раввина. Но всех еврейских традиций мы придерживались. Каждую неделю, проделывая 27 километров, к нам приезжал раввин из города Моздока, и он делал все, что было необходимо общине. Он же выполнял обязанности шохета (наши евреи тrefного не ели).

Уже в 1940 году у нас в поселке жили не только евреи, но и русские, казаки, и даже армяне, и все они работали в нашем колхозе. Правда, с приближением фронта многие сельчане эвакуировались на юг. Но еще оставалось более 60 еврейских семей. Не все могли расстаться со своим хозяйством, доставшимся таким огромным трудом, какой пришлось вложить в колхозе. Ведь люди не знали о зверствах немцев, тем более не знали об их лютой ненависти к евреям. Нееврейские семьи вообще не эвакуировались. Некоторые старики мечтали даже вести нормальную религиозную жизнь, что при Советах было запрещено. В нашем колхозе жили всего шестеро семей европейских евреев. "Эшкэнэзиг" — так мы их называли. Потом многие каялись, что не послушались их, когда они уговаривали уезжать.

Как бы то ни было, 5 сентября 1942 года к вечеру немцы вошли в наше село. Мне тогда было 13 лет. Хотя наши родители запрещали нам идти смотреть, любопытство взяло верх, и мы, почти все подростки села, пошли на обочину дороги. Откуда мы, дети, могли знать, что это кровавый призрак шагает по нашей земле?! Тем более, солдаты на вид были так добродушны, что никто из тех, кого они просили пустить их на квартиру, не отказывал им.

Немцы первое время не мешали никому. И не только не мешали, а даже поощряли работу колхозников. Изредка они заставляли колхозников выполнять и для них кое-какие погрузочно-разгрузочные работы.

Появились первые полицейские: субботники Пенько и Чернов, русский Карась, осетин Кабаловнов, армянин Егор Саркисов и некоторые другие, имен которых я не запомнил.

Мы не знали, что всего в 15 километрах от нас немцы учинили кровавую бойню еврейской общине Богдановки. Если бы мы знали об этом, то многие могли бы спастись.

Общаться жителям разных населенных пунктов разрешалось только по специальным пропускам. Но под покровом ночи можно было покинуть село и пройти к русским. У каждого были хорошие друзья, которые согласились бы укрыть евреев.

16 или 17 октября к нам пришла горькая весть — русский старик ночью, рискуя жизнью, пришел в село и сообщил, что всех богдановских евреев убили немцы и что каратели придут сюда, в Манжинск. Весть быстро распространилась среди евреев. Нашлось много доброжелателей других национальностей, желающих помочь евреям, но уже было поздно, каратели на следующее утро были в нашем селе.

Тем не менее, нам представилась возможность бежать: Егор Саркисов сумел организовать так, чтобы несколько наших семей ушли из села. Но достигнув края села, мы остановились: шел немецкий патруль. Тут измученные женщины решились вернуться назад. Это было роковой ошибкой.

На следующий день в Манжинске появился немецкий указ. Он извещал, что евреи и субботники отправляются на другое место жительства. Потом стало известно, что поедут только евреи. Уже не было сомнения, что евреев повезут на расстрел. Разрешалось брать по 40 килограммов груза на каждого человека. Но зная, что это все придумано, чтобы ввести в заблуждение, евреи почти ничего не взяли с собой.

После мучительной ночи евреев погрузили на подводы, запряженные волами, и обоз под усиленным конвоем повез 190 евреев в последний путь.

Никто не знал, где предстоит обреченным вдохнуть последний глоток воздуха. Но было ясно, что обоз направился в сторону станицы Курской, а значит, дорога должна была пройти через лес. В моем юношеском сердце вспыхнул огонек надежды, что в лесу нас могут выручить партизаны... Проехав 2 километра, мы въехали на лесную дорогу, но никаких признаков партизан не было.

Однако как только мы въехали в лес, моя мама и еще одна женщина (мать Соломоновых) как-то ожили. Соломоновы ехали перед нами. Эти две женщины то и дело оглядывались по сторонам и подавали друг другу одним из известных сигналы. Вдруг я увидел, как мать Соломоновых одним рывком толкнула сидящих перед нею своих двух сыновей. Дети упали на обочину и покатились в кювет. Не прошло и несколько минут, как мать толкнула и меня, сидевшего на борту подводы. Падая, я увидел лицо матери. Оно вспыхнуло радостным сиянием. Потом, спустя много времени, я догадался, что эти две умные женщины, обреченные на гибель, только и думали о том, как спасти нас — детей.

Да, действительно, так оно и было! Садясь на подводу, я залез в середину. Но мама попросила меня сесть перед нею на борт подводы. В другое время она запретила бы мне сидеть на борту, спустя ноги. Она всегда запрещала мне сидеть у края подводы... Упав с подводы, я незаметно, на четвереньках, забрался в чашу и там подождал, пока обоз не прошел. Потом поискал братьев Соломоновых: Мукоя (Михазля) и Никсона (Нахшона). Обнаружив их, окликнул, и мы договорились держаться вместе. Мы решили во что бы то ни стало добраться до Моздока. Но для этого нужен был транспорт. Было решено стащить повозку Матвеева. Наш выбор пал на него потому, что он был добр, и если бы даже поймал нас, то не выдал бы. Так мы и поступили. Уже было темно, когда мы вышли из леса. Повозка стояла во дворе. Мы ее выкатили на улицу вручную, а потом вывели лошадь.

Запрягши лошадь, мы помчались в сторону Моздока. Будь что будет, решили мы. Ночью, может, и проскочим. Судьба смиростивилась над нами. Мы добрались до Моздока. На окраине города распрягли лошадь и отпустили. А сами спрятались у одних русских на сеновале. А утром, когда комендантский час кончился, мы пошли к нашим родственникам — Иешуа Абрамову. Они приютили нас. Мы рассказали, что случилось с нашей общиной и как мы спаслись.

Предпринимать что-либо они не могли, да и не было смысла. Было ясно, что всех наших расстреляли. От этих же родственников я узнал, что отец арестован.

От нашей семьи, кроме меня и отца, никого больше не осталось в живых.

Узнав об аресте отца, я как-то повзрослел, и непременно хотел пойти на его поиски. Но наши родственники, не только те, у которых я жил, но и другие, которые тоже жили в Моздоке, не разрешили мне идти на поиски отца — боялись, как бы и меня не взяли немцы.

Они рассказали мне, что к ним пришел полицейский и сообщил: отец не хочет, чтобы немцы знали о существовании в Моздоке его родственников и даже знакомых. Полицейский также сказал, что он хороший приятель моего отца и обязательно сделает так, чтобы отцу удалось бежать, если немцы сами его не отпустят.

Причиной того, что отец оказался в Моздоке, было то, что он незадолго до кровавой расправы поехал в Моздок на мельницу молотить пшеницу и сбить подсолнух на масло. С ним поехал мой двоюродный брат Алик (Илия), которого отец взял себе в подмогу, и дочь Бахшиева — Мохой (Мария).

Бахшиев, родственник отца, житель Моздока, однажды попал под бомбежку советских войск. Они бомбили немецкий тыл, и бомба попала в бахшиевский двор. Осколками ему раздробило ногу. В Моздоке оставаться было опасно. Часто бомбили, и каждый раз спускаться в бомбоубежище он с разбитой ногой не мог. Вот и решили переехать к нам, в более спокойное место. Они всей семьей приехали к нам в Манжинск, а старшая дочь осталась в Моздоке. Тем временем Мария превратила дом своих родителей в явочную квартиру партизан и, оставив дом в их распоряжении, сама повезла продукты для родителей. А тут отец собрался в Моздок, и она вызвалась поехать, вроде бы за продуктами.

Приехав в Моздок, отец с Аликом заехали на мельницу, а она пошла домой.

Оказалось, что в ее отсутствие предатели выдали явку. Был арестован и расстрелян один партизан. Она, конечно, не знала об этом. Пришла домой, а тут ее ждали немцы, арестовали ее. Но она в свое оправдание сказала, что ей ничего не известно и что она только что приехала из Манжинска, и в доказательство сказала им, с кем приехала и где эти люди находятся. Отца и Алика арестовали. Продержав несколько дней, Алика освободили за неимением улик, а отца отправили в КПЗ, отобрав у него все, включая и лошадь с подводой.

Так волею судьбы отец остался в стороне от кровавых событий Манжинска. Но семья жителей Моздока Бахшиевых нашла себе вечный покой в братской могиле вместе с манжинскими евреями.

Еврейку-партизанку Мохой расстреляли через 2 дня.

Было ясно, что немцы готовят бойню и моздокской общине. Так, в томительном ожидании проходило время. Но нам стало известно, что где-то неподалеку еврейская молодежь вместе с другими патриотами создала партизанский отряд. Между прочим, партизаны отомстили многим немцам за кровь своих товарищей. При каждом акте мести партизаны оставляли записку, за что они мстят. Каждый раз напоминали и о Мохой.

Я продолжал жить у Абрамовых. Моих товарищей братьев Соломоновых забрали их родственники, проживавшие в Моздоке.

Фронт подходил все ближе и ближе... К Новому году стали слышны не только гром артиллерийских орудий, но и пулеметная стрельба и даже одиночные выстрелы.

Утром 3 января немцев совсем не стало видно. Все как-то преобразилось. В этой суматохе я, схватив немного пищи для отца, пошел искать его.

То тут, то там рвались одиночные снаряды. Я кое-как переулками и развалинами добрался до центра. Тем временем стало совсем тихо. Я знал местонахождение бывшей милиции. Поэтому сразу пошел туда. Ворота были распахнуты. Входить во двор мне было боязно. Поэтому я прямо у самых ворот начал кричать во весь голос: "Есть здесь кто?" Слышу голоса: "Граждане, спасайте! Граждане, спасайте!" Тогда, набравшись смелости, вхожу во двор и подхожу к решетке, откуда доносились призывы... Спрашиваю: "Нисуев Исай здесь?" В ответ слышу голос отца: "Александр, я здесь!" Тогда я, обрадовавшись, начал искать, чем сломать дверь. Во дворе в груде металлического лома я нашел ось подводу. Подал ее заключенным через решетку на окне. Сам же я другим железом начал сбивать дверь с петель. Так они изнутри, а я снаружи за полчаса сломали дверь камеры. И около двухсот мужчин, среди них и мой отец, вышли на свободу. Среди заключенных евреем был только мой отец. Все благодарили меня, а один седобородый русский старик назвал меня ангелом-спасителем...

Я от радости забыл о еде, которую брал для отца. Так мы, радостные пошли к нашим родственникам Абрамовым. Не отошли мы и пятисот метров от дома, в котором были заключены люди, как в городе начали взрываться одно за другим большие административные здания. Прямо у нас на глазах взорвалось и здание милиции. Еще немного и мы все взорвались бы, если бы не успели выйти оттуда. Оказывается, немцы перед тем, как оставить Моздок, заложили много мин, в надежде, что до того, как сработают взрывные устройства, эти здания будут заняты красноармейцами... К счастью, советские войска еще не успели войти в Моздок, как произошли эти взрывы.

Так пришли мы к родственникам. О трагедии, постигшей евреев Манжинска, я отцу не сказал. Об этом не говорили ему и хозяева, и приходившие встречаться с ним евреи. Но постепенно, в течение трех дней намекали отцу о случившемся. Когда отец понял, что манжинская община погибла, слез было много. И тут же решено было отправиться на место гибели общины. Отец, Иешуа и несколько других евреев, чьи родные находились среди расстрелянных, с ними и я, поехали в направлении Курской.

Приехав в станицу, мы узнали от местных жителей, что евреев расстреляли на территории кирпичного завода. Поехали туда. Нашему взору предстала ужасная картина фашистских зверств. Огромная яма была переполнена убитыми. Хотя прошло два с половиной месяца, почти на всех развалинах завода, где не было снега, виднелись следы запекшейся крови. Видимо, люди, чувствуя, что им пришел конец, разбежались по территории завода в поисках спасения, и их настигали пули озверевших палачей. Потом, очевидно, убитых бросали в яму. Яма была засыпана снегом, и из-под него были видны части тел убитых.

Очевидцы рассказали нам, что хотя ходить на территорию кирпичного завода немцы запрещали, находились такие, которые рисковали жизнью и проникали туда. Думали, что, может быть, удастся спасти какого-нибудь раненого.

Другие рассказывали, что могила несколько дней поднималась и опускалась, что в могиле, внизу, было много раненых, которых можно было спасти. Но для этого требовалось много времени, так как трупы нужно было перебрать, а верхние слои обязательно надо было убрать. Однако из-за боязни, что немцы увидят, никто не решался на это. Ведь был приказ на территорию завода не входить, и если бы заметили, то без предупреждения могли застрелить.

Так закончилась кипучая жизнь еврейской общины поселка Манжинска Курского района Ставропольского края.

Что касается полицейских, то я знаю немного. Пенько умер в тюрьме еще до суда; Чернов был осужден, и его судьба после этого неизвестна; Карась умер в лагере спустя несколько лет после осуждения его на 25 лет; Хаболонов был арестован, и дальнейшая его судьба мне неизвестна; Саркисов с появлением Красной армии исчез, и никто не знал его местонахождения. Очевидно, он подался в горы Армении и жил в каком-нибудь селе у своих родственников.

Рассказ Ципоры Исаковой

Ципора Исакова.

Родилась я в городе Грозном в 1912 году, однако после освобождения из немецкой оккупации мне выдали паспорт, где был указан 1908 год рождения. Это медицинская комиссия установила. Видимо, я за тот короткий период успела постареть на целых четыре года. Была замужем в городе Буйнакске. После того, как мужа забрали на фронт, я переехала в город Нальчик, где жила мать с моим отчимом и братом по матери. В конце октября 1942 года (точного числа не помню) в Нальчике стало как-то тихо. Словно и войны не было вовсе. Не падали бомбы, военные в суматохе не проверяли документы прохожих, не суетились со светомаскировкой и прочим... Они уже два дня как ушли из города на юг, к новым оборонительным рубежам. Правда, изредка доносилась стрельба — это красные части, оставленные для прикрытия отступающих, держали оборону на северных подступах к городу. С наступлением тишины в городе наступил хаос, никакой власти не было. Начался погром. Грабили все, и грабили всех. Все магазины были разграблены, и хотя они были пусты, все же грабители всегда что-то находили для себя. Грабили дома эвакуировавшихся евреев и некоторых русских. Эвакуировались только евреи и русские. Я с двумя детьми полутора и четырех лет перешла жить к матери. Моя квартира тоже была разграблена, даже дверь утащили.

Как-то в эти дни, кажется, 29 октября 1942 года, утром, я попросила мать присмотреть за детьми, а сама пошла на базар, прихватив с собою кое-что из одежды для обмена на продукты (уже давно за деньги ничего не давали). Придя на базар, я еще не успела ничего выменять, как вдруг базар начал редеть. Все начали поспешно уходить. На мои расспросы, что случилось, почему все бегут, кто-то ответил: "Немцы вступают в город!" Тогда я тоже поспешно оставила базар и побежала к дому.

Стрельба приблизилась, я бежала, и уже недалеко от дома услышала оклик: "Стой, куда бежишь?!" И только теперь я обратила внимание, что я не одна на улице. Отстреливаясь, красноармейцы поспешно уходили, и видно было, что они покидают город. Оказывается, меня окликнул красноармеец. Я сказала, что иду домой, что там остались мои два сына, брат и старая мать. Красноармейцы, спросив, в каком районе мой дом, подсказали мне, как лучше и безопаснее

идти. Однако я еще не успела дойти до дома, как немецкие мотоциклисты ворвались в город. Они на меня не обращали внимания. Так я добралась до дома. Мать была ни жива ни мертва от страха за меня. Когда я вошла, она с криком, со слезами сказала мне: "Немцы в городе, а тебя так долго нет!" Я ответила ей, что уже видела их и что они никого не трогают.

Некоторое время немцы действительно нас не трогали. Жизнь протекала как обычно в военное время. Правда, некоторые евреи, старики, оставшиеся в городе, в том числе и мой отчим, спрятались, потому что они были коммунисты. Ну, и остальное все шло по-старому.

У матери во дворе жила семья казаков, муж и жена. Как-то я слышала, как они спорили. Жена настаивала, чтобы он ей сообщил о чем-то, а он отказывался, говоря, что женщинам не все позволено знать. Тем не менее из услышанного я понимала, что речь шла о евреях, потому что мужчина не раз упоминал слово "жид", "жиды". Видно было, что фашисты что-то затеяли против евреев. Я рассказала матери об услышанном. Мать строго-настрого запретила мне и брату выходить из дома, а детей моих не отпускала даже ко мне. Так прошло еще около месяца. Я иногда ходила на базар, а остальные оставались дома. Во дворе у нас была яма — бомбоубежище, но оно было очень плохое и непригодное для детей, а у соседей напротив, по другой стороне улицы, бомбоубежище было получше, поэтому во время бомбежек (теперь уже бомбили советские войска) я детей водила туда и сама с ними отсиживалась там.

Тем временем немцы уже начали показывать свои клыки: участились облавы, стали выгонять на дармовые работы. Но открыто евреев не преследовали. Однако уже поступали сведения, что в районе Моздока расстреляли много евреев. Просочились также сведения, что группу евреев увезли куда-то. (После освобождения Нальчика стало известно, что их расстреляли в каменоломнях Машука — одной из гор Пятигорска.)

Все больше и больше чувствовалась озлобленность немцев. Начали интенсивно проводить перепись евреев. Немцы и румыны в военной форме, в сопровождении своих прислужников — кабардинцев, балкарцев и русских ходили по еврейским домам и записывали каждого поименно. А уходя, на дверях ставили какие-то номера. Если какой-то еврей медлил, то его били прикладом винтовки. Немцы все больше ожесточались против евреев. Даже местное население изменило свое отношение к евреям. Нам стало намного труднее обменивать вещи на продукты. Иной раз, за мзду, соседи-неевреи обменивали для евреев, потому что евреям не хотели давать ничего. Мы с мамой почти все свое имущество обменяли, и даже стулья отнесли на базар. Словом, если бы еще месяц мы остались под оккупацией, то умерли бы с голоду. Я обменяла на картошку последнее платье и носила подобие платья из мешковины.

Бомбы падали и в нашем квартале, и однажды осколками, залетевшими через окно, убило нескольких наших соседей. После этого случая я целыми днями или сама просиживала в яме-бомбоубежище, или посылала туда мать с детьми. Как-то я решила пойти туда сама с детьми — все равно нечего было делать, а для обмена на базаре, как я уже говорила, тоже ничего не осталось.

Был первый день нового года, валил снег, и на душе тоже было пасмурно, тоскливо. Хотя в бомбоубежище было холоднее, чем дома, в квартире оставаться было опасно, могли начать бомбежку каждую минуту, ведь тревогу уже не объяв-

ляли. Однако мать, предчувствуя неладное, не пускала меня из дома. Будь что будет, говорила она, даже если помирать, нам лучше быть вместе. Но я не послушала маму, взяла своих детей и пошла. Не успела выйти на улицу, как один из кабардинцев, а может быть балкарец, указал немцам на нас, говоря: "И они тоже евреи". Оказывается, шла облава на подозрительных лиц, и всеми подозрительными оказывались евреи. Меня сразу схватили, я попыталась вырваться, но сзади по спине получила сильный удар. Оглянувшись, меня полицейский ударил прикладом винтовки: "Ты что, жидовка, власти не подчиняешься!" Я поняла, какую ошибку допустила, не послушавшись матери. Уже и не пыталась вырваться из их рук, но детей не отпускала.

Меня повели на другую улицу, где стояло несколько грузовых автомобилей. Со всех сторон подводили евреев. В основном, здесь были люди, эвакуированные из западных областей России — старики и женщины с детьми.

Когда собралось много народу, один из немцев, с орлом на фуражке, сказал нам на хорошем русском языке: "Не беспокойтесь, вас будем отправлять в свои города, в свои дома. Вы там тоже нужны. А здесь у вас нет ни жилья, ни питания". Я и несколько местных евреев начали протестовать. Сказали, что мы не приезжие, а местные. Зачем же задержали нас?! Тогда полицейские закричали: "Жидовские морды, там, на месте разберемся..." Спротивляться было бесполезно.

Нас погрузили в открытые машины и повезли. Разговаривать нам не разрешали. Ехали мы недолго, как мне показалось, не более часа. Привезли нас на пустырь за городом, к противотанковому рву. Мы не хотели сходить с машин. Нас сгоняли силой, а того, кто сильно сопротивлялся, избивали прикладами. Так нас всех заставили прыгнуть с высоких машин и приказали проделать какие-то манипуляции: садиться, вставать, бежать на месте и снова то же самое... Так нас мучили долго. Здоровых людей били прикладами, разбивая им головы, лица. Били их до потери сознания. Потом подъехала легковая машина в сопровождении мотоциклистов. Из машины вышло несколько человек, и один из них (видимо, главный) сказал что-то. Из машины принесли ящик шоколада; тот самый, в фуражке с орлом, который успокаивал нас перед приездом сюда, сказал, что это детям перед дальней дорогой. Несколько солдат начали раздавать детям шоколад. Я сразу почувствовала, что фашисты не могут дать еврейским детям шоколад, да еще в такое голодное время. И, перемещаясь с детьми в этой растерявшейся толпе, спасла детей от немецкого шоколада!

Молодую женщину, кормящую мать, заставили обнажить грудь, и один из фашистов обмазал ей соски шоколадом и заставил кормить ребенка. Ребенок тут же на глазах у всех закрыл глаза и умолк навсегда. Немцы уверяли, что это он уснул перед дорогой. Уснули и некоторые большие дети — наверное, умерли.

За всем этим наблюдали приехавшие на легковой машине. Потом они уехали. День уже подходил к концу. Нас, промерзших, измученных и избитых, разделили на группы по несколько десятков человек в каждой. Я попала в первую группу (сама пострадалась попасть). Нашу группу погнали с дикими криками ко рву. Я уже не могла соображать. Теперь не оставалось сомнения, что нас всех расстреляют. Все мои мысли были прикованы к детям. Каждый шаг приближал нас к смерти. Тем не менее, я старалась первой прийти ко рву. Будь что будет! Я думала, что чем получать удары по голове и лицу (замешкавшихся жестоко

избивали), лучше прийти невредимой, а там видно будет. Может быть, еще удастся спасти детей...

Мне этот ров показался таким глубоким, что голова закружилась, но мысль о детях заставляла меня напрягать все силы и держаться. Решила немедленно столкнуть детей в ров — будь что будет! Но внутренний голос твердил, что дети, если даже останутся в живых сейчас, все равно погибнут. Сами не замечая того, мы, озябшие, беззащитные, стояли в ряд у края рва спиной к яме. Куда делись наши палачи, я уже не имела представления. Все мои помыслы были заняты жизнью. Не могла и не хотела думать о смерти. Еще раз успела подумать: будь что будет! Сделала шаг назад, и земля ушла из-под ног. Детей я держала крепко руками — одного левой, другого — правой.

Одновременно с нашим падением в ров послышалась пулеметная стрельба. Очевидно, Всевышнему было угодно, чтобы на какое-то мгновение до выстрелов мы бросились в пропасть. Падали мы целую вечность. Вдруг почувствовала, что детей держу вниз головами, и вот-вот их головы ударятся о мою голову. Инстинкт самосохранения взял верх. Мне казалось, что они мне причинят сильную боль, и я руки развела по сторонам. Это случилось в то мгновение, когда мои ноги погрузились в какую-то теплую жижу. Оказалось, дно рва было свежими трупами, очевидно, трупами людей, расстрелянных недавно. Упершись в скорченные тела ногами, я не выдержала тяжести упавших детей и они потянули меня с обеих сторон вниз. Я упала на уже умерших и на бьющихся в последней агонии людей. Было страшно, жутко, словно тысячи призраков обступили меня со всех сторон. Хотя сыпал холодный снег, мне, почти голой, было жарко в этой человеческой бойне.

Я уже почти ничего не соображала, но какое-то подсознание подсказывало мне, что дети могут зашевелиться, и тогда нам не миновать верной гибели — нас непременно прикончат выстрелами в упор.

Тут же на нас начали падать другие люди, сраженные пулеметной очередью. Я в этой суматохе потянула детей к себе, все еще держа их за руки. Не знаю, откуда у меня, у женщины, нашлось столько силы. Помню, что, теряя сознание, я потянула детей под себя, а головы их положила себе под мышки, чтобы они не задохнулись. И сама сидела на корточках, согнувшись. Я молила Бога, чтобы Он спас моих детей. Время от времени сознание возвращалось ко мне. Я слышала одиночные выстрелы. Это добивали раненых...

Я почувствовала, что постепенно погружаюсь в какой-то мрак. Оказалось, что я и дети завалены убитыми. Напрягая все силы, я вытянулась, упираясь локтями в убитых. Туловище я не могла поднять, но голову и плечи все же мне удалось высунуть вверх, вместе с этим я подняла на уровень груди и детей. Они мне показались спящими, но лица их были в крови.

Не помню, сколько мы так пролежали, но время от времени сознание все же возвращалось ко мне. Однако я уже не вспоминала о детях и была не в состоянии сделать что-либо для них даже если бы хотела.

Вдруг мой слух уловил русскую речь: "Ой, сколько убитых!" Потом послышалась стрельба, и я окончательно потеряла сознание. Очнувшись в больнице и увидела вокруг людей в белом. Сразу не смогла сообразить, что к чему. Подумала, что я уже умерла, и это — ангелы вокруг меня. В себя я пришла только

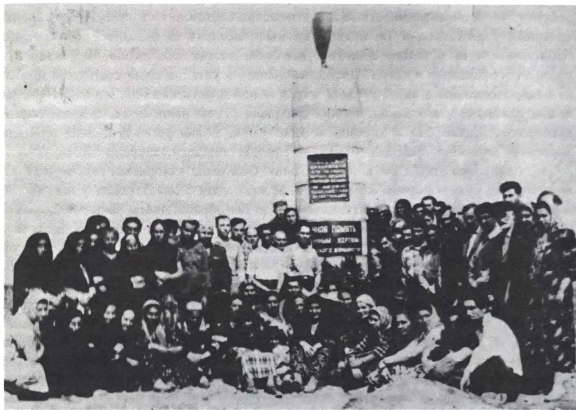
Из рассказов врачей я поняла, что пришла Красная армия, и нас освободили

от немцев. Что в Нальчике и во многих других городах Северного Кавказа фашистов уже нет. Оказывается, я находилась в госпитале уже больше недели.

Привели ко мне детей. Они были живы, но больные. Медсестра рассказала мне, что ров обнаружил один из молодых бойцов и сразу же много бойцов начали искать, нет ли среди группов еще живых. Так наткнулись на меня с детьми. Говорили, что я была в каком-то особом состоянии, словно ушла в себя. С трудом врачи вернули меня и моих околочевших детей к жизни.

Госпиталь находился в доме Калмыкова, там было тесно. Раненых негде уже было располагать. Спустя неделю ко мне вернулась речь. Помню, привели ко мне детей, мы плакали и целовались.

Мои мать и брат оказались живы, живы они и по сей день.

Памятник богдановским евреям — жертвам фашизма.

Евреи — жертвы фашизма в противотанковом рву на подступах к Нальчику.

Памятник евреям — жертвам фашизма поселка Манжикинск.

Рассказ Ализы Матаевой

Мы – ставропольские евреи. До революции мы были одними из богатых людей нашего округа. У нашего отца Авраама было четверо сыновей – Янкель, Хюсюрюн, Матая и Исай – и три дочери – Адаса, Лея и я – Ализа. Кроме меня, самой младшей в семье, все остальные уже имели свои семьи. У кого было четверо, у кого трое детей.

Всего в нашей большой семье вместе с нашими дядьями (братьями отца) и их детьми было более 50 человек. И всеми ими руководил мой отец. Управление хозяйством перешло к отцу после смерти деда как к старшему сыну. Все его братья выполняли его указания и подчинялись ему беспрекословно, зная его доброту, ум и справедливость. Наше хозяйство состояло из кожевенного завода, большого участка земли (я, правда, не знаю, сколько ее было, но полагаю, что сенокосные луга и пашни вместе с выгоном составляли около 50 гектаров). Было много лошадей и скота. После революции и установления советской власти на Ставропольщине в числе первых жертв новой власти оказались и мы. Первым делом отобрали у нас завод. Потом запылали огнем наши поля, скирды сена и необрушенные хлеба. Это я хорошо помню. Когда волна раскулачивания приняла массовый характер, забрали у нас 24 головы лошадей, забрали скотину. А о земле, принадлежащей нам и речи не шло. Она была конфискована, ее засеяли мужики под руководством комиссаров. И даже если б она осталась у нас, то все равно нечем было бы ее засеять, нечем было бы обрабатывать. Власть обложили нас так называемой продразверсткой, отобрали нас так, что даже на питание у нас ничего не осталось. Не было ни инвентаря, ни тяги – лошадей и быков забрали. Стоял вопрос о нашей высылке – высылке "опасных элементов", как советская власть называла таких, как мы. Я уверена в том, что если бы отец мог предугадать, какая участь постигнет еврейскую общину Богдановки, он не сопротивлялся бы высылке. Но тогда под покровом ночи отец со мной и мамой, погрузив на две подводы оставшееся имущество, уехал в село Богдановка. Село это тогда состояло из трех домиков бедных казаков. Что касается моих братьев и сестер, то их вместе с их семьями отец отправил туда накануне, предварительно обследовав местность.

В этом чужом краю отец вместе с другими евреями Восточного Кавказа, тоже бежавшими от советской инквизиции, насильственного превращения зажиточных семей в нищих, был в числе инициаторов создания еврейского колхоза в Богдановке – другого пути у нас не было.

До начала войны мы жили хорошо и мирно. Наш еврейский колхоз считался одним из наилучших во всей округе. И угоды колхоза все больше и больше расширялись. В колхоз то и дело вступали крестьяне, русские и казаки из близлежащих хуторов. Так колхоз из чисто еврейского превратился в интернациональный. Но война разрушила устоявшийся у нас порядок. В первые же дни войны многие колхозники были отправлены на фронт. Так, только из нашей семьи ушли на фронт девять мужчин – Садик, Шедивул, Аба, Мааси, Хюсюрюн, Маниил, Авшолом, Илюша и Ханука. Из них вернулось только двое – мой муж Ханука и Илюша (Илюша вернулся в чине капитана, в настоящее время он –

полковник и занимает высокий пост). Наше село осиротело... Лишь старики да женщины с малыми детьми остались в селе. Начали поступать первые извещения о гибели сельчан. Словом, плач и стон стали нашими постоянными спутниками. Приближалась линия фронта, и в начале сентября (точное число не помню) 1942 года в наше село вступили немецкие войска. Советские же войска уже за несколько дней до того покинули наши места.

Вначале -- несколько дней -- жизнь протекала своим чередом. Немцы никого не трогали. Правда, были случаи, что они забегали к кому-то во двор и наводили свой "порядок": то собаку застрелят, то курицу поймают и унесут, а то и к женщине пристанут... Все это воспринималось населением, как нормальное поведение победителей. Но чем дальше, тем больше эти победители нагнали. А тут нашлись предатели, которые сообщили немцам, что большая часть жителей села -- евреи. И немцы начали всячески разорять еврейские хозяйства. Если до этого солдаты побаивались своего начальства, то теперь в еврейские дворы они заходили группами, и после каждого такого посещения хозяйство переворачивалось вверх дном. Из автоматов немцы стреляли по курятникам, убивали скотину и издевались над людьми. Фашистам ничего не стоило заставить еврея резать для них последнюю корову или стащить у него все, что им хотелось. Словом, евреи стали совершенно бесправными существами.

Если раньше фашисты позволяли колхозникам работать на поле для себя, то теперь, зная, что то или иное хозяйство еврейское, хозяина заставляли выкопанную картошку или срезанную кукурузу отдавать на немецкий склад. Если еврей смел сопротивляться, то ему не миновать было смерти. Не разбирая, ребенок это, женщина или старик, стреляли в упор. Так за короткий срок фашистские изверги превратили нас в бесправных рабов...

Как-то к нам вечером украдкой пришел друг моего мужа Иван (фамилию не помню). Этот Иван работал вместе с моим мужем Ханукой трактористом в МТС. Но незадолго до войны попал под трактор и остался без одной ноги. Поэтому его не взяли на фронт. Когда немцы оккупировали нашу область, то некоторых они силой заставляли работать на них. Отказавших били, а некоторых даже расстреливали. Правда, таких было мало. Большинство казаков и некоторые русские добровольно шли работать на них, даже считали за честь работать на фашистов... Этого Ивана тоже заставили работать. После того, как его избили и пригрозили расстрелять, он согласился. Иван работал у них инспектором по регистрации населения. Благодаря этому нескольким еврейским семьям удалось спастись. Он их зачислил в субботники.

Итак, Иван, придя к нам, сообщил страшную вещь. Со слезами на глазах он сказал, что всех евреев будут расстреливать. Я и моя мама этому не поверили. Тогда он начал клясться и доказывать, что говорит правду. Сковь слезы он спрашивал меня: "Что я скажу твоему мужу Хануке, когда он придет?! Ведь вас тогда не будет в живых! Как я буду смотреть ему в глаза, ведь я могу вас спасти!"

Его убеждения действовали на меня, и я согласилась поехать с ним. Однако, правду сказать, я не совсем поверила, что евреев будут убивать. Но мать и свекровь мои не поверили вообще и не хотели идти с ним. Свекровь я кое-как уговорила, но мама ехать категорически отказалась. Мать не могла и не хотела верить, что немцы будут убивать людей лишь за то, что они евреи. Кроме того,

она говорила, что лучше умрет от голода, чем будет кушать с их посуды, в которой готовится свинина (мы трепное не ели). Уговорить мать мне так и не удалось. Она все твердила, что лучше умрет безгрешной еврейкой...

Медлить уже было нельзя. Иван начал торопить, он говорил, что если наступит рассвет, все мы пропадем, и он вместе с нами. Тогда я, моя свекровь и мои дети Авхаил, Иосиф и Атниел (теперь они вместе со своими семьями находятся в Израиле) сели на его бричку. Иван прикрыл нас соломой и тайком увез нас к себе, за 12 километров, в село Новоивановку. Был комендантский час — ночью даже выходить на улицу запрещалось, не только ехать в другое село. Даже днем из одного населенного пункта в другой можно было ехать только с разрешения коменданта. Но у Ивана, очевидно, было такое разрешение, ведь он состоял у немцев инспектором.

Помню, за нашим селом Ивана становили. Из разговора я поняла, что это были казаки-полицейские, которые патрулировали. Узнав Ивана, они не стали проверять подводу... Я всю дорогу думала о маме — старая женщина осталась одна. О, если б я знала тогда, что евреев расстреляют, то насильно забрала бы мать с собой!

В Новоивановку приехали мы уже поздно ночью. Иван спрятал нас в погребе. В наших краях у всех под полом были прекрасные погреба. В погребе была сделана невысокая деревянная лавочка — это, видимо, на скорую руку он сколотил специально для нас. Лавка была укрыта матрасами. На этой лавке мы и поместились. Нас еще укрыли и соломой, как укрывают картофель. Конечно, в погребе было сыро, и всегда стоял прелый запах, но зато мы находились в безопасности.

Вся семья Ивана относилась к нам с теплотой и дружелюбием, всегда подбадривала нас. Кормили нас тоже хорошо. Правда, мы со свекровью, кроме хлеба, картофеля и чая, ничего не ели, всю остальную еду считая некошерной, но детям мы не запрещали есть все, что дадут. По нужде нас выводили только в полночь, и тогда в нескольких местах двора дежурили взрослые члены семьи Ивана, как бы на дозоре, чтобы нас никто не заметил. Даже дети в этой семье не знали о нашем существовании в их доме. Погреб всегда был закрыт на замок, чтобы дети не вошли в него.

Так мы прожили в погребе четыре месяца. Пятого января 1943 года шли ожесточенные бои. Мы думали, что вот-вот рухнет дом и мы будем погребены живо. Снаряды рвались где-то рядом. Потом мы узнали, что в Новоивановке было много разрушений. Красная армия, освободив село от фашистов, не задерживаясь, продвигалась вперед. Однако наши гостеприимные хозяева не выпускали нас из погреба. Они боялись, что немцы вернутся и тогда не миновать нам верной гибели. К тому же фашисты могли за укрывательство евреев расстрелять всю семью Ивана. Ведь у них — фашистов — был такой указ: за укрывательство евреев и партизан расстреливать! Так, рискуя жизнью всей семьи, эти русские спасли нам, пятерым евреям, жизнь.

Наконец, рано утром 10 января, убедившись, что немцев прогнали далеко, они нам разрешили выйти. В тот же день, оставив детей и старую свекровь у Ивана, я пошла в Богдановку. Стояла зима, кругом лежал снег, легкая метель поднимала и бросала снежную пыль в лицо, а идти все равно было нужно. Хотя наши благородные хозяева всегда избегали разговоров об участии евреев, остав-

шихся в Богдановке, было ясно, что что-то страшное произошло с ними. И вот теперь тревога за них гнала меня в двенадцатикилометровый путь пешком через эту снежную пургу.

В Богдановке было пусто и редкие встречные старались не смотреть мне в глаза. Я пошла домой. Дома я никого не застала. Обнаружила распахнутые двери и разоренное хозяйство. Ничего в доме не осталось целым. Все сундуки были разбиты. Вышла я со двора, ко мне подошли несколько русских женщин. От них я узнала, что моего брата спрятали армяне (брат был коммунист, начальник почты района). В армянском селе ему рассказали, что фашисты вырвали у его жены серьги вместе с ушами. И тогда он не выдержал, вернулся в село. Там его схватили немцы и вместе со всеми расстреляли. Мне сказали, что всех евреев погнали за село, к яме и убили. Я пошла на то место. По дороге ко мне присоединились еще две женщины. Оказывается, их, как и нас, спрятали от немцев добрые люди. Одну из женщин звали Дорой Ильиничной. Это была пожилая умная женщина. Вторую звали Мирьям. Мы все трое пошли искать могилы наших мучеников. Придя на указанное место, мы слезли почти непокрытую могилу. Это была старая колхозная яма, куда бросали дохлых лошадей. Этим извергам было жаль даже землей засыпать свои жертвы!

Стоял январь, а от могилы наших дорогих и близких шел пар — словно густой туман стоял над полуоткрытой могилой...

Мы, три обезумевшие еврейские женщины, плакали, бессильные что-либо предпринять. Видно, наши вопли были такими громкими, что женщины близлежащих домов услышали нас и подошли. Они со слезами на глазах рассказывали, что немцы несколько дней перед акцией искали в селе синагогу. Видимо, она была нужна им для того, чтобы собрать в ней евреев.³¹ Но не найдя синагоги, в канун Судного дня, перед зажжением свечей всех евреев села загнали в здание клуба и заперли, поставив усиленную охрану. На следующее утро, примерно в восемь-девять часов, крепких мужчин и подростков повели под конвоем к яме, дали им лопаты и заставили чистить яму. Потом, примерно в двенадцать часов, их всех расстреляли. По крайней мере, автоматные очереди были слышны в это время.

Женщины говорили, что всех обстоятельств в точности они не могут знать, так как накануне их окна замазали густой известью. Всех предупредили, что если кто-нибудь сотрет известку, то будет расстрелян. Тем не менее некоторые сумели незаметно вычистить просвет величиной не больше зрачка и наблюдали за тем, как евреев гнали на расстрел.

После автоматных очередей, где-то в два часа дня, погнали на расстрел остальных — стариков, женщин и детей. Очевидцы рассказывали, что старики, не обращая внимания ни на что, шли, молясь, почти все они были покрыты телесами. Сперва был слышен детский плач и вопли женщин — это отделяли детей от матерей. Их, видимо, живыми побросали в яму. Потом плач детей утих, и раздались автоматные очереди. Стреляли долго и непрерывно. Потом раздавались одиночные выстрелы, это добивали раненых. Женщины также рассказали нам, что подходить к этому страшному месту запрещалось под угрозой смерти...

К нам подъехали представители власти — в военной форме и гражданские. Не знаю, было ли это простым совпадением, или кто-то сообщил в центр, в Ставрополь, что к месту расстрела евреев собрался народ. Приехавшие заявили,

что они должны установить, верны ли слухи, что евреев в Богдановке расстреляли немцы. Они уверяли нас, что центр не принял мер для эвакуации евреев, поскольку считалось, что евреи уже эвакуированы. Но некоторые жители села открыто выражали свой протест и заявляли, что власти бросили евреев края на произвол судьбы, оставили на растерзание фашистским извергам.

Мы все три хотели залезть в могилу, чтобы опознать наших родственников, но нам не разрешили, ведь мы могли утонуть в этой массе разложившихся тел. Подъезжали и подъезжали люди, приезжали на санях, на автомашинах, верхом, приходили пешком. Было уже далеко за полдень, но людей все прибавлялось и прибавлялось. В толпе оказалась одна украинская женщина, которую мы видели в Богдановке еще до прихода немцев. Она была эвакуирована с Украины и, видимо, оставлена советской властью для подпольной работы. Она успокаивала нас, пересказала все, что мы уже слышали от женщин.

Не знаю, откуда взялись лопаты. Люди со скорбными лицами начали чистить землю от снега. Потом долбили мерзлую землю и засыпали могилу. Некоторые сыпали разрыленную землю в могилу голыми руками.

Нам обещали провести над могилой на следующий день траурный митинг. Поэтому мы все три решили далеко не уходить. Приглашающих нас на ночлег было много, да и наши собственные дома не были разрушены. Однако в Богдановке нам оставаться не хотелось. Родное село казалось нам большим кладбищем, переполненным душами наших родных мучеников. Я попросила своих спутниц пойти со мной в Новоивановку. Когда мы проходили через канаву по бревнам, временно положенным вместо разрушенного моста, нас обогнал верховой. В нем мы узнали бывшего ветеринарного врача района Рыбалко. Увидев Рыбалко, мы съезжились, мурашки пробежали у нас по коже. Закутав головы в шали, мы сделали вид, будто не узнали его. Мы знали, что он с первых дней прихода немцев поступил к ним в полицейские, но о его злодеяниях против евреев нашего села узнали лишь около могилы. Женщины-очевидицы с проклятиями в его адрес на устах рассказали нам о том, что Рыбалко, ветврач района и член бюро райкома партии, вместе с немцами согнал евреев к месту расстрела и с садистским наслаждением сбрасывал маленьких еврейских детей в яму, расстреливал взрослых. Сейчас он, откровенно издеваясь, спросил нас: "Вы что, живы?" Видно было, что он расстроен, увидев живых евреев, к тому же знающих о его делах. Дора Ильинична сказала нам, чтобы мы не отвечали ему ни одним словом. Видя, что мы молчим, он обратился к ней: "Дора Ильинична, давайте я вас довезу до Моздока. Вот запрягу сейчас лошадь в сани, и поедем!" Дора Ильинична сказала ему: "Мы, Рыбалко, остаемся в селе и сегодня никуда не поедем".

— А у кого вы останавливаетесь? — спросил Рыбалко.

— У Лены, — ответила она.

Лена была любовницей Рыбалко, поэтому Дора Ильинична и назвала это имя. Рыбалко, услышав имя Лены, успокоился и оставил нас в покое. Хлестнув коня, он помчался вперед. Очевидно, он подумал, что у Лены ему легче будет расправиться с нами. Ведь кроме лютой ненависти к евреям, у Рыбалко была и другая причина, чтобы убить нас: он хотел убрать всех тех, кто мог свидетельствовать о его злодеяниях. Очевидно, русских он не особенно боялся, иначе не остался бы в селе, а вот евреев приходилось опасаться.

Когда Рыбалко умчался, Дора Ильинична сказала нам: "Пусть он идет и от

злости убивает свою любовницу, а мы, девочки, давайте побыстрее пойдем в Новоивановку”.

И вдруг появился на санях Иван. Обеспокоенный моим долгим отсутствием, он ехал меня искать. Увидев нас, он обрадовался, и мы тоже были рады. Уговаривать нас ему не пришлось. Мы сели в сани, и он повез нас к себе домой.

На другой день на братской могиле собралось много народу со всего района. Был устроен митинг. Потом таких митингов было много...

Когда несколько десятков евреев, сумевших спастись от гибели, вернулись в село, мы собственными силами поставили над братской могилкой скромный памятник из кирпичей. А потом, после войны, когда вернулись оставшиеся в живых наши еврейские воины, мы всем колхозом поставили фундаментальный памятник. Первоначально на нем был прикреплен “Маген Давид” – шестиконечная звезда, которая высекается на памятниках евреям на всем Восточном Кавказе. Однако власти в тот же день сняли Маген-Давид и вместо него укрепили вазу.

Фашистская чума унесла почти все еврейское население села Богдановки, но на памятнике сказано лишь о четырехстах семидесяти погибших. Эта цифра явно занижена. Она основана на приблизительных показаниях людей, смотревших в окна через обмазанные известью стекла. Более того, в надписи ничего не говорится о евреях¹.

В действительности же еврейская община Богдановки потеряла, кроме погибших на фронте, и всех остальных членов своей общины, которые были зверски растеряны и покоятся в этой братской могиле. Исключение составили единицы, которым посчастливилось как-то избежать этой бойни. Однако по приказу сверху советская власть не хотела признавать этого. Власти утверждали, что остальные эвакуировались. С самого начала было ясно, что власти вовсе не заинтересованы в увековечении памяти евреев-жертв фашизма. Ведь немалая доля вины за их гибель лежит на официальных советских органах. Зная, что евреев ожидает неминуемая гибель (не зная они не могли), власти ничего не сделали для эвакуации евреев, тогда как немалые силы были направлены на то, чтобы эвакуировать семьи партийных работников. Целые эшелоны увозили их и принадлежащие им ценности, а на евреев никто не обращал никакого внимания. Если бы советской власти не была безразлична судьба евреев, то катастрофа европейского еврейства не была бы дополнена трагедией евреев Северного Кавказа.

До войны в Богдановке жило 150–160 еврейских семей. Если даже допустить, что в каждой семье было всего шесть человек – муж, жена и четверо детей (минимум), то и в этом случае количество евреев должно было составить 900–960 человек. А после войны вместе с вернувшимся с фронта и из эвакуации нас едва ли набралось 100–120 человек.

Так кончилась еврейская жизнь в селе Богдановка Ставропольского края. После войны евреи не хотели жить в этом проклятом месте. Души погибших витали над селом, и казалось, что они упрекают живых за их молчание.

Хочу добавить, что после всего пережитого Иван уговаривал нас остаться у них и ждать возвращения моего мужа. Но я отказалась и попросила отвезти нас в Моздок. Он исполнил мою просьбу – отвез нас в Моздок. Моздок почти весь был разрушен. Мы попрощались с Иваном у развалин железнодорожного вокзала.

В Моздоке совершенно случайно я встретила с родственницей – Верой Пинхасовой. Оказалось, что она вместе со своим братом, вернувшимся с фронта

инвалидом, приехала из Грозного искать своих родственников. К счастью, немцы не успели уничтожить евреев Моздока полностью, и родственники Пинхасовых были живы.

Вера пригласила нас поехать с ними в Грозный на машине брата. Я с удовольствием согласилась — все равно идти было некуда. Мы поехали в Грозный и жили там у дяди моего мужа. Потом, когда вернулся мой Ханука с фронта, мы переехали в Нальчик.

Будучи еще в Грозном, я как-то встретила знакомую русскую женщину из Богдановки. В разговоре с ней я узнала, что Ивана — нашего спасителя — арестовали и что его ожидает суровое наказание. До этого я слышала, что Иван кроме нас спас еще несколько еврейских семей. И теперь, когда я узнала, что Иван арестован, то сразу поехала в Ставрополь. В Ставрополе я обратилась в органы госбезопасности с официальным заявлением, в котором просила включить меня в число свидетелей. На допросе я выступила в его защиту. В просьбе дать мне свидание с Иваном мне отказали. Я же хотела узнать о тех семьях, которые он спас.

Не добившись свидания, я поехала в Новоивановку. Там, конечно, были мне рады. Селяне искали меня, но не знали, где я живу. Они хотели, чтобы я пошла в свидетели. Я спросила имена остальных спасенных Иваном. Жена Ивана знала только две семьи, которые он спрятал у своих сестер: семью Мусахановых с восемью детьми и семью Кишеевых (муж, жена и трое детей). Однако муж Кишеевой, не послушавшись советов, пошел куда-то, наткнулся на немцев и пропал без вести. Вероятно, был расстрелян. Немцы часто практиковали такую казнь ради забавы.

Узнав такие факты, я немедленно приступила к поискам и нашла этих женщин. Потом эти женщины тоже свидетельствовали по делу Ивана. Вскоре состоялся суд. Благодаря нашим показаниям Иван после четырех месяцев заключения судом военного трибунала был оправдан.

Еще я хочу сказать, что горские евреи участвовали не только в освобождении Богдановки. Велика их заслуга в освобождении всего Северного Кавказа. Города Нальчик, Орджоникидзе, Моздок, Ставрополь и другие вместе с близлежащими районами вплоть до Ростова были освобождены под командованием полковника Ехизкиеля Пинхасова, родившегося в селении Джуганас Ставропольского края. Более того, подразделение Пинхасова более чем наполовину состояло из евреев Восточного Кавказа. Они гнали фашистов до самого Берлина. Потом Пинхасов долгое время служил военкомом в городе Нальчике. Сейчас он в отставке по возрасту.

* * *

Вышеприведенные рассказы очевидцев раскрывают печальную картину гибели еврейских общин Ставрополья. Но почему же немцы на Прикубанье (Ставропольская область) и в Краснодарском крае приступили к уничтожению евреев сразу, в течение первой же недели, а в Кабардино-Балкарии и в Северной Осетии с массовым уничтожением евреев медлили? Ведь именно в столице Кабардино-Балкарии Нальчике и городе Моздоке (Северная Осетия) евреев было больше всего!

Дело в том, что в местах скопления европейских евреев (Пятигорск, Кисловодск, Ессентуки и т. д.) немцы сразу же приступили к их уничтожению. Что же касается Богдановки и Манжинска, то немцы попросту не знали, что жители этих поселков – евреи. Если бы казаки, жившие в этих местах, не выдали евреев немцам, то те вообще не узнали бы о существовании кавказских (горских) евреев. И лишь узнав об этом, немцы начали совершать свои злодеяния.

Иначе дело обстояло там, где местное население не изменило своего доброго отношения к евреям. В Нальчике и Моздоке немцы совершали пробные убийства евреев, люди исчезали почти каждый день. Потом выяснялось, что их расстреливали на Машуке и у противотанкового рва. Однако немцы не решались проводить массовые убийства, опасаясь бурной реакции местного населения.

После того как немцы отступили, по оставленным ими документам и из показаний пленных стало известно, что была инструкция, рекомендуемая не озлоблять кавказское население. И еще стало известно, что немецкое командование после зверств, совершенных в Богдановке и Манжинске, доложило в Берлин, что на Кавказе обнаружены смуглолицые евреи, не похожие на евреев европейских. Как поступать с ними? Фашистским идеологам не трудно было признать евреев Восточного Кавказа евреями – пришел ответ: уничтожить!

Акция по массовому уничтожению евреев Нальчика и Моздока была назначена на 5-е и 6-е января 1943 года. Однако она была засекречена до такой степени, что даже сотрудничающие с немцами местные полицейские об этом не знали.

Очевидно, Богу Авраама, Ицхака и Якова не было угодно уничтожение этих общин. Массированным наступлением Красной армии, в котором участвовало большое число сынов и дочерей евреев Восточного Кавказа, в первых числах января 1943 года немецкие войска были отброшены за реку Дон (станция Батайск). Так Северный Кавказ был освобожден от фашистских извергов. С разгромом фашистской армии на Северном Кавказе евреененавистническая политика властей ослабевает. Видимо, антисемитские элементы, засевшие в советско-партийном аппарате и ждавшие прихода фашистов, поняли, что если они не изменят своего отношения к евреям, то это может кончиться для них плохо. Кроме того, начали возвращаться к своим семьям евреи, получившие инвалидность на войне. А участники войны в те годы были окружены почетом, и трогать их не рекомендовалось.

И все же проявлений антисемитизма было немало. Сороковые годы отмечены хулиганскими выходками, жертвами которых оказывались евреи.

В те годы немало евреев было убито на улицах городов и на дорогах. Дошло до того, что по вечерам стало опасно выходить на улицу. Носить же при себе даже перочинный нож евреи не могли – в случае ареста это было бы расценено как ношение холодного оружия и могло повлечь наказание до пяти лет лишения свободы.

Постепенно такие откровенные проявления антисемитизма прекратились, жизнь вошла в нормальное русло, но скрытый антисемитизм по-прежнему существовал. Если в каком-нибудь конфликте еврея с неевреем дело доходило до следственно-судебных инстанций, то еврей, как правило, оказывался виновным. А если же еврей действительно совершал проступок, то его вина раздувалась до невероятных размеров.

Можно вспомнить немало случаев, когда следственно-судебные органы свали-

вали вину других на еврея. Приведем пример. В середине 50-х годов в Дербенте был найден труп еврейской женщины с перерезанным горлом. Зарезал ее, о чем все знали, азербайджанец по имени Коля. Однако по решению суда расстреляли еврейского парня (его имени я, к сожалению, не помню). А настоящий убийца, Коля, и в дальнейшем совершал свои преступления. Подобных примеров наказания невинных евреев на Восточном Кавказе имеется немало.

Весьма сложно складывались отношения между евреями с одной стороны и чеченами и ингушами – с другой.

Как известно, в 1943 году, после того, как Северный Кавказ был освобожден от гилеровских полчищ, чечен и ингушей выселили в суровые районы Средней Азии. Мы здесь не будем касаться национальной политики властей в СССР, ибо не это является нашей задачей. Скажем только, что положение "исправил" верный ленинец – Никита Хрущев. Взойдя на престол, он реабилитировал их и разрешил вернуться на Кавказ. Однако ни Хрущев, ни его сподвижники не позаботились о том, чтобы при возвращении чечен и ингушей на родину не произошло столкновения с теми, кому советская власть отдала их дома и хозяйства. И чечены и ингуши сами начали наводить "порядок", угрозами заставляя жильцов покидать их жилье.

В городе Грозном (столице Чечено-Ингушетии) евреи жили в своих собственных домах, но чечены, чтобы нагнать страху на тех, кто занял их жилье, начали издеваться над евреями: грабили, вымогали деньги, угрожали оружием, избивали и насильовали. Со временем чеченцы и ингуши начали задевать даже русских.

В 1958 году летним утром были обнаружены трупы двух солдат – еврея и русского, приехавших в отпуск с мест службы и убитых вечером чеченами в парке во время массового гуляния.

Большая группа евреев и русских, к которой по дороге примкнули тысячи горожан, направилась с трупами на руках к зданию обкома партии и потребовала положить конец бесчинствам чеченов и ингушей. Когда шествие подошло к зданию обкома, охрана по приказу второго секретаря (чечена по национальности) не пропустила делегатов в здание обкома. Тогда огромная толпа, опрокинув охрану, ворвалась в обком.

Пока стягивали к зданию войска гарнизона, квартировавшего в городе, обзевшиеся люди успели разгромить обком.

Хотя в восстании участвовали и русские, и представители других национальностей, наказаны за беспорядки были евреи. Нисанова Хана (Ханка) осудили на 10 лет строгого режима, Кукулиева Александра – на 10 лет строгого режима, Матвеева Александра – на 6 лет, многих других приговорили к разным срокам тюремного заключения.

Восстание заставило власти Грозного взяться за наведение порядка в городе и республике. Но антиеврейские бесчинства продолжались. Время от времени исчезали еврейские дети. За несколько лет пропало более десяти еврейских детей. Среди них – семилетний сын Михаила Меликова, труп которого нашли в заброшенной яме. В другой раз был похищен трехлетний мальчик Осо Якубов, которого нашли с разбитой головой в реке Сунжа через пять дней после похищения. Труп десятилетнего сына Мохоя Бабижаева показали сами чечены. Исчезали в основном мальчики и либо перед Пасхой, либо в дни самой Пасхи.

Эти зверские убийства прекратились только тогда, когда правосудием занялся

народ — ведь от властей ждать было нечего. Суровая расправа отныне ждала тех, на кого падало подозрение в детоубийстве...

Стычки между чеченами и евреями участились после войны Судного дня. Их кульминацией стало убийство Садикова в 1975 году. Садиков работал закройщиком на обувной фабрике и одновременно исполнял обязанность председателя фабкома. Однажды от него потребовали, чтобы он по "собственному желанию" передал свою должность одному чечену. Садиков отказался.

На следующий вечер в квартире Садикова — студента-заочника нефтяного института — раздался телефонный звонок. "Экзаменатор" приглашал его срочно прийти в институт... Утром труп Садикова нашли под окнами института. Было установлено, что Садикову нанесли ножевые ранения, после чего выбросили из окна пятого этажа. Но в окончательном варианте следственного заключения причиной смерти было названо самоубийство. Дело прекратили."

Говоря о хулиганских выходках против евреев на Кавказе, следует отметить, что акты вандализма на еврейских кладбищах здесь были обычным явлением во все времена.

Однако если все эти "мелкие" инциденты можно отнести за счет хулиганов, то более серьезные проявления антисемитизма явно исходили от властей. 9 августа 1960 года в Буйнакской городской газете "Коммунист" была напечатана статья на кумыкском языке под заголовком "Безбожникам тоже дорога открыта". Автор статьи Г. Махмудов, вероятно, познакомился незадолго до того с делом Бейлиса и теперь, используя классические образцы, натравливал мусульман на евреев Восточного Кавказа. В своей мерзкой статье Махмудов обвинял евреев... в использовании мусульманской крови в ритуальных целях.

Приведем выдержки из этой статьи. "Евреи утверждают, что правильная вера — это их вера, и поэтому они попадут в рай, а мусульмане, потому что их вера неправильная, попадут в ад... Евреи раньше тоже творили бессовестные, безобразные дела... Евреи верят, что если хотя бы один раз в год не выпьют мусульманскую кровь, то их вероисповедание окажется недействительным. Поэтому евреи продают-покупают 5—10 грамм мусульманской крови, и эту кровь смешивают с бочкой воды. Потом разведенную "мусульманскую кровь" используют". (Почему-то в этом месте слова "мусульманская кровь" были взяты в кавычки.) Далее автор снова ссылается на указания еврейской религии о роли и значении мусульманской крови для верующего еврея, говорит о неверности мусульманской религии и т. д. и т. п.

Совершенно ясно, что статья была написана не без ведома и согласия партийно-советских органов Буйнакска, а может быть, и руководства республики. Составители этого "протокола сионских мудрецов" хорошо знали тактику разжигания погромных настроений в "правоверном" мусульманине. С появлением статьи антисемиты словно по команде начали широкую антиеврейскую кампанию. Во всех мечетях и мусульманских молельных домах обсуждалась эта статья, принимались тайные решения. Повсеместно чувствовалось, что мусульмане Дагестана изменили свое отношение к евреям, а кумыки открыто проявляли свою ненависть (отметим, что кумыки всегда относились к евреям недружелюбно). На агитбеседах мусульманские пропагандисты отныне ссылались именно на эту статью. Они считали, что все, что пишется в газете, вначале проходит партийную цензуру, и, значит, руководство одобрит любые антисемитские действия.

Все понимали, что мусульмане замыслили что-то страшное против евреев, но что именно – пока не было ясно. Инцидента было бы не избежать, если бы не бдительность евреев. Сразу после появления статьи еврейские интеллектуалы во главе с писателем Миши Бахшиевым обратились лично к Данилову – первому секретарю обкома партии Дагестана. Евреи требовали наказания виновников – составителей статьи, желая таким образом отвести от евреев кровавый навет.

Статья в буйнакской городской газете "Коммунист" от 9/8 1960 г.

евреев Буйнакска, добивавшихся открытия синагоги.

Конфликт, повторяем, удалось предотвратить, но евреи продолжали настаивать на наказании виновных. В конце концов почти все, кто способствовал появлению этой статьи, понесли административные наказания, а сам автор отстранен от журналистской работы.

Другим случаем призыва советской прессы в Дагестане к антисемитизму явилось выступление политического комментатора дагестанского радио и телевидения Амина Аминова, лезгина по национальности. Он, выступая по телевидению сразу после Шестидневной войны, сказал: "Ведь мы же говорили, когда немцы оккупировали наши земли: "Смерть немецким оккупантам!" Так почему же арабы не должны говорить: "Смерть евреям!"? Ведь они, евреи, тоже оккупировали арабские земли. Арабы должны призывать к уничтожению евреев, и они должны уничтожать евреев!"

Все еще были в шоке от случившегося (человеческому уму было непонятно, как три миллиона "грязных" евреев, живших на пятячке земли, окруженном арабами, за одну неделю наголову разбили армии арабских стран, пытавшихся сбросить их в море. После выступления Аминова настроение изменилось: евреи превратились в оккупантов, а призывы руководителей Израиля к миру – в

Сначала этим требованиям не было придано значения. В обкоме считали, что скоро о статье забудут и все пройдет незамеченным. Но не тут-то было: мусульмане готовились к еврейскому погрому, вербуя на свою сторону все больше единомышленников. И в обкоме Дагестана поняли, что хранить спокойствие опасно, вот-вот грянет буря. Лишь тогда лекторы обкома и горкомов начали выступления, говоря о неправильности статьи и толкуя ее как общечеловеческий, а отнюдь не направленный против евреев материал. Лекторы рассказывали слушателям о категорическом запрете еврейской религии употреблять в пищу кровь и т. д. и т. п. В результате обкому Дагестана удалось ликвидировать опасность, грозившую евреям Восточного Кавказа. К счастью, руководители партийного аппарата республики почувствовали, что скандал вышел из тех рамок, которые ему были определены. Спустя некоторое время прошел слух, что статья была предназначена для запугивания религиозно настроенных евреев

обычный "обман мировой общественности". Атмосфера вражды и ненависти к евреям все больше накалялась. Этому способствовали и разоблачающие "израильско-еврейскую военщину" многочисленные публичные лекции, и выступления на фабриках и на заводах, в клубах и на открытых площадках. Само слово "еврей" стало синонимом всего отрицательного (вместо слова "государство Израиль" говорилось "еврейское государство", вместо "израильская армия" – "еврейские солдаты", а вместо "израильяне" -- "еврей-сионисты").

Поднимающий голову государственный антисемитизм заставил радостно забиться сердце каждого антисемита. Как правило, в подобных случаях первыми напоминают о себе обыкновенные хулиганы. И действительно, сразу же после выступления Аминова участились, как это было и раньше, случаи физической расправы над евреями. Почти не проходило дня без избиения или поножовщины.

Дело этим же ограничилось. Вскоре просочились слухи, что мусульмане Дербента и Буйнакск готовят еврейские погромы. Стало известно, что еврейские дома уже "распределены" по шайкам погромщиков. Нашлись и люди, ставшие предводителями этих шайк. Одним из них был Тофик Бабаев – заведующий винным магазином Дербентского торгового дома, другим – заведующий мясным магазином Дербентского торгового дома Джабир... Каждый из них охотно взял на себя и связанные с проведением погрома расходы.

Евреи знали об этих приготовлениях. Среди мусульман у них были не только враги, но и друзья, ставящие эту дружбу выше мусульманского братства. Поэтому за короткий срок каждая еврейская семья сумела подготовиться к достойной встрече непрощенных гостей.

Оценив по достоинству эту подготовку, мусульманское духовенство Дербента категорически запретило организованное нападение на евреев, предупредив, что в случае провала оно отмежует от погромщиков и первым потребует наказания виновных.

Городские власти тоже были настороже. Говорят, что военком города подполковник Махлис (еврей по происхождению), услышав о намерениях мусульман, потребовал принятия срочных мер, чтобы предотвратить столкновения между мусульманами и евреями. Согласно другой версии, бывший секретарь Дербентского горкома Демир Алиев и мусульманский ахунд (глава духовенства) были предупреждены органами КГБ, что если произойдет нечто, хотя бы отдаленно напоминающее погром, мусульманам Дербента не миновать поголовной высылки. Сомнительно, конечно, чтобы советская власть ради евреев пошла на столь крутые меры, однако предупреждение свою роль сыграло. Некоторое время солдаты с автоматами в руках патрулировали в магалах – мусульманских кварталах Дербента, чтобы пресечь малейшие попытки погрома и арестовать каждого, появившегося на улице с оружием.

Видя, что дербентское духовенство отказалось от своих первоначальных намерений, духовенство Буйнакск тоже прекратило подготовку к погрому. К тому же отныне во всех лекциях, порочащих Израиль, лекторы подчеркивали, что все это не относится к "нашим" евреям. Таким образом, власти косвенно признали свою вину за разжигание антиеврейских настроений и теперь стремились исправить положение. Зато антиизраильские лозунги продолжали звучать повсюду.

В первые дни войны Судного дня радио, телевидение и другие органы массовой информации с ликованием предвещали приближающийся конец еврейского

государства, кричали о "полном разгроме армии агрессора". Ликовала и чернь. При встрече с евреями мусульмане не скрывали своей радости от победы "доблестных" армий арабов. Все те, кто не дождался погрома, теперь утешали себя "всеобщим поражением" еврейского народа. А евреи, не имея возможности помочь своим братьям, устремляли свой взор к небу. Каждый старался не пропустить редких русскоязычных передач из Иерусалима. Было ясно, что если, не дай Бог, Израиль проиграет войну, то плохо придется евреям и на Восточном Кавказе, и вообще во всем мире.

Но произошло чудо! На третий день войны, не веря своим ушам, евреи узнали, что израильская армия, форсировав под руководством А. Шарона Суэцкий канал, уничтожила противовоздушные ракетные установки Египта. А еще спустя несколько дней пришла весть, что две египетские армии полностью окружены израильтянами. На лицах евреев появились улыбки, никто не скрывал своего ликования. Люди прямо на улицах, никого не стесняясь, целовали друг друга. Даже те, кто всего лишь днем раньше оскорблял евреев и проклинал Израиль, были вынуждены признать военное превосходство еврейского государства над его арабскими врагами. Все больше народу узнавало о том, кто затеял войну и как в день еврейского поста арабы вероломно напали на Израиль.

Но советская пропагандистская машина продолжала вести гнусную антиизраильскую пропаганду, будила в некоторых слоях населения Восточного Кавказа антисемитизм. В результате находились люди, которые официально просили у советского правительства отправить их на Ближний Восток, чтобы воевать с евреями и защищать арабов. К примеру, ахтынские лезгины, часть которых ныне живет в Дербенте, писали: "Нас семеро братьев, и мы готовы поехать воевать за наших арабских братьев, поэтому просим вас направить нас как советских добровольцев в одну из арабских армий, воюющих против еврейских агрессоров... Братья Казыхмедовы". К счастью, таких "добровольцев" было немного.

С другой стороны, после войны Судного дня снова участились хулиганские нападения на евреев, нередко заканчивавшиеся кровопролитием и даже убийством. Если бы не ответные меры, то эти конфликты достигли бы катастрофических размеров.

Мы уже говорили о том, как безжалостно ломались надгробные памятники на еврейских кладбищах. Эти акты вандализма особенно участились после войны Судного дня.

Можно было бы сказать, что примерно в таком положении находятся евреи Восточного Кавказа и сейчас, если бы не трагический случай, произошедший в городе Баку в 1979 году.

Рассказ Юхевет Бираровой¹⁴

Мой муж Борис Мадатов девятнадцатилетним парнем, только-только начавшим самостоятельную жизнь, в 1943 году добровольно пошел на фронт воевать против лютого врага. Неоднократно был ранен, и каждый раз после выздоровления снова возвращался на фронт. За свои боевые заслуги был награжден боевыми орденами и медалями Советского Союза. Начав войну на Северном Кавказе, он закончил ее в Берлине, откуда и демобилизовался.

В 1946 году мы с ним нашли свое счастье. Он оказался достойным мужем, а я ему — достойной женой. Вскоре у нас родился первенец, которого мы назвали в честь нашей исторической родины Израилем (Изиком). Потом Бог даровал нам еще двух сыновей и четырех дочерей.

Бывали у нас и трудности, но в общем нам жилось неплохо — во всем помогало нам наше семейное счастье и обоюдное согласие. Потом дети выросли и стали работать. Мальчики по очереди отслужили в армии. Жить стало еще легче.

Правда, своего дома у нас не было, но мы все же, живя на квартире, обзавелись всем необходимым. А жили мы у Абасова Кабира, который имел шашлычную. (Правда, он числился просто заведующим. Ведь в Советском Союзе официально иметь свое дело запрещается, вот он и выполнял формальности.) Абасов всякими посулами заманил моих сыновей к себе в шашлычную, и они работали

Похороны пяти членов семьи Мадатовых.

у него, словно рабы, терпя от него всякие оскорбления. Многократно они заявляли нам, что уйдут из шашлычной Абасова. Но мы с мужем уговаривали их потерпеть. Ведь у нас другого выхода не было! Мы находились в абасовском капкане: он всегда угрожал нам, говоря, что он нас — евреев — терпит у себя в доме лишь потому, что наши дети работают у него. И каждый раз, как только вставал вопрос о переходе моих сыновей на другую работу, Абасов тут же требовал от нас покинуть его дом. И чем больше проходило времени, тем наше положение ухудшалось. Ведь часть детей уже обзавелась своими семьями, и у них появлялись свои дети. Наша семья уже занимала в доме Абасова несколько квартир. Выгони он нас, в какую беду могли бы мы попасть, не имея крова над головой. Вот мы и были вынуждены оставаться у него. А Изик и Юрий по нашей просьбе так и продолжали работать на него.

Правду сказать, мы не были сионистами. Да и не знали, что это такое. Но мы всегда жили надеждой, что наступит время, когда мы освободимся от унижения всевозможных абасовых и уедем в государство Израиль — родину всех евреев и станем там свободными гражданами. И вот такое время наступило: с нашего согласия наш сын Изик хлопотал насчет вызова из Израиля и получил его. Нашей радости не было предела. Одновременно с Изиком и всей его семьей вызовы получили две моих дочери с семьями и две сестры моего мужа — тоже с семьями. Услышав, что Изик собирается в Израиль, Абасов затаил злобу.

После долгих мытарств все наши получили разрешение на выезд из СССР. 25

октября 1979 года, покинув Баку, они выехали в Брест. Я и мой зять — муж Ларисы — выехали вместе с ними, чтобы их проводить. Но через четыре дня я получила телеграмму: "Немедленно возвращайся в Баку". Было ясно, что случилось что-то нехорошее. Но я еще не знала, какое огромное несчастье постигло мою семью.

Приехав в Баку, я узнала следующее. 28 октября, в час ночи, дом, в котором жила моя семья и семьи моих детей, начал пылать. Дом этот находился по улице Крупской номер 31

Верхний, третий этаж, занимала семья самого Абасова. На втором этаже жили Юрий с женой и еще на этом этаже жил одинокий пожилой еврей — Истом Абрамов. Кроме них, в доме жили еще несколько семей азербайджанцев. Моя семья и семья моего сына Ефима жили на первом этаже. Моя дочь Лариса (по мужу Сементуева), к несчастью, на время отсутствия своего мужа, который поехал со мною в Брест, перешла жить к нам с годовалым ребенком.

Когда начался пожар, Абасов быстро созвал соседей и начал спускать свои вещи. При этом он запретил будить евреев и разбудили только азербайджанцев. Ефим, почувствовав запах гари, открыл дверь, разбудил жену и они вместе выскочили наружу. В это время Лариса тоже проснулась и, почувствовав запах дыма, разбудила отца. Языки огня уже начали пробиваться из щелей дверей и окон. Муж, не растерявшись, взял ребенка из люльки, окутал себя и ребенка шерстяным одеялом и, открыв дверь, выбежал сквозь пламя на улицу, приказав Ларисе и Тамаре бежать за ним. Но девочки замешкались. Огонь усилился и начал подбираться к ним. Выбежали они уже с большими ожогами на теле и на лице. Муж, услышав крик сверху, вспомнил, что Юрий с женой находятся на втором этаже. Он бегом поднялся по пылающей огнем лестнице, толкнул горящую дверь комнаты сына и вместе с дверью влетел в помещение. И в это время пол третьего этажа рухнул, и они сгорели вместе с домом. Сгорел и старик Итом Абрамов.

Лариса и Тамара ждали прибытия "скорой помощи", стоя под водопроводным краном. Через час, когда приехала "скорая помощь", их увезли в центральную больницу имени Семашко, но их там не приняли. Потом их увезли в другую больницу, где до утра не оказывали помощи. На третьи сутки мои дорогие Лариса и Тамара тоже скончались.

Потом я узнала, что, когда мой муж поднимался по горящей лестнице, пожарники стояли рядом, но они по приказу всемогущего Абасова выводили его машину из зоны пожара. Абасов говорил им и всем собравшимся: "Евреев не касайтесь, спасайте только своих. Эти евреи все равно едут в Израиль". Так погибли пятеро членов моей семьи — из-за того, что мы собирались в Израиль.

Из заключения пожарников видно, что дом был подожжен с четырех сторон. Но милиция решила следствие прекратить. Потом, когда люди возмущались этим решением, Абасов неоднократно угрожал зарубить топором того, кто пойдет жаловаться.

От моего сына Изика я и Ефим с семьей получили вызов. Вместе с нами получили вызовы семья деверя, брата моего мужа, Мадатова Павла с женой Ханой, и семья их сына Мадатова Рафика с женой и двумя детьми.

Однако их до сего времени не выпускают. Более того, Рафика с семьей выгнали из квартиры, и теперь они бедствуют в однокомнатной квартире роди-

телей по адресу: Баку, улица Карганова, 108.

* * *

Поневоле задумаешься, как могло случиться, что все жильцы дома, кроме евреев, остались после пожара невредимыми. Более того, с третьего этажа спустились все вещи хозяина дома, заранее упакованные, вывели его машину из зоны пожара. И никто не соизволил разбудить хотя бы одного еврея! А как поступили с обгоревшими Ларисой и Тамарой, которых еще можно было спасти и которых, конечно, спасли бы, если бы они не были евреями!

Завершая этот раздел, нам хочется сказать, что взаимоотношения евреев с окружающими их народами на Восточном Кавказе остаются, в основном, вполне корректными: по установившейся традиции, ни одно семейное торжество не проходит у евреев без того, чтобы на нем не присутствовали в числе почетных гостей товарищи-неевреи. Необходимо подчеркнуть, что не проходят такие торжества и у неевреев без присутствия евреев как почетных гостей.

О дружбе евреев Кавказа с окружающими народами можно судить и по тому, что в большинстве своем взаимная выручка (материальная и другая) является нормой повседневной жизни между соседями и товарищами евреями и неевреями. Тем не менее трагедия в Баку настораживает: как бы подобные факты безнаказанности не побудили юдофобов, которые имеются везде, где есть евреи, к повторению подобных жестоких преступлений.

Род занятий

Занятия евреев Восточного Кавказа, как и сама их жизнь, были многообразны и зависели от места их проживания. Если евреи жили высоко в горах, где земледелие нерентабельно, то основой их хозяйства становилось разведение мелкого рогатого скота, поскольку на альпийских и субальпийских лугах такое скотоводство высокопродуктивно. Земледелием горские евреи занимались лишь для личных нужд, выращивая отдельные виды злаков (рожь, горох), считающиеся в горах наиболее урожайными культурами. Немалый доход приносила и охота на пушного зверя, которым богато Кавказское высокогорье.

Но в начале 19 века, спасаясь от грабежей и насильственной ассимиляции, евреи начали покидать высокогорные поселения и перебираться на плоскогорье Восточного Кавказа, сливаясь со своими братьями, жившими там. Вплоть до 30-х годов более 90 процентов населения Восточного Кавказа, в том числе и евреи, было занято в сельском хозяйстве.

К примеру, в Ханжал-Кале и Мамраче, где водные ресурсы практически неограничены, особое внимание уделялось выращиванию риса, садоводству, в меньшей степени — культивированию табака и злаков. Скотоводством и пчеловодством там занимались для удовлетворения собственных нужд.

В селениях Аглаби и Хошмаидзел, а также Нюдиг (Нюшгор) основой хозяйства было пчеловодство и хлебопашество, вспомогательными отраслями — садоводство, скотоводство и рыбная ловля. Кое-где занимались шелководством.

В поселениях Дербентской горнооборонительной системы, где водные ресурсы в изобилии, были развиты в основном хлебопашество, садоводство, сушка фруктов. Надлежащее внимание уделялось и молочному скотоводству. Все это относится и к другим еврейским поселениям, расположенным на плоскогорье Восточного Кавказа: Маджалису, Ньюдигу-второму, Бойнаку (ныне не сохранившемуся), Таркам, Тамирхан-Шуру и т.д.

Помимо этого, в каждой общине были также развиты охота на пушного зверя и ремесла. Работали в общине замечательные мастера – ювелиры, часовщики, кузнецы, портные, шапочники, плотники, каменщики, мукомолы и виноделы. Были в каждом населенном пункте свои купцы и лавочники. В некоторых общинах главным источником дохода была именно торговля. К примеру, у евреев Арага все хозяйство состояло из одной или двух коров и нескольких десятков кур. Но жили сельчане очень зажиточно за счет мелкой торговли, которую вели по лезгинским аулам.

Отдельные общины славились своими особыми специальностями. Например, в Кубе и Нуколе занимались ковроткачеством. Ковровые изделия из этих мест и поныне являются украшением многих международных выставок.

Работа кавказских ковроделов, в том числе и ковроделов-евреев.

В Нуколе, кроме этого, занимались еще и добычей соли, в подавляющем большинстве общин от Маджалиса до поселений Прикубанья, помимо всего, были специалисты, которые занимались выделкой кожи и пушнины.

Еврейские общины Азербайджана знали табаководство и хлопководство. В районах Дербента и Кубы, кроме того, выращивали корень марены (нугорес) –

важное сырье красильной промышленности. Правда, с появлением химических красителей эта отрасль начала угасать и после первой мировой войны исчезла окончательно. Уместно сказать, что даже советская власть, запрещавшая частное предпринимательство, поощряла эту деятельность евреев, выдавая им патенты на открытие частных красил. Дело в том, что секретом крашения шерстяной пряжи, предназначенной для ковров, владели только евреи.

Присоединение Кавказа к России открывало путь к новым рынкам сбыта. Если до этого купцы занимались в основном ввозом некоторых товаров, особенно продуктов промышленного производства и мануфактуры, да и то лишь из азиатских стран – Ирана, Турции, стран Ближнего Востока и Индии, а свою продукцию они вывозить не могли (исключение составляли соль, марена и некоторые изделия), то теперь они стали вывозить ковры, ювелирные изделия и т.д. в Россию, где во все этом ощущался большой недостаток. Это открывало широкие перспективы перед евреями, склонными к торговле. Появились сотни купцов и даже некоторые подрядчики сменили свои занятия на торговлю. Так, Меир бен Шмая, бывший подрядчик гужевого транспорта, стал одним из самых крупных купцов города Дербента. После смерти Меира дело возглавлял его сын Шмая.

Поскольку по сухопутным дорогам передвигаться было небезопасно (дорога проходила через чеченские аулы и казачьи станицы), основным видом транспорта становится водный. По Каспию и Волге купцы проложили трассы в Астрахань, Казань, Нижний Новгород и другие приволжские города, а оттуда уже добирались в глубь России. Есть сведения, что некоторые купцы (поодиночке и группами) даже приобретали собственные суда.

Если раньше евреи выращивали виноград только для своих нужд, давили вино, которое на Восточном Кавказе употребляли только они и армяне, варили душик (виноградную патоку) и сушили на изюм, то теперь появилась необходимость увеличивать виноградные плантации. В Дербенте появились еврей-помещики: Абрам Дадашев, Овадья бен Рахман, Манашир Ага, Реувен бен Пинхас и многие другие, возникали фамильные поместья: Ханукаевых, Семеновых и других.

Увеличивается объем выращиваемой марены, быстрыми темпами растет молочное производство. Развитие промышленности и сельского хозяйства и послужило основной причиной переселения евреев из аулов в города. Большая часть евреев горнооборонительной системы и Кайнахского округа переселилась в Дербент и Порт-Петровск (ныне город Махачкала).

В Дербенте евреи в первую очередь покупали виноградники или землю, на которой потом закладывали виноградники. Евреи теперь не только выращивали собственный виноград, но и закупали его у мусульман, которым религия запрещает вырубать и употреблять вино.

Уже в середине 19 века в Дербенте появились первые промышленные предприятия – два винных завода, принадлежавшие евреям Манаширу Аге и помещику Ханоху. На этих заводах из остатков сусла гнали также виноградный спирт, который шел на производство виноградной водки и коньяка.

Кроме того, еврейские купцы закупали другие продукты сельского хозяйства, главным образом сухофрукты, грецкие орехи и миндаль. Продавцами были мусульмане близлежащих аулов. Появилась и еще одна крупная отрасль – рыболовство. Правда, в районе и раньше занимались рыбной ловлей, но исключительно

для внутреннего рынка. К тому же рыбопромыслы принадлежали азербайджанцам. Теперь же возникали рыбные промыслы, где и хозяева, и рыбаки, и другие специалисты рыбного дела были евреи. Крупными промыслами владели помещик Овадя бен Рахман и миллионер Абрам Дадашев. По некоторым данным, в России становятся известны вина фирмы Ханукаевых (очевидно, розлив был организован там же).³⁵

С появлением железных дорог провоз грузов становится более удобным, и число купцов все увеличивается.

Еврейские купцы начали также распространять на Кавказе российские промышленные товары. Появилось множество лавочников и владельцев больших магазинов, которые реализуют привезенные купцами товары.

Порой контакты еврейских купцов и промышленников Кавказа устанавливались в самых верхах. В памяти современников сохранился рассказ о дружбе царя Николая Второго с братьями Ханукаевыми. Когда царь в 1913 году совершал поездку по Кавказу, он остановился в городе Темирхан-Шуре — центре Дагестана того времени. Оттуда срочной депешей Николай пригласил в Темирхан-Шуру Йосефа Ханукаева вместе с другими богачами и представителями власти. Йосеф до того спешил, что, приехав по царскому зову, загнал насмерть жеребца.

Мушвил Ханукаев с семьей.

Царь, рассказывают, долго ставил в пример другим этот поступок еврея. Царь Николай даже присвоил Йосефу бен Авшалому Ханукаеву имя "Галаган". Заметим, что Йосеф Ханукаев вложил немало средств в благоустройство Дербента, на свои деньги разровнял курган в верхней части города (место нынешнего колхозного рынка). Очевидно, это тоже послужило причиной милости царя.

Побывал царь со своей свитой и в самом Дербенте, где ему были преподнесены в дар здание реального училища и здание больницы, построенные в честь трехсотлетия дома Романовых акционерным обществом "Дадашев — Ахундов". После этого престиж евреев в глазах царя еще больше повысился.

В честь царя был дан великолепный банкет в доме азербайджанского миллионера Ахундова. Но после банкета царь объявил, что пойдет отдыхать только к Хануке бен Авшалому Ханукаеву (брату Йосефа), назвав того своим приятелем. Считается, что Николай Второй подчеркнул этим свое уважение не только к братьям Ханукаевым, но и вообще к евреям Дербента. А еще раньше третьего брата Ханукаевых, купца Манашира бен Авшалома, царь лично наградил медалью за снабжение армии продовольствием.

Связь с Россией настолько повлияла на жизнь кавказских евреев, что уже к началу первой мировой войны основными владельцами торговой сети Восточного

Кавказа были евреи. Для наглядности достаточно отметить, что в таком небольшом ауле, как Маджалис, где проживало всего 130—135 еврейских семей, жило около 20 купцов, половина которых была связана с Россией, и среди них — купец первой гильдии Юханан Юхананов.

Еврейские купцы селения Араг обеспечивали промышленными товарами почти весь Южный Дагестан.

Из 60 еврейских семей (немногим более 300 человек) селения Тарки почти все были купцами.

Одним из крупнейших купцов Восточного Кавказа был Мушаил Ханукаев, владевший серными рудниками возле Темирхан-Шуры некоторой частью акций порт-петровского морского порта.

В Дербенте, Темирхан-Шуре, Порт-Петровске, Грозном, Нальчике, Кубе и других городах жили десятки купцов, которые, по сути дела, составляли финансовую элиту не только своих общин, но и всей округи.

Немало евреев Восточного Кавказа овладели в России городскими ремеслами, они стали первоклассными портными, шапочниками, часовщиками.

Удивительным часовщиком был Дон бен р. Йосеф, вырастивший в Дербенте целую плеяду мастеров — евреев и неевреев.

Повсюду славилась еврейские ювелиры, их немало работало на Восточном Кавказе.

Женский серебряный пояс. Работа ювелира Мордехая-заргера, г. Грозный (примерно 1860 г.).

“Кудесниками” называли в народе портных Давида-дэрзи, Абрама-дэрзи, Захарью-дэрзи, Юшва-дэрзи по прозвищу “Амаку”. Все они скончались в глубокой старости после второй мировой войны. О Захарье-дэрзи говорили, что он со своими ножницами и иглами прошел почти всю Европу, побывал в Париже, Варшаве и других городах, прежде чем вернулся в родной Дербент.

Недолго наслаждались евреи своими успехами. Если первая мировая война почти не повлияла на установившийся уклад еврейской жизни, то революция и гражданская война пошатнули его, а советская власть окончательно все перевернула.

Советская власть установилась на Восточном Кавказе в 1921 году, и с этого времени начались национализация и репрессии, которые не только разоряли и уничтожали крупные хозяйства, но и вредили бедным крестьянам, доход которых зависел от работы у богатей.

Видя катастрофическое положение, в которое попала страна из-за разорения

богатых хозяйств, и учитывая способность евреев к работе в сельском хозяйстве, в 1924 году в городах, где были скопления сельских евреев, бежавших с насиженных мест, создаются "комитеты (бюро) по возвращению беженцев-евреев в свои поселения".³⁶ Каждому взрослому мужчине-возвращенцу от 16 лет и старше давали единовременное безвозмездное пособие в 300 рублей. В то время это было крупной суммой. Если учесть, что взрослых мужчин в каждой еврейской семье насчитывалось по три-четыре и более, то понятно, насколько соблазнительной была приманка! (Для наглядности: на 300 рублей можно было приобрести дойную буйволицу или две коровы, пару гужевых буйволов или четырех быков, зерно для посева и весь необходимый хозяйственный инвентарь.)

Многие евреи возвращались в свои "гнезда". Но несколько лет спустя (в конце 20-х — начале 30-х годов) они снова покинули села и переселились в города, так как разруха и голод по-прежнему царили вокруг. Дело усугублялось тем, что поощряемая советской властью беднота самовольно занимала крупные помещичьи хозяйства, но управлять такими хозяйствами не умела. В результате цветущие хозяйства Абрама Дадашева, Овады Рахмана, Манашира Аги, Ханоха Аги и других помещиков пришли в полный упадок.

Группа организаторов рыбокооперативов в Дербенте (слева направо): Монвах Шальмиев, Иосиф Мишиев, Ирид Пейсахов. Сидит — Ханукаев Ильясаф, который перед второй мировой войной был городским судьей в Дербенте.

В такой ситуации средние хозяйства (обычно такие хозяйства были у людей, занимавшихся торговлей) оказались в неопределенном положении. Чувствовалось, что их тоже постигнет печальная участь, и это только вопрос времени. Поэтому их хозяева перестали уделять должное внимание своей земле, тем более, что нэп дал им возможность заняться торговлей. Правда, крупных сделок они уже совершать не могли, но даже мелкая торговля их устраивала. В результате несколько послереволюционных лет стали годами спада в еврейском хозяйстве.

Положение евреев усугублялось еще и тем, что в городские общины прибывало все больше и больше сельских евреев. Люди, натерпевшиеся от лезгин, кумыков, чечен, ингушей, не веря посулам советской власти, целыми группами покидали свои хозяйства и устремлялись в города. Они считали необходимым быть вместе. А в городах не хватало работы. В Баку и некоторых других крупных городах Северного Кавказа, где была развита промышленность, проблема стояла не столь остро,

но в других местах безработица и голод давали себя знать.

В Дербенте в тот период основной реальной точкой для приложения рабочей

силы было море. Группа бывших красных партизан-красногвардейцев – Хиз Хизгияев, Манувах Шальмиев, Сави Рабаев, Абайи Рабаев, Мишиев и другие – во второй половине 20-х годов организовала на базе заброшенных национализированных промыслов еврейский рыболовецкий кооператив, включавший в себя несколько хозрасчетных рыбопромыслов. Через несколько лет этот кооператив из чисто еврейского был превращен в общенациональный.

Одним из тех, кто посвятил всю свою жизнь рыбным промыслам, был ныне покойный Илизир Илизов (Кэлэбэз). Много лет заведовал промыслом Истахар Истахаров, ныне пенсионер.

Позднее наступил новый этап всенародной трагедии: был отменен нэп, и на карандаш ГПУ попали в первую очередь те, кто, воспользовавшись нэпом, продолжал свое дело. "Кулаки, нэпманы – классовые враги!" Лозунг этот подразумевал и всех середняков и зажиточных крестьян.

Несмотря на то, что в России коллективизация сельского хозяйства была завершена еще в начале 30-х годов, на Восточном Кавказе она продолжалась до 37-го года. И даже после этого, в 1938 году, в личном владении находилась земельная собственность до четверти – половины гектара.

У тех, кто еще не сдал свое хозяйство (сады, транспорт, скот, инвентарь и даже дома), имущество отбирали и отдавали в пользование сельхозартели. Многие, пытаясь избежать преследований властей, добровольно отдавали все свое хозяйство, а сами становились членами артели. Некоторые, лишённые гражданских прав (даже рядовые крестьяне), не имели права работать на собственном поле.

В конце 30-х годов на Восточном Кавказе у евреев не осталось частной собственности, за исключением небольших домов. Зато в горах местное население (неевреи) имело целые отары овец, насчитывающие по 500, а то и 1000 голов.

На базе отнятых у евреев хозяйств в одном только Дербенте было организовано 16 – 17 мелких сельскохозяйственных артелей. Потом эти артели были объединены, образовав семь колхозов. Во время второй мировой войны эти колхозы из-за отсутствия рабочей силы (все мужчины были мобилизованы на фронт) и безграмотного руководства разорились. Часть колхозов была тогда реорганизована в совхозы.

В городе Кубе после конфискации в процессе раскуличивания еврейских хозяйств была организована лишь одна еврейская сельхозартель, впоследствии тоже названная колхозом. А ведь на средства, отобранные у евреев этого города, можно было организовать 4 – 5 богатейших колхозов! В 60-е годы и этот колхоз стал государственной собственностью – совхозом.

После коллективизации евреи Кубы жили в основном за счет приусадебного хозяйства, так как колхоз даже прожиточного минимума своим членам не обеспечивал. Переход на совхозные рельсы еще больше усугубил положение, так как заработки в совхозах по сравнению с колхозными очень низки.

После войны, когда люди возвратились с фронта, дербентские колхозы снова были объединены. В Дербенте осталось 4 колхоза, из них 3 – еврейские: имени Ленина, имени Сталина и имени Кагановича. Перед колхозниками стояла сложная задача: в короткий срок восстановить хозяйство. В первый же год учреждения в СССР звания Героя социалистического труда оно было присвоено и семи колхозникам Дербента, шестеро из которых были евреями: Евдо Авшалумов, Шелмю

Рабаев, Авшолом Рабаев — колхоз имени Сталина, Гюлбаар Давидова, Мамри Исаев, Мордехай Исаев — колхоз имени Кагановича. Десятки других были награждены орденами и медалями.

Герои социалистического труда (слева направо) : 1 — Авшоломов Евдо; 3 — Рабаев Авшолом, 4 — (имени не знаем) ; 7 — Исаев Мордехай и 9 — Исаев Мамри. (Члены делегации на дербентской опытно-зональной станции, 1955 г.)

С приходом к власти Хрущева на колхозы и колхозников были наложены ограничения по доходам и частной собственности. Понятно, что заинтересованность колхозников в высокой производительности труда упала, и колхозы из высокорентабельных хозяйств превратились в хозяйства нерентабельные. И евреи, в особенности молодежь, постепенно перестали работать в сельском хозяйстве и перешли в промышленность.

В настоящее время в сельском хозяйстве (в совхозах) работают евреи, имеющие специальности виноделов, агрономов, ветеринаров, зоотехников, то есть по специальностям используемым только в сельском хозяйстве, а евреи, чьи отцы и деды были искусными земледельцами, сегодня трудятся в качестве токарей, слесарей, фрезеровщиков, прессовщиков, кузнецов, плановиков-экономистов и инженеров промышленного производства на различных промышленных предприятиях. Нет на Восточном Кавказе такой отрасли промышленности, где бы не работали евреи.

На примере Дербента, где в 1973 году из 80 тысяч населения 25 тысяч составляли евреи, можно привести следующие данные: в сфере медицины работало 28 врачей-евреев и 87 специалистов со средним образованием; в сфере промыш-

ленности и строительства – более 30 инженеров и более 200 техников; в сфере пищевой и винодельческой промышленности – более 30 инженеров-технологов и виноделов; в сфере культуры и образования – более 40 преподавателей старших классов. В сфере обслуживания и торговли работало 150 евреев.¹⁷

Таким образом, если учесть, что из общего числа в 25 тысяч примерно 70 процентов, то есть 18 тысяч, составляют дети, школьники, солдаты срочной службы, а также люди пенсионного возраста, то с уверенностью можно сказать, что в 1973 году специалисты с высшим образованием составляли 2,9 процента от взрослого еврейского населения Дербента, а лица со средним техническим образованием – 5,5 процента (в это число входят и те дербентские евреи, которых по окончании институтов принудительно присылали на работу в области и районы, далекие от Дербента).

Таким образом, несложно установить, что вопреки утверждениям юдофобов о том, что евреи неспособны к физическому труду, они в большинстве были заняты в Дербенте именно на этих видах работ. Аналогичная цифра для всего Восточного Кавказа составляет приблизительно 84,5 процента от работоспособной части населения.

Полагаем, что такое положение сохраняется и сейчас.

Таты¹⁸

Говоря об истории евреев Восточного Кавказа, нельзя обойти вопрос о татах, так как евреев Кавказа нередко называют "татскими евреями" или просто "татами".

В настоящее время таты подразделяются на мусульман и христиан. Мусульмане живут в Северном и Восточном Азербайджане (в основном, на Ашшеронском полуострове) и в Дагестане, в селениях Дербентской горнооборонительной системы. Христиане живут в двух селениях Азербайджана.

В 1939 году, после того, как в СССР слово "тат" стало оскорблением¹⁹, декретом советской власти таты-мусульмане стали называться азербайджанцами, а таты-христиане – армянами.

Что касается евреев, то все их учебники, раньше называвшиеся татскими, в том же году стали переиздаваться уже под названием "горско-еврейских".

Много лет спустя, вследствие того, что пресловутая процентная норма на Восточном Кавказе ограничила прием евреев в высшие учебные заведения, доведя его до минимума (0,2 процента от общего числа абитуриентов), многие молодые люди с 60-х годов (а некоторые еще раньше) при получении паспорта начали записываться татами, что облегчало им поступление в вузы. Вскоре на Кавказе "секрет" был раскрыт, и новоявленным "татам" пришлось ориентироваться на вузы центральных городов Советского Союза.

Что же касается самой записи евреев как татов, то это делалось с одобрения органов, занимающихся выдачей паспортов. Более того, при получении еврейским юношей или девушек паспорта их уговаривали записываться татами или кем угодно, только не евреями; это был самый легкий и удобный прием ассимиляторской политики Советского Союза по отношению к евреям.

Перепись 1970 года утверждает, что число "татов" в Дагестане – 14 тысяч

человек. Естественно, все они евреи. (Очевидно, недалек тот день, когда и нынешних "татов" заставят записаться азербайджанцами или армянами. Все средства ассимиляции евреев хороши. Такая политика дает себя знать и в науке: появляются казенные ученые-евреи, подтверждающие, что горские евреи – это не евреи, а именно таты, исповедующие иудейскую религию).

Вопреки этому бреду, напомним о еврейских общинах, по тем или иным причинам (обычно насильственно) принявших ислам, но сохранивших даже Тору Моше Рабейну как самую дорогую религию и символ своего происхождения в надежде, что их потомки вернуться в лоно религии отцов. И даже эти люди, внешне исповедующие иную религию, являются евреями по крови.

Язык

Евреи Восточного Кавказа, или горские евреи⁴⁰, до недавнего времени имели практически два родных языка. Первый из них – это древнееврейский (лашон акодеш), который являлся основным языком общения евреев. Но с приходом русских на Кавказ он постепенно отходит на задний план и сохраняется лишь как язык молитв и в узких кругах как язык письма вплоть до 30-х годов нашего века.

Второй язык, которым пользовались евреи Восточного Кавказа – это современный еврейский язык так называемых горских евреев. В народе он называется – зухун жухури (жухуддин жал – на лезгинском языке, жухуд дили – по-азербайджански и т.д.).⁴¹ Этот язык, который евреи Восточного Кавказа создали для себя, состоит из элементов различных языков, главным образом, иранского, турецкого, древнееврейского, и даже арабского. С завоеванием Кавказа русскими в зухун жухури проникают и элементы русского языка, которых после перехода еврейских школ на русский язык (50-е годы) становится все больше.

Определение этого языка как "татского" или "еврейско-татского" ошибочно.

Мы не беремся судить о сходстве еврейского и татского языков в далеком прошлом, но утверждаем, что современный еврейский язык на Кавказе настолько далек от татского, что говорящие на этих языках не понимают друг друга и на 40–50 процентов.

Вот как характеризует этот язык Еврейская энциклопедия (1908 – 1915) на основе исследований Всеволода Миллера: "Язык горских евреев представляет иранское наречие, произносимое семитическими голосовыми органами и построенное отчасти в фонетическом, морфологическом и синтаксическом отношении на турецкий лад... Основной элемент еврейско-татского языка – иранский как в фонетическом, так и в морфологическом отношении. Этот коренной фактор подвергся значительным изменениям под влиянием семитического и тюркского элементов. Семитическое влияние сказывается не только в наличии семитических слов, но часто проникает в чисто иранские слова. С другой стороны, тюркское влияние отразилось не только на звуках, но проникло и в словообразование и синтаксис. В вокализме еврейско-татского языка имеется значительно большее число гласных, чем во многих других новоиранских языках. Консонантизм его, кроме иранских звуков, еще включает семитические звуки, причем последние оказывают сильное влияние на явления вокализма, который подвергся сверх

того закону соотношения гласных, свойственному некоторым тюркским языкам...”

Следует подчеркнуть, что в татском языке нет семитских (древнееврейских) слов. Более того, семитический вокализм и консонантизм совершенно отсутствуют в татском диалекте, не говоря уже о семитском словообразовании, тогда как именно это является одним из главных признаков современного языка евреев Восточного Кавказа.

Для характеристики построения речи языка евреев Восточного Кавказа может служить дословный перевод на этот язык ивритского выражения *ירושלים של זהב* (Ерушалаим шель загав) – *Ерушалаим эн сюрхи*. Перевод – “Иерусалим золотой”, а не “Иерусалим, принадлежащий золоту”, как при дословном переводе на русский. Или же выражение *לב שמע* (сим лев) – *дьял взни*, которое переводится “обрати внимание”, а не как буквально – “положи сердце”.

Следует отметить, что с иврита на этот язык все или почти все переводится с такой же точностью, как в вышеприведенных примерах.

Немаловажно, что в этом языке есть звук *л* (гей), произносимый, как латинское “Н”, который, как и в иврите, используется в качестве артикля.

Например: *гъазман гъони*⁴² – (в) настоящее время; *гъабайт гъэхуне* – этот (самый) дом; *гъадерех гъэзрах* – эта (самая) дорога; *гъархов гъэзукче* – эта (самая) улица и т.д.

Евреи Восточного Кавказа, создавая для себя на чужбине язык, брали слова не только из турецкого и иранского (фарси), но и из древнееврейского, изменяя их строение и звучание, а в некоторых случаях даже смысл.

Например: *даамлю* – вкусный происходит от ивритского *таим*, *тэмбэл* – отрицательное лицо (лентяй) от – *тэмбэль* – глупый, *гюбри* – важный человек от *гибор* – герой, *шадар* – документ от *штар* (вексель) и т.д.

Примеров, подтверждающих самостоятельность этого языка, можно привести много. Но, по нашему мнению, и приведенных фактов достаточно, чтобы доказать его независимость от языка татов. Поэтому перейдем к рассмотрению других аспектов.

Известно, что этот язык был впервые назван татским не нашими современниками. Впервые его так назвал в 1869 году р. Яков (Янкил) Ицхакович в статье “Об исследовании татского языка”, опубликованной газетой “Гамагид”. Задача статьи – опровергнуть мнение, что евреи в галуте создают себе новый язык. Ортодоксальные евреи, одним из которых был, благословенна память его, р. Яков, не хотели признать, что евреи в галуте создали для себя другой язык. Потом в какой-то степени утверждения р. Якова подтвердил И. Ш. Анисимов в статье “Кавказские еврей-горцы” (1888), позже оно было повторено БРЭ (1901) и другими русскими энциклопедиями.

Мы уже говорили, что евреи Восточного Кавказа в свое время владели двумя языками: древнееврейским и современным. Оба для них были родными. Но произошло так, что вскоре после захвата Кавказа русскими народ в своей массе забыл древнееврейский язык. В начале 20-го века простолудины, очевидно, не понимали даже слова молитв, и поэтому остро встал вопрос о переводе молитвенника (сидура) на язык галута. Переводчик Асаф Пинхасов и его сподвижники тоже повторили классическую ошибку, назвав этот язык татским. Более того, они называли этот язык “половинчатым” и “неправильным”. Они также доказы-

вали, что евреи, разговаривая на этом языке, не понимают друг друга...

Вот как начинается предисловие к молитвеннику.⁴³

Предисловие к переводу молитвенника (сидура)

Начиная переводить сидур на татский язык, я хорошо понимаю, насколько это сложно и трудно. Во-первых, слова языка наших кавказских евреев, которые мы переняли для разговорной речи на земле галута у татов-мусульман, не только не произносятся правильно, но, кроме того, в этом языке попросту недостаточно слов. Мы же, евреи, не знаем их и наполовину. Каким должен быть язык, который является половинчатым? Многие же и из этой половины выучили только половину!

Конечно, большая боль для нас всех, для народа Израиля, — знать, что за долгое время нашего галута, за время, проведенное среди многих притеснителей, оторвавшись от своего быта, от своей земли — Сиона, — забыли мы наш дорогой язык — лашон акодеш. Мы научились языку других народов, чтобы использовать его как для речи, так и для письма. Но мы, евреи Кавказа, обучились и этому половинчатому языку наполовину. Евреи Дербента не понимают многих слов евреев Грозного, грозненские евреи не понимают кубинских, кубинские — остальных...

Становится очевидным, насколько трудно перевести с чистого, правильного языка лашон акодеш, в котором есть каждое слово, на половинчатый язык — татский. Кроме того, не все мы понимаем этот язык.

Необходимо писать так, чтобы он подходил всем: евреям и Дагестана, и Кубы, и Ширвана. Осложняет задачу то, что на этом языке ничего не написано, то есть мы лишены примеров.

Я все же взял на себя этот труд по совету уважаемых людей, которые стараются для бедного своего народа, — Мататьегу Богатырева и Шломо Мордехая, взявших на себя все расходы, хотя заранее знали, что и половины его не окупят. Но мы видим жалкий народ евреев Кавказа, который не знает, о чем молится, тогда как все должны знать, о чем они говорят в молитве. Поэтому я и принял на себя эту обязанность, веря в то, что работа все же удастся и будут удовлетворены те, кто возложил на меня эту обязанность.

Скорее всего, в моем переводе молитвенника имеются недостатки, поэтому следует держать этот перевод только в сердце. Верю в то, что все те, кто будет пользоваться молитвенником, простят мне его недостатки.

Я обязан сообщить, что если даже молитвенник переведен хорошо, то и тогда молитву следует читать на лашон акодеш, ибо читать молитву на языке перевода не следует.

Верю в то, что наш Бог, которому мы молимся, не забудет нас, выполнит большое желание тысячелетия ждавших его. Тогда не будет необходимости в переводе с нашего языка на другие языки, тогда все мы будем говорить и писать на том языке, на котором говорили и писали наши деды и наши пророки, на своем языке по своему желанию. Амен. וְיָמֵינוּ.

Дербент, 15 дня месяца тамуз 1908 года.

Письмо Дербентского общественного раввина

МВД

Дербентский общественный раввин

Июня 11 дня 1908 г. гор. Дербент, Даг. обл.

Дорогой друг р. Асаф!

Молитвы, переведенные на наш язык, я смотрел (проверил).

Большое умение ты показал, и кто будет читать – поймет хорошо... Наши евреи – не только каждой губернии, области, но и каждого города, имеют свой собственный говор, но ты выбрал себе среднюю дорогу – разорванные клочки соединил вместе. Верится, что этот молитвенник окажет большую помощь тем, кто не понимает лашон акадеш. Ведь человек должен понимать, что произносит в молитве. Бог пусть будет удовлетворен тобою и нашими господами Мататьегу Богатыревым и Шломо Мордехаевым, которые наставили тебя на такой путь и оплатили расходы из своего кармана. Чтобы в честь этой мицвы поднялись бы на Сион – землю отцов, и пусть тогда мы не будем нуждаться в подобных переводах.

Элиягу Анави

Дербент, 21 тамуза 1908 года

* * *

(Сионистская организация горских евреев на Кавказе)

Дербент, 24 тамуза 1908 года

Много хорошего сделали для наших братьев господин Мататьегу Богатырев и господин Шломо Мордехаев.

Ваше желание перевести молитвенник на этот татский язык очень похвально, и я очень обрадовался. Даже люди богаче вас не сделали подобного для своего народа. Вы первые, которые держите свечу, освещаете путь вашим жалким братьям, говорящим на языке галута – языке татов... Труд этот понятен: ведь на нашем языке, если у человека появится желание высказать свое мнение, он часто не находит слов.

Если даже наши великие раввины найдут в вашем переводе ошибки, то они простят вас, потому что на этом языке до сих пор не написана ни одна книга.

Мы, ваши братья, хорошо знающие вас, просим от Господа вселенного, чтобы он еще больше увеличил ваше богатство с благословения Сиона и Иерусалима для того, чтобы еще больше помочь своему народу. Благословляем вас, достопочтенные братья наши, от имени Союза сионистов горских евреев.

Асаф Агарунов

Мы не собираемся вникать в то, насколько эти достопочтенные люди владели данным языком, называя его половинчатым. Но согласны, что евреи не приняли даже половины татского языка. Что касается "взаимонепонимания" евреев из

разных мест Кавказа, то следует предполагать, что тот период является временем коренного перехода с древнееврейского языка на язык галута, и естественно, что евреи, жившие в разных районах Кавказа, смешивали этот язык с языком окружавшего их народа. Возвращаясь к этому вопросу, следует добавить, что сам Восточный Кавказ настолько многоязычен (более 30-ти языков), что вполне естественно замечание о непонимании друг друга людей из разных мест на стадии коренного перехода с одного языка на другой язык. Что касается языка последних десятилетий, то он подразделяется на три лексические группы: кубинскую, дербентскую и кайтахскую⁴⁴ (как, скажем, русский язык подразделяется на различные диалекты).

Исторически более точен кубинский говор, но в силу того, что дербентский говор и лексика имеют промежуточный характер, то именно он лежит в основе литературного языка. Например, слово "сказать" кубинцы и дербентцы произносят *сүфдирэ*, кайтахцы — *сүрэ*. Или же: на кубинском диалекте слово "потом" произносится как *багда*, а на дербентском и кайтахском говоре оно произносится *песдэ*. Но следует подчеркнуть, что в разговоре все евреи Восточного Кавказа отлично понимают друг друга.

С уверенностью можно сказать, что язык этот является самостоятельным. Здесь к тому же следует добавить, что евреи восприняли его, еще находясь в Мидии (Иране), от местного населения, и в нем по сей день содержится почти 50 процентов слов из фарси, то есть столько, сколько освоили они первоначально, и лишь поэтому он входит в группу новоиранских языков.

Отметим, что в апреле 1929 года в Баку была проведена горско-еврейская алфавитная конференция, которая фактически занималась не только проблемами алфавита, но и вопросами фонетики и в меньшей степени морфологией языка.⁴⁵

На наш взгляд, тот факт, что конференция названа не татско-алфавитной, а горско-еврейско-алфавитной, говорит о том, что авторитетный научный форум фактически признал этот язык языком горских евреев, а не татским языком.

Несколько слов о качественных показателях этого языка. Мы уже говорили, что часто его называли "несовершенным", "половинчатым", "неправильным", "испорченным" и т. д. Подобные оценки являются ошибочными. Язык евреев Восточного Кавказа колоритен в звучании и не уступает по этим критериям ни одному из языков не только своей группы, но и всем другим восточным языкам. Благо словарный запас языка достаточно велик, гибок, слова способны к многозначности.

Приведем несколько примеров возможностей языка: *нэм* (*нэми*) — сырость, *тар* (*тарюши*) — мокро, *нормэворуш* — морось, *воруш* — дождь, *тэгэрт* — ливень, *дурфу* — потоп, *сэйлов* — наводнение; *малад* — грязь, *лихмэ* — густая (глубокая грязь), *ноур* — болото; *шохвор* — ветерок, *кулок* (*ворвори*) — ветер, *зюбэ* — ураган; *журкум* — искра, *аташ* — огонь, *злов* — пламя;⁴⁶ *торик* (*и*) — темно, *зулмати* — абсолютная темнота (мрак); *корсох* — производитель работ (рабочий), *жюфокэш* — производитель труда (трудящийся), *зэхмэткэш* — производящий труд (из последних сил); *ховир* (*хармэх*) — товарищ, *дусд* — друг, *азиз* — дорогой, любимый, *хэсюлэт* (*ватан*) — родина; *чой* — река, *нюкезрэ* — озеро, *дэриех* — море.

Список этот можно продолжить до бесконечности, ибо, как мы уже сказали, в языке имеется столько слов, сколько необходимо для выражения практически

любого понятия и оттенка.

Следует отметить, что это состояние языка настоящего времени. Повторяем, что судить о первоначальном и переходном периоде языка мы не можем. Ибо все написанное евреями Восточного Кавказа до начала нашего века и дошедшее до нас, было написано на древнееврейском языке — лашон акодеш, а не на языке галута.

В своем предисловии к молитвеннику Асаф Пинхасов сказал: "...мы и половину этого языка не знаем". А Асаф Агарунов говорит: "...если у человека появится желание высказать свое мнение, то он часто (на этом языке) не находит слов". Мы же, признавая их утверждения, хотим подчеркнуть, что за период, прошедший со времени печатания перевода молитвенника (1908 г.), язык этот настолько изменился (усовершенствовался), что количество фарсидских слов не превышает 50 процентов.

К нашему глубокому сожалению, евреи Восточного Кавказа постепенно забывают свой язык, повсеместно переходя на язык "старшего брата", т. е. русский. Если среднее поколение еще пользуется своим языком, то все больше и больше молодых людей совершенно его не знает.

Поскольку до сравнительно недавнего времени буквы древнееврейского алфавита считались священными, евреи Восточного Кавказа использовали для письма *хат багдади* — так называемое багдадское написание или "Раши". В начале века были открыты еврейские светские школы, в них начали пользоваться древнееврейским алфавитом, но с применением нескольких диакритических знаков. Этот алфавит действовал до 1929 года.⁴⁷

В 1929 — 30 гг. с усилением антирелигиозных тенденций древнееврейский алфавит был заменен латинским. Однако и этой письменности тоже недолго суждено было существовать. Ровно через 10 лет, в 1939 году, Советы начали проводить в жизнь программу русификации, и евреям Восточного Кавказа пришлось перейти на русский алфавит, дополненный пятью специфическими знаками, построенными на основе двух букв: хъ — п, гъ — р, гӀ — у, гь — п, уь.⁴⁸

Этот алфавит лежит в основе письменности евреев Восточного Кавказа и в настоящее время.

Добавим, что "Большая советская энциклопедия" (1970 г.) по этому вопросу говорит следующее: "Т. язык относится к ю/з иранским языкам. Число говорящих на татском языке около 11 тыс. человек". Уже на основании этого, не вдаваясь в какие-либо другие подробности, можно утверждать, что язык евреев Восточного Кавказа (более 125 тысяч человек) не является татским языком.

Образование

С начала нынешнего века образование у евреев Восточного Кавказа стало подразделяться на две категории: религиозное и светское. Религиозное образование, в свою очередь, делилось на три раздела. К первому относилось чтение и перевод Пятикнижия — Торы, а также владение повседневными молитвами на древнееврейском языке. Изучение этого раздела было обязательным для всех мужчин-евреев, и до 30-х годов практически на Восточном Кавказе не было еврея, который не владел бы этими знаниями.⁴⁹

Ко второму разделу, который начинали изучать после первого, относилось

изучение "Пророков" и "Мишны".

Третий раздел включал в себя полное изучение "Талмуда" и подразумевал свободное владение древнееврейским языком. Кроме того, желающие получить раввинское звание изучали все обряды богослужения, правила забоя и обработки животных и птиц, учились делать обрезание — брит-мила.

По окончании всех этих курсов проводился сложный экзамен. На экзамене обычно присутствовали раввины из нескольких общин — свои и приглашенные. Если Совет знатоков признавал экзаменуемого достойным звания раввина, ему вручался раввинский диплом (достур). Такой раввин имел право и на преподавание первого раздела. Преподаватели второго и третьего разделов получали талмудическое образование в ешиботах Ближнего Востока (большей частью в Багдаде).

Но было немало и таких, которые по материальным или другим причинам не могли уезжать так далеко и получали талмудическое образование в ешиботах Кубы, где преподавали высокообразованные талмудисты¹⁰, среди которых были: р. Гюршум, р. Ицхак, р. Яков и другие прославленные знатоки Талмуда.

После присоединения Кавказа к России и особенно после появления железной дороги, соединившей Восточный Кавказ с центром русского государства, центрами усовершенствования талмудического образования стали города Восточной Европы и Прибалтики (Вильно, Львов, Белая Церковь, Варшава и другие). Одним из последних раввинов, получивших образование в Вильно, был р. Манаши, скончавшийся в 1971 году в Махачкале.

В настоящее время раввины Восточного Кавказа обучаются в Московском духовном училище, если, разумеется, получают соответствующее разрешение от властей. Одним из выпускников этого училища был р. Рамбам бен р. Шоул. Раби Рамбам скончался в 1977 году в Дербенте.

Добавим, что ученики, получившие религиозное образование в хедере, обучались еще "написанию Раши" или "курсиву" (хэт багдади), который использовался как для чтения пояснений к Торе, так и для использования в обиходе.

Что касается светского образования, то следует отметить, что до первого десятилетия 20 века у евреев Восточного Кавказа оно не было особенно популярным. Правда, и тогда среди них были светски образованные люди, но очень и очень мало. Можно назвать лишь несколько имен: Егуда Анисимов, труды которого вошли в еврейскую энциклопедию на русском языке, выпущенную в 1908 — 1915 гг.; доктор Аарон Бенъямини, который, кроме медицины, занимался еще и историей (доктор Бенъямини перед первой мировой войной репатрировался в Эрец-Исраэль; с его именем связаны многие замечательные начинания халуцианского движения); Асаф Пинхасов, переведший брошюру Сапира и молитвенник (сидур); р. Яков Ицхаки и три его сына; Элиягу бен Шломо Ханукаев — член Государственной Думы; адвокат Исраэль Семенов; Сусанна Эльягуевна Пинхасова (Ханукаева) — преподавательница русского языка реальной школы города Дербента; Мататьягу Богатырев; Шломо Мордахаев и некоторые другие. В общей сложности в те времена число людей со светским образованием среди евреев не достигало даже одного процента.¹¹

В конце 19 века прогрессивно настроенные талмудисты Дербента поняли необходимость создания еврейской светской школы. Однако они встретили упорное сопротивление группы ортодоксальных раввинов, возглавляемой главным

раввином общины р. Яковом Ицхаки. Ортодоксы объясняли свое сопротивление тем, что изучение светских наук может увести молодежь от веры отцов.

Группа организаторов и преподавателей светской школы в Дербенте. Слева направо: (стоят) 1 — р. Ифраим бен р. Реувен Раввинович; 2 — р. Мордехай (фамилию установить не удалось); 3 — инспектор, приехавший из Вильно; 4 — р. Даниэль бен Гилад; 5 — р. Нагдиму бен Шуми; (сидят) 1 — Исраэль бен Натан Семенов; 2 — Асаф Агарунов; 3 — р. Яшая бен р. Реувен Раввинович; 4 — р. Мордехай бен р. Ханука Рабиханукаев. (Фото начала века).

Прогрессисты же доказывали, что евреи должны идти в ногу со временем, не отставая от других. Они убеждали, что наша вера — от Бога, и что если молодые люди не останутся невеждами, то они еще крепче будут привязаны к религии.

Таким образом, верхушка общины как бы разделилась на два лагеря.⁵² После долгой и упорной борьбы победу одержали прогрессисты.

Раби Яшая бен р. Реувен вместе с адвокатом Исраэлем бен Натаном организовали группу энтузиастов, в которую вошли р. Ифраим бен Реувен (родной брат р. Яшая, с 1907 года — главный раввин г. Баку), р. Мордахай (умер в молодости), р. Даниэль бен Гилад (первый преподаватель грамматики — дикдука), р. Нагдиму бен Шуми (первый преподаватель истории и Танаха), Асаф Агарунов (председатель сионистской организации, расстрелян в 1930 году) и р. Мордахай бен р. Ханука. Эта группа сумела также привлечь на свою сторону инспектора, приехавшего из Вильно проверять работу Дербентского ешибота. К сожалению, наши поиски не помогли установить имя этого человека.

После упорных требований и неоднократных поездок в Темирхан-Шуру к губернатору Дагестана и в Тбилиси к наместнику Кавказа р. Яшая и адвокат Исраэль Семенов добились официального разрешения на открытие еврейской светской школы в городе Дербенте. По свидетельству Юханана Семенова, сына адвоката

Исразля Семенова, средства на открытие и первоначальное содержание школы были выхлопчены ешиботом Вильны и тем же вышеупомянутым инспектором у министерства просвещения Российской империи.

В 1901 году в Дербенте была открыта первая на Восточном Кавказе еврейская светская школа.⁵³ Первоначально школа помещалась в здании похоронного общества (хевра кадиша).

По примеру Дербента подобные школы начали появляться и в еврейских общинах других городов — Нальчика, Баку, Кубы и больших еврейских поселений. Впоследствии эти школы стали очагами сионистского движения на Восточном Кавказе и сыграли значительную роль в формировании современной еврейской культуры. В начале века, как мы упоминали, у евреев Восточного Кавказа почти не было интеллигенции, но уже к 10—12 годам нашего столетия среди них появились свои инженеры, технологи, пищевики, врачи и высокообразованные преподаватели гуманитарных наук. Немногим позже появились образованные женщины — преподавательницы русских школ. Конечно, трудно было освободиться от вековых предрассудков. Но такие высокоинтеллектуальные люди, как Элиягу Ханукаев, послали в светские школы своих дочерей, открыв тем самым путь для дальнейшего раскрепощения женщины-еврейки.

К первой плеяде интеллигентов, вошедших в жизнь через еврейские светские школы, относятся братья Ханукаевы, инженер Инун, доктор Пинхас, профессор химии Михаил Абрамов, инженер-геолог Хананья бен Евдо, преподавательница русского языка Хавацелет Эльягуева и многие другие. Чуть позже получили образование в этих школах Натан Семенов (инженер с двумя дипломами — текстильщика и экономиста), Юханан Семенов — инженер-химик, Меир бен Егуда — главный врач санатория "Эрекли" в Крыму (погиб во время войны в фашистской неволе), Эмануел Рабаев — инженер-химик и многие другие.

Постепенно выпускников этих школ становилось все больше. Ныне многие из них стали знамениты: главврач Курганской ортопедической больницы, основоположник нового метода лечения костных заболеваний (выправления и наращивания костей без хирургического вмешательства) профессор Гавриил Абрамович Илазаров, Герой Советского Союза Шатиль Абрамов, профессор нефтяного института г. Грозного доктор исторических наук Ихтилов Михаил и многие другие.

В целом же почти сто процентов еврейской интеллигенции довоенных лет на Восточном Кавказе прошли через эти школы, заложенные кропотливым трудом р. Яшая и его сподвижников. Роль этих школ без преувеличения оказалась поистине огромной.

Печать

О значении еврейских светских школ можно судить еще и по тому, что издание печатной продукции на еврейском языке началось именно после их открытия и в прямой связи с этим. Более того, письменность евреев Восточного Кавказа упорядочена благодаря этим школам.⁵⁴

Первой печатной продукцией стали учебники для этих школ. Потом появилась брошюра Сапира в переводе А. Пинхасова, посвященная национальному фонду, а в 1909 году вышел из печати перевод молитвенника.

Однако по-настоящему активизировалась издательская деятельность на этом языке с 20-х годов, когда появились профессиональные литераторы.

Отметим, что советская власть с первых дней старательно подчеркивала свою заинтересованность в том, чтобы коренное население Дагестана и других районов Восточного Кавказа имело возможность развивать национальную самобытную культуру. Одним из весьма показательных мероприятий в этой области было разрешение на издание периодических и других изданий на языках этих народов.

В середине 1928 года в Дербенте начала выходить еженедельная газета на языке евреев Восточного Кавказа, как на одном из языков коренных народностей Дагестана, под названием "Захметкэш" ("Трулящийся").⁵⁵ Это была единственная газета на еврейском языке в Дагестане (причем – еженедельная, а не ежедневная. А в то же время в каждом районном центре Дагестана выходили ежедневные газеты на языках проживающих там национальностей). Вскоре эта газета была переведена в Махачкалу, столицу Дагестанской АССР, а в Дербенте начала выходить ежедневная газета "Гирмизина Алам" – "Красное Знамя". Обе эти газеты с началом войны прекратили свое существование за неимением материала для издания газеты. Правда, после многочисленных жалоб евреев, уже после войны, выход "Красного знамени" периодически возобновился, пока в 1958 году газета окончательно не прекратила свое существование (под предлогом нерентабельности).⁵⁶

За шесть лет до выхода "Захметкэша" в Баку появилась газета "Корсох", но ее как явно сионистскую вскоре закрывают. И лишь спустя несколько лет начинал выходить другая газета – "Коммунист". Редактором "Коммуниста" был Яагу Агарунов. О характере этой газеты можно судить по названию. Тем не менее и эта газета в годы второй мировой войны прекратила свое существование.

В 20-е годы начали было появляться газеты и журналы на еврейском языке и в других республиках Восточного Кавказа, где жили евреи. Но эти издания после выхода буквально нескольких номеров были закрыты местными властями, как издания "не на языке коренных национальностей".

Литература

В этом разделе уместно вспомнить бытующее мнение: литературных памятников прошлого кавказские евреи не оставили. Мы же это объясняем отнюдь не отсутствием в прошлом у этой общины литераторов, а тем, что в средние века на Восточном Кавказе печатная продукция не издавалась – попросту не было средств для печатания. Поэтому имена литераторов тех лет и их произведения, за редким исключением, до нас не дошли.

Редко, но все же можно встретить у исследователей прошлого столетия упоминания о произведениях евреев Восточного Кавказа. В частности, И. Черный пишет о каббалистических произведениях, а В. Миллер о фольклорно-сказочном творчестве: "... сохранилось несколько тиютов, которые сочинил на иврите живший там (имеется в виду поселок Аба-Сава) пайтан б. Шмуэль. В Аба-Саве жил и теолог Гершон Лала (Гуршом Лэлэ) б. Моша Накди (Миши Накдиму), составивший комментарий к "Яд а-хазака" Маймонида. Последним свидетельством религиозного творчества на иврите в среде общины следует считать каббалистиче-

ское сочинение "Коль мевасер" ("Голос вестника"), которое написал между 1806 и 1828 годами Мататьягу б. Шмуэль Акози Мизрахи из города Шемахи южнее Кубы". (Кр. Е. Э. т.2)

Тем не менее, следует отметить, что произведения Мататьягу б. Шломо были не последним свидетельством творчества этой общины. (К примеру, произведения р. Шербета и р. Яакова.)

В более поздний период известными создателями устного и письменного

Слева направо: 1 ряд. Ю. Семенов, Ихиял Мататов, М. Бахшиев. 2 ряд. М. Дадашев, Х. Авшалумов, Е. Агарунов. 3 ряд. С. Юсуфов, П. Садиков, Р. Абрамов.

народного творчества (сказки, песни, сказы и т.д.) были поэт Исаиоф б. Хаим Кубинский (прибл. 1835 – 1917 гг.), Дарман б. Нувах (1845 – 1912), Ойбала Торхуни, Шаул Симанду, Агавия б. Рафаэль, Шэлмюй Мемри, Хизгил "Эми" Дадашев, Рахмил Гуршум, Бэнигуй Бирор, Нисам "Нухи" и многие другие. Однако советские историки считают многих из них неграмотными, так как они не владели русской письменностью.⁵⁷

20-е годы ознаменовались новой эрой в истории литературы евреев Восточного Кавказа. Появились образованные литераторы, которых мы можем сегодня разделить на две категории: литераторов-сионистов и литераторов, для которых советская власть оказалась лучшим полем творческой деятельности.

О первых в наше время трудно найти материал, так как советская власть уничтожила их произведения вместе с авторами. Тем не менее, из исследований проф. М. Занда нам удалось узнать любопытные факты о литераторе Горском (псевдоним).⁵⁸ Горский был заведующим клубом еврейской молодежи. По данным проф. Занда, Горский совместно с И. Брагинским, ныне известным советским иранистом, опубликовал первый перевод на "татский язык" "Интернационала". Он же по-видимому выпустил и первый букварь.⁵⁹

Из других источников нам удалось уточнить, что Горский родился в 1906 году в Дербенте в семье р. Ифраима Раввиновича, являвшегося с 1908 года главным раввином города Баку, и что он, кроме литературной и общественной деятельности, уже в 18-летнем возрасте работал финансовым инспектором в центральном финотделе города Баку.

Другим литератором-сионистом был Михаил Раввинович "Бен-Герари". "Бен-Герари" являлся одним из редакторов еврейской газеты "Корсох", которая выходила в Баку.⁶⁰ "Бен-Герари" является также автором хрестоматии "Гюльдоги" ("Горный цветок").

Следует добавить, что Горский был расстрелян в 30-х годах вместе с другими сионистами-социалистами за интенсивную сионистскую деятельность. О судьбе "Бен-Герари" – Михаила Раввиновича мы рассказали выше.

К другой группе литераторов, преданных революции и советской власти, что отразилось в их произведениях, относятся Ихиил Мататов (1888 – 1943), Юно Семенов (1899 – 1961), Миши Бахшиев (1910 – 1972), Двие Бахшиев (1914) потерял руку на фронте и по возвращении с войны до выхода на пенсию работал заместителем ответственного секретаря газеты "Известия", доктор наук профессор Ягу Арагунов (1907), Исхак Ханухов (1903 – 1973), Мохувад Дадашев (1913 – 1943), Данил Атилов (1915 – 1968), Хизгил Авшалумов (1913), Борис Гаврилов (1908), Сергей Изгилев (1922 – 1972), Рахамим Рувинов (1893 – 1955), Семен Юсуфов (1914), Исроил Давидов, Илия Хананаев, Шимшон Сафанов, Зоя Семендуева и другие поэты и писатели. О творчестве некоторых поэтов, писателей и драматургов евреев Восточного Кавказа подробно рассказывает проф. М. Занд. ("Труды симпозиума, посвященного борьбе за сохранение еврейской культуры в Советском Союзе".) Следует повторить, что все они прошли через еврейскую школу.

Культура.

Культура евреев Восточного Кавказа своеобразна и самобытна, хотя в некоторой

степени и отражает культуру соседних народов. Однако, следует отметить, что евреи попали на Кавказ с вполне сформировавшейся народной культурой, тогда как окружающие их народы находились на стадии общинно-племенного строя, поклоняясь огню, воде или, камню... Здесь уместно вспомнить замечание путешественника 9 века Эльдада Га-Дани, подробно описавшего жизнь евреев Восточного и Северо-Восточного Кавказа: "...Соседями их являются народы, поклоняющиеся огню и берущие в жены своих матерей, дочерей и сестер..."

Не вызывает сомнения, что евреи, пройдя многовековой путь, сыграли большую роль в формировании культуры окружающих народов, ибо у всех народов Кавказа, в том числе и у евреев, много общего (своеобразие медной и гончарной посуды, идентичность одежды и украшений, орудий труда, музыкальных инструментов, поэзии и музыки, кухни и т. д.). В наше время, в условиях советского строя, трудно и даже невозможно точно определить, что именно переняли евреи у своих соседей, а что сами им передали. И все же бесспорен факт, что особые черты еврейской общины, присущие ей и только ей, имели и имеют место в жизни народов Кавказа.

В начале 20 века наметился поворотный пункт в жизни евреев Восточного Кавказа: мы уже говорили, что были открыты светские школы, и почти одновременно с этими школами под руководством того же р. Яшая в Дербенте организовалась любительская труппа еврейского театра – первый театальный коллектив у народов, населяющих Восточный Кавказ (кроме Азербайджана). Эта труппа ставила пьесы исключительно на библейские темы.

В 1920 году после смерти основателя театра постановки на некоторое время были прекращены. Однако в том же году на другом конце Восточного Кавказа, в Баку, при молодежном клубе был создан драматический кружок, которым руководил упомянутый выше Горский.⁶¹

Чуть позже еврейский театр (любительская труппа) был организован и в Кубе. Нам удалось установить имена некоторых артистов – Давидова Сипро, Хавацелет Юсуfoва, Эфрат (фамилию выяснить не удалось), Борис Баазов (погиб на войне 1941 – 1945 гг.), Звалон Равинович, Бэб (прозвище), Овадьа и Азарья (фамилии установить не удалось).

В середине 20-х годов в Дербенте другой энтузиаст – Захарья Авшалумов вместе с Манаширом Шалумовым, Ханум Элиягуевой и некоторыми другими собрал старых артистов и молодежь и создал большой энергичный коллектив на хозрасчете. В этом театре играли такие прославленные артисты, как Соломон Дадашев, Ахсо Шалумова, М. Авдалимова, И. Шалумов, Б. Дадашев, Ш. Хаимов и другие. Таким образом, дербентский театр снова начал функционировать.

Вскоре драматург Юно Семенов переезжает в Дербент и тоже включается в работу театра, активно помогая ему. К этому времени театр стал признанным профессиональным коллективом. В его репертуар входили самые разнообразные пьесы: "Победа героя" – о событиях гражданской войны в Дагестане, "Радость" ("Шори") Юно Семенова – о современности, "Шах Аббас не хомбол" Миши Бахиева – на историческую тему, "Прекрасное имя" ("Оди гюзел") – драма, рассказывающая о жизни двух братьев, один из которых волею судьбы становится королем в чужой стране, а другой достигает цели, пройдя через муки ада – тоже Юно Семенова, "Коварство и любовь" Шиллера в переводе Юно Семенова, "Ой-дын" и "Хзет" М. Ибрагимова, "Номус" Ширванзаде, "Аршин мал алан" У. Гаджи-

бекова, "Мэхсюм" Ю. Семенова, "Пери-хонум", "Эсли-Керем". В репертуаре театра, как и раньше, были спектакли на библейские темы: "Бар-Кохба", "Мегилат Эстер", "Самсон и Далила" и многие другие.

В тесном сотрудничестве с театром работал прославленный композитор Шимон Ашуров, который писал музыку к новым пьесам и перерабатывал музыку для пьес, переведенных с других языков.

Театр просуществовал до начала второй мировой войны. Уже в первые месяцы войны почти весь мужской состав театра был мобилизован, большинство актеров погибло. Погиб и режиссер театра народный артист Дагестана Захарья Авшадумов.

Что касается бакинской труппы, то с арестом ее руководителя Горского она прекратила существование. После войны вернувшимся с фронта артистам так и не удалось восстановить работу театра из-за упорного сопротивления местных властей, проводивших программу уничтожения еврейской культуры.

Лишь спустя много лет, в 50-е годы, один из ведущих артистов Юно Ягудаев, вместе с Ахсо Шалумовой и Гадом Сафановым, который впоследствии стал режиссером театра, сумели организовать на средства еврейских колхозов дербентской округи межколхозный театр. Этот театр существует и поныне. После ликвидации колхозов театр перешел на хозрасчет. Коллектив театра гастролирует по населенным пунктам и городам Восточного Кавказа. Однако вследствие своей непрофессиональности этот театр не имеет особого значения в жизни еврейской общины Восточного Кавказа.

Говоря о культуре, невозможно обойти молчанием талантливый коллектив ансамбля "Лезгинка". Этот коллектив, начавший свой путь в первой половине 30-х годов, стараниями нескольких танцоров из одной семьи под руководством старшего брата Танхо Израилова вырос в большой ансамбль. Виртуозным исполнением танцев он покориł все континенты земли.⁴² Несмотря на то, что ансамбль не считается еврейским, в его хореографии есть много элементов еврейского фольклора и в нем участвуют много евреев.

Центральная фигура другого ансамбля — ансамбля песни и танца Дагестана — тоже еврейка, Аня Шубаева.

Композитор Шимшон Ашуров, имя которого фигурирует в БСЭ, известен далеко за пределами Восточного Кавказа. Гармонист Шамиль Нувахов носит звание заслуженного деятеля искусств многих областей и республик Восточного Кавказа.

К сожалению, из-за отсутствия справочного материала мы не можем охватить здесь даже малую часть всех представителей культуры евреев Восточного Кавказа. Поэтому ограничимся сказанным. Отметим лишь, что многие сыновья и дочери этой общины работают в музыкальных и театральных коллективах центральных городов России и союзных республик, а также в киноискусстве.

Эта община, кроме того, славится многими замечательными художниками, среди которых — Симха Ашуров и Равоши Абрамов, проживающие в Москве, Александр Ихилов, недавно выехавший в США, Пинхас Садиков, проживающий в Беэр-Шеве. Скульптор Наум известен на всем Восточном Кавказе.

Быт

В отличие от окружающих народов, евреи на Восточном Кавказе всегда вели

общинный образ жизни.

В русских государственных ведомостях еврейские общины были зачислены в кагалы. Каждый кагал, а до этого — каждый аул имел своего ковхо⁶³; иногда случалось, что один ковхо руководил двумя или несколькими кагалами. Ковхо избирался по рекомендации верховной власти всей подвластной ему общиной.⁶⁴ После выборов ковхо формально представлялся верховной власти (ханской или русской, в зависимости от периода правления).

Ковхо пользовался всеми административными и судебными правами. Одновременно он был ответственным за свой участок — кагал — перед верховной властью. Только в случае особо тяжких преступлений, например, в случае убийства, если он не мог помирить враждующие стороны, особенно если в конфликт был замешан нееврей, ковхо не мог принимать решения самостоятельно, и дело передавалось в высшую инстанцию.

Необходимо подчеркнуть, что и верховная власть не вмешивалась в дело еврейской общины. Это было выгодно и самой власти, особенно русской, ибо всю "черную" работу выполнял сам ковхо. (Сбор податей, призыв в русскую армию и т. д.)

И. Черный, красочно описывающий в своих путевых заметках жизнь евреев аула Рукал (Нукол), рассказывает, как он гостил у ковхо этого аула, имя которого было Нувах бен Шальми (в народе его звали Нувах Нуколи)⁶⁵.

С приходом советской власти вся структура еврейской жизни изменилась. Еврейская общественная деятельность уже расценивалась как сионистское движение и сурово наказывалась. Однако несмотря на это, общественную жизнь и взаимную выручку евреев уничтожить не удалось. В этой связи интересен следующий рассказ.

Во время гражданской войны, когда города и населенные пункты переходили из рук в руки (от красных — к белым, от интервентов — к анархистам и просто шайкам бандитов), гибло много народу. Особенно плачевным было положение евреев в городе Дербенте. Очевидцы рассказывают, что не раз с гор стреляли из пулеметов, отражая высадку десанта с моря, а военная эскадра противника обстреливала снарядами горные позиции. В такой дуэли страдало немало граждан, не имеющих никакого отношения к военным действиям. В Дербенте евреи жили в центральной части города, где пулеметная стрельба особенно чувствовалась. Иногда трупы по нескольку дней лежали на улицах города. Но даже в такой ситуации находились люди, которые, рискуя жизнью, хоронили погибших.

Одним из таких бесстрашных людей был Шелми (Шломо) бен Нувах — сын того самого ковхо Нуваха Нуколи. Этот седобородый старик, которому было уже за 60, организовал группу смельчаков — своих ровесников. Группа спасала раненых из-под обстрела, хоронила погибших на временном кладбище на берегу моря, в песках. (Потом, после войны, все похороненные на временном кладбище были перенесены на еврейское кладбище города.)

Сам Шелми бен Нувах тогда же заболел воспалением легких и скоропостижно скончался (в то время два его взрослых сына служили в Красной Армии). Дома находились жена и двое детей: дочь 10 лет и сын 15 лет. Шелми бен Нувах также был похоронен на временном кладбище, выбранном им самим.

Существовала взаимовыручка и внутри каждого квартала. Дом всегда строили в глубине двора, и соседние дома ставились вплотную друг к другу. В смеж-

ных стенах оставляли проем, который закрывался деревянной перегородкой. Получались ниши, в обычное время использовавшиеся для хранения постелей. Но при необходимости эти проемы могли служить для перехода соседей из дома в дом. Обычно такая необходимость возникала, если появлялись воры или грабители. Тогда сосед моментально слышал либо шум, либо зов живущего рядом. Эти же проемы использовались и для перехода по внутренним дворам из дома в дом, если приходилось тайно переходить на другую улицу. О месте тайного прохода знали только взрослые члены обеих семей. Иногда получалось, что полквартала было связано тайными переходами. Если же по какой-либо причине невозможно было оставить проход, то обязательно оставлялось хотя бы слуховое окно.

В сельской местности и в чисто еврейских кварталах городов обычно строились одноэтажные дома. Весь двор огораживался высоким (высотой в один этаж) каменным или глинобитным забором, в зависимости от того, из какого материала строили сам дом. Крыши таких домов обычно были плоскими, покрыты асфальтом. Окна в домах делались небольшими, и поэтому еще одно окно оставляли в крыше. Очаг представлял собой подобие камина — дымоход проходил в стене. Обычно такие дымоходы встраивались во всех комнатах. Двор окружался забором с крепкими воротами, имеющими запор. По возможности во дворе устраивался сад. Если же площадь двора не позволяла обзавестись садом, то во дворе строили чордог (беседку)⁶⁶. Чордог имел многоцелевое назначение; в частности, на него наваливали лозу, привезенную с виноградников после обрезки. Если же хозяева чордога жили в лесной зоне, то на чордог наваливали ветки деревьев и кустарники. Эти материалы служили топливом при выпечке хлеба. Обычно рядом с чордогом устраивали под навесом тонур⁶⁷. Если же у кого-либо не было во дворе тонура, то этим людям никто не отказывал в предоставлении своего. Предоставление своей печи другому для выпечки хлеба считалось мицвой — добрым делом.

Кроме того, чордог служил местом отдыха с друзьями или в кругу семьи, здесь же, в чордоге, праздновали суккот.

В городских условиях евреи тоже старались строить свои дома внутри двора. Лишь в последнее время в соответствии с требованиями генеральных планов развития городов, дома стали строить фасадом на улицу.

В одноэтажных домах пол обычно бывал глиняным. Хозяйки каждую неделю, как правило, по пятницам, обмазывали пол жидкой глиной, и он приобретал глянец. После того как глина высыхала, на пол стелили ковры.

Внутреннее расположение дома планировалось так, что кунацкая — гостиная — имела отдельный вход. Убранству гостиной всегда уделялось большое внимание. В прошлом, когда сидели на полу, гостиную украшали коврами, ковры развешивались и на стенах. Пол у стен покрывали узкими матрацами, набитыми шерстью и предназначенными для сидения. Кроме этого, гостям подавали еще и подушки. Вплоть до 30-х годов женщины и дети при посторонних входили только для того, чтобы подать еду и постелить постель (постель тоже стелили на полу). Позже в употребление вошли кровати. Кроме них, в обстановку входил низкий стол — шулхан, который накрывали при семейном обеде. На торжественных обедах скатерть — парзинз — стелили на полу, на ковре, и гости сидели зокруг нее на подушках.

При строительстве домов в стенах оставляли многочисленные ниши и оборудовали их полками, на которых хранили домашнюю утварь. Кроме этого, во всех стенах, у самого потолка, оставляли сплошную нишу, где также держали посуду и другую домашнюю утварь. Постельные принадлежности тоже убрали в ниши. Одежду и белье хранили в сундуках. Зерно, овощи и другие продукты хранили в сарае, в специальных деревянных отсеках и в подвалах.⁶⁶

Сегодня даже в тех редких селах, где еще живут евреи, они ведут городской образ жизни.

Отношение к хлебу

На Восточном Кавказе до недавнего времени за редким исключением⁶⁷ употребляли хлеб домашнего производства — танурной выпечки, иногда на домашнем пилэтэ (плате) выпекали тонкий лаваш. Хлеб бывал разный: из квашеного или пресного теста, тонкий, сдобный и т. д., но всегда имел круглую форму.

Каждый раз перед тем, как начать катать тесто на хлеб, хозяйка обязательно отрывала несколько маленьких кусочков (так называемых "хало") от всего теста и бросала их в огонь. При этом она произносила определенные слова (благословление). Скорее всего, немногие понимали значение того, что они делают. Но находились и такие, которые поясняли, что это делается в честь наших разрушенных святынь — храмов. Хлеб, выпеченный из теста, над которым не провели этот обряд, не считался кошерным. Поэтому употребление казенного хлеба запрещалось. Не употребляли и хлеб, выпеченный гоем. Поэтому евреи до самого последнего времени хлеб выпекали, повторяем, исключительно в домашних условиях, а в религиозных семьях так поступают и сейчас.

Говоря об отношении к хлебу, уместно отметить, что по традиции евреев Восточного Кавказа выбрасывать даже маленькие кусочки или крошки хлеба запрещается. Это считается большим грехом. Все остатки хлеба, непригодные в пищу, собирают для домашних животных и птицы. Если же у кого-то нет такого хозяйства, то эти остатки отдают соседям. Добавим, что по традиции резать хлеб металлическим ножом запрещается — его ломают руками.

Если на улице или где-нибудь в другом месте еврей увидит под ногами кусочек хлеба (даже корку), он обязан поднять его и положить на возвышенное место, при этом поднося его к глазам и даже поцеловать. Если человек не поступил так, считается, что он совершил тяжкий грех.

Выпекать хлеб часто собирались несколько соседей вместе, что позволяло сэкономить немало топлива, поскольку больше всего топлива уходит на разогрев тонура, а потом надо только поддерживать жар. Выпекать хлеб старались в пятницу. Это позволяло украсить субботний стол свежим душистым хлебом и в то же время подать в день субботы к столу теплый обед, не нарушая святость субботы. (В теплый тонур ставили кастрюли с готовым обедом и накрывали печь, сохраняя тепло.)

Были люди, специально занимавшиеся выпечкой хлеба для продажи, их называли "нуновончи". Были и специалисты, выпекающие хлеб по заказу. Эти женщины, как и нуновончи, этой работой зарабатывали на жизнь.

Кухня у евреев Восточного Кавказа внешне напоминает кухню окружающих их народов, и даже названия некоторых блюд одинаковы. Тем не менее, еврейские блюда своими вкусовыми качествами отличаются от всех других. Это объясняется прежде всего тем, что евреи придерживаются правил кашрута и особой технологии приготовления пищи. Например, у большинства народов Восточного Кавказа мясо перед варкой заливают холодной водой и ставят на огонь. Поэтому в процессе приготовления пищи образуется пена, которая смешивается с бульоном и значительно снижает вкус продуктов. Евреи же кладут мясо сразу в крутой кипяток. Вся пена при этом появляется почти одновременно, и хозяйка сразу снимает ее. Помимо этого, варится исключительно кошерное мясо, очищенное от кровеносных сосудов и самой крови.

Основой для приготовления пищи служат продукты сельского хозяйства: пшеница и полба, из которых изготавливают всевозможные крупы, просо, чечевица, горох, разные сорта бобов, мука, рис. Из продуктов животноводства широко используются мясо, молоко, масло и другие молочные продукты. Рыба употребляется в больших количествах (ее можно есть одновременно и с мясом, и с молочными продуктами). В меню входят и фрукты, овощи, а также бахчевые культуры.

Каждая еврейская семья раньше делала запасы на зиму — к примеру, по два-три десятка тыкв. В настоящее время делать такие запасы практически невозможно. Тем не менее и теперь на зиму запасают большое количество солений, ягодно-фруктовых варений и компотов.

Пшеничные и полбовые крупы, а также рис у евреев Кавказа идет на приготовление супов и различных каш и пловов. Следует отметить, что евреи предпочитают жидкую пищу сухим блюдам. Знаменитый кавказский хинкал с мясом или курятиной, заправленный толченым чесноком и винным уксусом, является частым семейным блюдом.

Среди разных видов мяса самым популярным является баранина, затем следует говядина. Козье мясо, пахнущее потом, используется лишь тогда, когда нет ничего другого. Твердое мясо буйвола евреями почти не используется. Должное место в кулинарии занимает мясо домашней птицы, особенно кур и индеек.

К распространенным блюдам относятся пельмени (дьюшбэз). Это блюдо употребляют с толченым чесноком и уксусом или терневой кислотой; дулма — сухие голубцы (фаршированное мясо с рисом и другими компонентами), приправленные терневой или алычевой кислотой; епирagi — голубцы в бульоне, начиненные мясным фаршем и рисом. Это блюдо по вкусу и по виду весьма отличается от дулмы. Епирagi перед снятием с огня заливаются отваром сушеной алычи (элю), они могут быть также начинены болгарским перцем и баклажанами. К еженедельным блюдам относятся всевозможные пловы, приготовленные из круп и риса. Пловы готовят с разными компонентами: куриной мякотью, черносливом, финиками, изюмом, миндалем и т. д.

В кухне евреев Восточного Кавказа важное место занимают шашлык из баранины, тава-кебаб, приготовленный на сковороде, и люля-кебаб, приготовленный из фаршированного мяса и обязательно жареный на шампуре. Всевозможные блюда готовят из мяса домашней птицы. На торжественных обедах птица обычно

подается цельножареная и цельновареная.

Как мы уже отмечали, немаловажным продуктом является рыба. Совсем недавно, когда во время путины возможно было приобрести залом, почти в каждой еврейской семье засаливали рыбу, так, чтобы ее хватало до следующего сезона. Кроме этого, в больших количествах имелся сушеный кутум и судак, не говоря уже о всевозможных балыках — как из лосося, так и из других рыб. Самыми популярными еврейскими рыбными блюдами являются фаршированная рыба в виде голубцов со всевозможными приправами и свежая рыба, жареная на шампуре. Совершенно особое блюдо — бугламэ, что означает "пареное". Рыбу со всеми дополнительными ингредиентами укладывают в гончарный горшок, который затем ставят в большую кастрюлю, залитую водой. Кастрюлю плотно закрывают крышкой и ставят на огонь. Процесс приготовления длительный, зато вкус у блюда — необыкновенный.

Праздничным блюдом является хоегушд. Мелко нарезанное, предварительно сваренное мясо, залитое яичным белком с разными приправами, кладут в глубокую сковородку и ставят на огонь. По классическому рецепту, перед тем, как мясо окончательно запекается, содержимое заливают сверху яичным желтком, а потом сковороду накрывают подносом, и на поднос насыпают горячие угли. Это делают для того, чтобы блюдо запекалось и сверху. Ясно, что в современных квартирах эти манипуляции с углями осуществлять нелегко, и поэтому блюдо ставят в духовку и равномерно запекают на медленном огне.

Из других блюд назовем чуду (чебуреки). Их готовят из рубленной требухи или — реже — из натурального мяса. Велик ассортимент зеленых шей из различных диких трав, имеющих лечебные свойства.

Из спиртных напитков раньше предпочтение отдавали сухому виноградному вину. Но после того, как частное производство этого вина прекратилось, качество вина существенно снизилось. Поэтому теперь большинство предпочитает коньяк и водку.

Из безалкогольных напитков предпочтение отдается чаю. К чаю подаются всевозможные пряности, торты, печенье, варенья и т.д.

Таков далеко не полный перечень блюд еврейской кухни Восточного Кавказа.

Одежда

Национальной мужской одеждой по всему Кавказу до недавнего времени была черкеска, которую носили и евреи. Черкески шили из тонкого сукна различных чистых цветов.

Старики и религиозные люди носили традиционную еврейскую одежду: длиннопольные и короткопольные кафтаны, обычно защитного цвета (по форме эта одежда напоминает одежду хасидов в Иерусалиме). Подпоясывались кавказские евреи узким кожаным ремешком с серебряным набором. Обувью служили, как правило, кожаные легкие сапоги на сыромятной подошве. Крестьяне носили тирох (чарики) — лапти из невыделанной кожи крупного рогатого скота.

Мужские шапки нескольких видов шились либо из каракулевой смушки (необходимое дополнение к черкеске), либо из бараньей шкуры (предпочтение отдавалось поярку).

Так одевались до 30-х годов на Восточном Кавказе (г. Нальчик, 1915 г.).

Одежда женщин была очень разнообразной – как по фасонам, так и по материалам и расцветке. Традиционной одеждой был длиннополый кафтан, под который надевали такую же длинную белую рубашку и штаны до самых пят.

По традиции женщины обязаны были прятать волосы от постороннего глаза. Поэтому женский традиционный головной убор (чутгу) был трубкообразным, и длина его соответствовала длине волос. Кроме того, голову покрывали всевозможными платками, косынками, шальями и т.д.

С проникновением русской культуры на Кавказ традиционная и национальная одежда начала исчезать, уступая место обычной европейской одежде. А с середины 30-х годов, когда ношение кинжала стало расцениваться как ношение холодного оружия и караться наказанием до пяти лет заключения, черкески окончательно вышли из употребления. Традиции в женской одежде тоже уступили натиску современной моды.

Обряды и поверья

Находясь в замкнутой феодальной среде, евреи Восточного Кавказа не только сами оказали влияние на развитие и формирование многих областей жизни местного населения, но и заимствовали у этого населения ряд обычаев и верований.

Например, на Кавказе среди местных народов важное место занимает шаманство, используемое "при выдворении злого духа (духа испуга), засевшего в человеке" – тэрс-бин вэгирдэ. Распространены причитания и заклинания – (тили-

сим). Если нужно "наказать" или "завлечь" кого-либо или же "освободить человека от чьего-то заклинания", то мулла, произнося тексты причитаний из Корана, берет за это немалую плату. Практикуется также гадание, ясновидение (э тас дениширэ): большую медную кружку (тас) заполняют чистой водой, ясновидец становится на колени и склоняется над кружкой. Его голову накрывают черным покрывалом и одновременно затемняют комнату. В комнате не должно быть никого, кроме ясновидца и человека, расшифровывающего его видения. После долгого чтения текстов из Корана перед глазами человека, который смотрит в воду, якобы появляется то, о чем он должен узнать, например, кто убийца, кто вор и т.д. Для расшифровки видения должен быть подобран совершенно безупречный человек — скажем, девочка или мальчик 10—12 лет. Если все же ясновидение не дало результата, то считается, что человек, выбранный для этого дела, небезупречен.

Сильна на Кавказе вера в существование русалок — дэдэй-ол. Этот "дух" опасен для беременных женщин и влюбленных, ибо он "может заманить жертву к реке или к морю и потопить ее". Поэтому беременным женщинам запрещается вечерами и в безлюдных местах появляться на берегу моря или реки, а влюбленные перед свадьбой должны выходить на улицу только в сопровождении товарищей. Однако русалкам приписываются и добрые дела — они охраняют водоемы от загрязнения.

Знакомы народы Восточного Кавказа и с астрологией. Широко распространены клятвопринижения небесным святыням и заклинания именами Солнца, Луны и звезд, а также огня. Существуют еще и простые заклинания: для такого заклинания требуется нитка, веревка или просто углы платка. Необходимо завязать 7 крепких узлов и при завязывании очередного произносить само заклинание: "Пусть басарат⁷⁰ человека (того, которого заклинают) будет связан, как этот узел!" Любопытно, что при совершении хупы (венчания) на церемонию допускаются только благожелатели, поскольку недоброжелатель "может произнести заклинание и поломать начинающуюся супружескую жизнь".

Против "злого глаза" (аин ра) надевают глазообразную бусину. Если "злой глаз" начнет действовать, то он "превратится в стекло".

Коготь рыси может "принести счастье", поэтому его оправляют в серебро и подвешивают над детской люлькой. Этот обычай, очевидно, пришел от охотников, нередко имеющих дело с рысью, часто встречающейся на Нагорном Кавказе.

Кроме всех этих достаточно абстрактных поверий, у евреев Восточного Кавказа имеется еще немало поверий религиозного характера. Например, верят в то, что Элиягу Анави (пророк Илья) может постучаться в дверь. Он появляется в виде бедного путника или седобородого старца или даже невидимым. Если хозяева принимают Элиягу доброжелательно, то с его приходом в семью приходит счастье. А если Элиягу встречают недружелюбно или, не дай Бог, вовсе не впускают в дом, то счастью в семье не бывать.

Согласно традиции, он "появляется в ночь на исходе субботы", и поэтому эта ночь названа ночью Элиягу Анави (шэв Элиягу нови). В эту ночь верующие входную дверь квартиры (дома) оставляют приоткрытой.

Толкование снов

1. ЗМЕЯ -- к счастью; змеиный укус -- к разочарованию.
 2. СОБАКА -- к неудаче; укус собаки -- к скандалу.
 3. РАЗРУШЕННЫЕ ЗДАНИЯ -- к печали.
 4. МУТНАЯ ВОДА -- к неприятностям, но если человек прошел через воду благополучно, то все неприятности должны миновать.
 5. ПРОЗРАЧНАЯ ВОДА -- к удаче.
 6. НОВАЯ ОБУВЬ -- к дальней дороге.
 7. КРОВЬ -- к встрече с родными.
 8. РАНЕНИЕ БЕЗ КРОВИ -- к неприятностям.
 9. СТРЕЛЬБА -- к вестям.
 10. СИНАГОГА -- человека ожидает больница или тюрьма.
 11. ТОРА -- к рождению девочки.
 12. ЗОЛОТО -- к несчастью.
 13. ДЕНЬГИ -- к несчастью.
 14. ДРЕМУЧИЙ ЛЕС -- к неприятностям.
 15. ДВА БЕРЕГА РЕКИ -- к разлуке.
 16. СМЕРТЬ -- к долголетию.
 17. КУПАТЬСЯ ВО СНЕ -- к несчастью, даже к смерти.
 18. ТЩАТЕЛЬНАЯ УБОРКА ПОМЕЩЕНИЯ (ПОБЕЛКА) -- к несчастью, болезни, смерти.
 19. ВСТРЕЧА С МЕРТВЫМ ЧЕЛОВЕКОМ:
 - а) с добрым -- к радости,
 - б) со злым -- к горю,
 - в) если человек целует мертвеца -- к неприятностям,
 - г) если мертвец целует человека -- к болезни или к смерти,
 - д) если мертвец приглашает человека, и человек следует за ним, то человека ожидает смерть, но если человек отказывается, то это к спасению,
 - е) если мертвец прогнал человека от себя -- к удаче.
- Следует отметить, что в настоящее время все эти предрассудки канули в прошлое, но изредка можно встретить и теперь глубокую старушку, верящую во все это.

Все вышеприведенные приметы, кроме чисто еврейских, имеются и у других народов Кавказа. Однако есть одна примета, которая является только для кавказских евреев "очень важной": в отличие от других народов, у которых змея считается врагом и обязанность каждого, встретившего змею, убить и захоронить ее, у евреев змея является "символом счастья". Если дома или во дворе у еврея появилась змея, "то эту семью постигает счастье". И наоборот: если змея покидает тот или иной дом, "то эту семью покидает счастье". Поэтому каждый еврей, у которого поселилась змея, ставит для нее в определенном месте еду (обычно -- кислое молоко). Конечно, каждый хранит это в тайне, иначе недоброжелатель "может сглазить", и змея покинет дом.

В ранг жизненно важных обычаев у евреев Кавказа возведено гостеприимство. С приходом гостя в дом приходит праздник. Если в селе появляется незнакомый человек, то первый, кто встретит его, обязан пригласить его в дом, и гость не должен отклонять приглашение, если у него в селе нет знакомых. Но считается

неприличным заманить к себе гостя, если у того имеется друг, у которого он уже останавливался. Кроме того, существует неписанный закон: пока гость находится в доме, хозяин отвечает за его жизнь, как за свою собственную. Хозяин обязан оберегать своего гостя от любых неприятностей, если это даже приведет к обострению отношений с врагами гостя.

Некоторые считают, что евреи Восточного Кавказа склонны к кровной мести и доказывают, что этот обычай они переняли от своих "отсталых" соседей. Полагая, что именно евреи принесли этот обычай на Кавказ и передали его окружающим народам. В подтверждение этого приведем отрывок из рассказа под заголовком "Еврейская история Парижа", напечатанного в еврейском журнале "Трибюн Жюив".

"... В одно субботнее утро 583 года Пиркус – финансист короля Шильпериса Первого, накинув талес, направлялся в синагогу. На него напал некий Ратир... и нанес ему смертельный удар кинжалом. Но Ратир не избежал наказания... став жертвой кровной мести со стороны родных Пиркуса".

Как видно, в те далекие времена кровная месть была распространена среди евреев не только Восточного Кавказа, но и Парижа.

"Да прольется кровь пролившего кровь!" – сказано в Библии. Повторяем – именно евреи принесли с собой этот обычай в галут, а евреи Восточного Кавказа в силу сложившихся обстоятельств сохранили этот обычай до наших дней. Как знать, может быть, именно этот обычай позволил им остаться евреями?! Мы отнюдь не одобряем кровную месть, а лишь описываем ее, как один из обычаев, заслуживающих подробного анализа.

Если кто-то совершал убийство, то немедленно образовывались два враждующих лагеря. В первую очередь делалось все для охраны того, кто совершил убийство, а также его прямых родственников. Потом начинались попытки примирения сторон. Для этого использовалось влияние достопочтенных аксакалов и других почетных представителей общины. Если удавалось примирить стороны, то враждующие семьи объявлялись побратимами. В противном случае кровная месть была неизбежна. Месть порой перерастала в межродовую вражду, уносившую много жизней с обеих сторон. Не щадили даже малолетних детей мужского пола, и только уничтожив потенциальных врагов, мстители успокаивались.

Евреи Восточного Кавказа, как и другие народы, населяющие этот район, склонны к различным суевериям. Например, еврею нельзя иметь во дворе ореховое дерево – это может привести к несчастью. Нельзя выращивать лук и чеснок – это тоже может привести к несчастью, т.к. лук и чеснок – от Сатаны, и т.д.

Кроме разного рода суеверий, у евреев Восточного Кавказа сохранялись и чисто древнееврейские обычаи и обряды.

Для ограждения новорожденного мальчика от "дурного глаза" и несчастного случая его заворачивали в тряпье и оставляли в условленном месте, чтобы его – по предварительному уговору – подобрал кто-то другой. Потом родители выкупали ребенка и давали ему второе имя – "найденыйш" или "подкидыш" (Шендз или Офдум). Обычно это делалось в тех семьях, где рождались одни девочки, или там, где дети умирали в раннем возрасте. Обряд как бы доказывал злему року, что родители уже потеряли своего ребенка и больше наказывать их не надо... Иногда "найденыйшу" оставляли на макушке хохолок, а по достижении

ребенком семилетнего возраста устраивали торжественный вечер (соуда), на котором в присутствии гостей срезали хохолок и соответственно весу срезанных волос дарили козну деньги — в знак благодарения Бога, за то, что ребенок благополучно прошел кризисные годы детства.

Большим праздником является обряд обрезания — брит-мила. Мужчина, не прошедший этот обряд, не признается евреем, и ни одна еврейская семья не согласится породниться с таким человеком, отдав ему в жены свою дочь или сестру. И наоборот, если гой проходит обряд брит-мила по еврейским религиозным законам (гиюр), то ему не должны отказывать. Но многие и в этом случае запрещают своим дочерям выходить за такого человека замуж, чтобы сохранить потомкам чисто еврейское происхождение.

Нередки случаи, когда молодые хотели связать свою жизнь с гоем (жениться, выйти замуж), но не сделали этого, послушавшись родителей, и на всю жизнь остались одинокими бобылями. Необходимо добавить, что даже в условиях советской власти, когда проведение обряда брит-мила расценивается как антиобщественное явление (нередко раввинов заключали в тюрьмы только за то, что они проводили этот обряд), евреи находят возможность следовать древней традиции.

Большое значение придается и обряду бар-мицва (тафилин взни). Но сейчас эти праздники приходится проводить в обстановке максимальной секретности, чтобы не подвергаться репрессиям. До недавнего прошлого (и теперь, но очень редко) мальчику-первцу делали *пидюм*.

В большинстве еврейских семей придерживаются правил кашрута. Скотину режет резник — шохет, а мясо обрабатывают по всем правилам. Мясо, не засоленное в течение трех дней со дня забоя скотины, уже не считается кошерным. Мясные и молочные продукты хранятся отдельно, также, как и посуда для мясного и молочного. Использовать эти продукты вместе запрещается. Кроме этого, существуют интервалы в употреблении этих продуктов: есть молочное после мясного можно не ранее чем через 6 часов, а мясное после молочного — не ранее чем через полчаса.

Праздники

Как правило, евреи Восточного Кавказа соблюдают все еврейские праздники. Самым большим и радостным из праздников является праздник Пасхи (Нисону), который проходит в месяце нисан. К этому празднику готовятся долго и основательно: в доме проводится тщательная уборка, побелка, покраска, стирка, проветривание и т.д. Обычно в честь этого праздника стараются обновить и одежду.

Вся медная пасхальная посуда облуживается заново (обычно пасхальной посудой пользуются только на Пасху). После мытья посуды проводится еще *хогала*: посуду кладут в ванну с крутым кипятком и бросают в кипяток раскаленные куски камня или кирпича, что еще больше повышает температуру воды. Такая процедура обеспечивает полное уничтожение невидимых следов пищи, если таковые еще остались на стенках посуды. После этого посуда считается пригодной для использования на праздник Нисону.

После того, как в доме (квартире) проведена генеральная уборка, приступают к выпечке мацы. Если муку мелют сами (хотя в настоящее время ее обычно покупают), то пшеницу тщательно очищают от сорняков и зерен других видов. После этого зерно просушивают на солнце, потом мелют. Предпочтение отдается маце, выпеченной вручную под надзором самого хозяина. Процесс выпечки мацы не столько сложен, сколько строг. Так, категорически запрещается вторично добавлять в тесто воду, то есть точное количество муки и воды для каждого замеса должно быть установлено заранее.

Продолжительность Пасхи — восемь дней. Агада читается первые два вечера. В первый вечер — на древнееврейском языке (лашон акодеш) и во второй — в переводе на язык галута. Первые два вечера называются *шев Бигду*.

Восемь дней праздника питаются только мацой и специальной пищей, приготовленной для Пасхи (*кошер ле песах*). Категорически запрещается не только употреблять в пищу, но и держать дома *хомец* — соленья, квашения всех видов, жареные семечки, уксус и т.д. а также готовить какую бы то ни было еду из муки.

Каждая семья старается запастись к Пасхе собственным вином, приготовленным в посуде, пригодной к употреблению в Пасху.

У евреев Восточного Кавказа по давнему обычаю завершали праздник Пасхи так: на исходе праздника (*шев говгил*), т.е. вечером восьмого дня, они поднимались на крышу и бросали в печную трубу пучок свежей травы в знак того, что праздник является одновременно и праздником весны.

Наиболее почитаемым является Судный день (Йом-а-кипурим). В канун этого дня над головой крутят курицу (петуха) соответственно полу или, в крайнем случае, дают деньги — взамен жертвоприношения. Сумма устанавливается в синагоге. Потом шохет режет жертвенную птицу. Категорически запрещается принимать в пищу свою жертву. Поэтому все жертвоприношения отдают в другие семьи во избежание путаницы.

Перед тем, как сесть за праздничную трапезу, ставят свечи на каждого члена семьи и на усопших родителей. После трапезы идут в синагогу. До следующего вечера — то есть до второго звука шофара — все строго соблюдают пост (*таанит*).

Несмотря на то, что по советским законам запрещается не выходить на работу из-за религиозных праздников, многие все же ухищряются этот день не работать, и именно в Йом-а-кипурим в синагогу приходит больше всего народу.

Следующим по значимости праздником является Рош-а-шана (еврейский Новый год).

На праздник Суккот в настоящее время устраивают праздничные обеды друг у друга, часто — общие обеды вскладчину. Религиозный смысл праздника почти утрачен, и многие даже не знают его значения.

Симхат Тора отмечается только в синагогах, без торжественного шествия со свитками Торы.

Праздник Пурим (Гомуну) воспринимается просто как радостное событие в еврейской истории, хотя молодежь в подавляющем большинстве не знает о значении этого праздника. На этот праздник раздают детям сладости. Женщины носят друг другу образцы своей кулинарной продукции. В этот праздник посещают те дома (семьи), где в минувшем году кто-либо умер. Сразу после утренней молитвы из синагоги люди группами направляются в эти дома таким образом, чтобы в

каждой группе был миньян и можно было читать кадиш по усопшему. После молитв в таких домах устраивается трапеза.

В праздник Шавуот (Асалта) также посещают семьи умерших. О первоначальном значении этого праздника знают еще меньше...

Праздник Ту би-шват (Ид-дорго) считается праздником деревьев. Принято считать, что в этот день деревья получают право плодиться. И крестьяне в Ту би-шват сажают много деревьев и виноградинок.

В праздник Ханука евреи Восточного Кавказа ханукальные свечи ставят за дверью внутренней комнаты. Это объясняется тем, что в прошлом евреи боялись преследований и нашли способ тайно отмечать Хануку, чтобы лишний раз не возбуждать неприязнь соседей-неевреев. Но сейчас даже таким образом свечей почти не ставят.

Самым печальным днем для религиозных евреев является Тиша бз-ав, день поста и печали. В основном это объясняется скорбью по сыновьям Майром (Мирьям), которых палачи казнили на глазах у матери за то, что они отказались принять чужую веру. После того, как казнили самого младшего сына, мать бросилась со скалы, обрела крылья и улетела. Отсюда "Майрам-овои".

И, наконец, о субботе. В большинстве семей суббота в полном религиозном смысле этого слова не соблюдается, но праздничное настроение в этот день чувствуется во всех семьях, и даже в самых бедных семьях в субботу готовят праздничный обед.

Отношение к умершим

Возле умирающего обязательно должен кто-либо находиться. Если кто-то оставит умирающего одного, точно зная, что человек умирает, то он берет на душу неискупаемый грех. И наоборот, тот, кто остается возле умирающего, совершает богоугодное дело — мицву.

Постель умирающему стараются стелить на полу. Когда человек умирает, ему закрывают глаза, стягивают челюсти, чтобы плотно закрылся рот, и выправляют ноги и руки. После этого умершего кладут на голый пол в той одежде, в которой он умер, прикрыв его простыней. Возле умершего ставят горящую лампаду, которая должна гореть семь суток.

По традиции запрещается оставлять труп непохороненным до следующего дня: если это возможно, то хоронят до наступления темноты. Если этого не успевают сделать по той или иной причине (обычно из-за недостатка времени), то умершего оставляют в отдельной комнате, или в крайнем случае отгораживают ширмой. Желющие попрощаться с усопшим делают это до омовения покойного.

Во время омовения усопшего все посторонние удаляются из помещения. При этой процедуре могут присутствовать только прямые родственники, того же пола, что и умерший. После того, как заканчивается омовение, прямым родственникам предоставляется честь облить умершего чистой водой. Потом покойника одевают в саван, который шьется из белой тонкой материи, после чего кладут на специальные носилки (мида) лицом вверх и выносят из дома головой вперед. Выйдя на улицу, поворачивают носилки ногами вперед и ускоренным шагом несут на кладбище. До ворот кладбища несущие носилки на ходу сменяют друг друга. Останавливаться с носилками категорически запрещается, запрещается так-

же сменять друг друга на территории кладбища.

Могилу копают перпендикулярно предполагаемому направлению на Иерусалим. Труп в могилу кладут лицом вверх, ногами в сторону Иерусалима. Следует отметить, что хоронить в гробу и сопровождать похороны музыкой по традициям кавказских евреев запрещается. Также предпочтительнее нести умершего на кладбище, а не везти.

Если человек умер вне дома, то труп не завозят домой, а увозят прямо на кладбище. Если человек умер на войне (или убит в драке), то по традиции его хоронят в той одежде, в которой он погиб.

В некоторых общинах умершим от ран (на войне, в драке) камень-стояк ставят в ногах.

Все надписи на камнях пишутся на древнееврейском языке, однако в последние 20–30 лет имена и даты рождения и кончины пишут еще и на русском, так как остается все меньше и меньше людей, понимающих древнееврейский язык.

Если окажется, что в том же городе (населенном пункте) имеется еще один умерший, то люди должны ожидать на кладбище, пока принесут и его.

Если еврей увидит похоронную процессию, он обязан провожать усопшего некоторое время.

После похорон публика возвращается в дом умершего, как бы отдавая дань уважения покойному. Возле дома моют руки, после чего желающие заходят в дом, а остальные расходятся. Следует добавить, что умываются и на кладбище (перед молитвой, следующей за погребением). По возвращении людей с кладбища дом, где умер человек, обычно бывает уже убраным, приготовлены места для лиц, которые должны сидеть в трауре. (Уборкой занимаются женщины-соседки.)

Читается заупокойная молитва, после чего подают трапезу, в которую непременно входят плоды земли и деревьев для произношения благословения Бога. В трапезе обязаны участвовать все присутствующие.

Обязательный семидневный траур начинается со дня похорон.

По традиции, находящиеся в трауре (авелдор) должны сидеть семь дней на одном и том же месте. Запрещается менять место, менять одежду и купаться. Все семь дней богослужение проходит в доме умершего.

С 50-х годов обычай приношения еды посторонними людьми в траурные дни (в силу того, что приготовление кошерной пищи стало затруднительным) был заменен денежной помощью семье усопшего. Тем не менее, в течение всего траура в доме готовит посторонний человек, хотя бы этим отдавая дань старой традиции. Готовят на всех, т.е. и на тех посторонних, которые присутствуют во время трапезы.

На седьмой день, после утренней молитвы, раввин специальной молитвой снимает траур. В тот же день большая группа родственников и друзей усопшего идет на кладбище. Возвратившись с кладбища, устраивают поминки. Мужчины — прямые родственники усопшего до тридцатидневных поминок (а некоторые даже до годовых поминок) не бреются. Устраиваются поминки и ежегодно в день кончины усопшего.

Женщины — прямые родственницы усопшего — обычно в течение года ходят в траурной одежде. И мужчины, и женщины в знак уважения к усопшему в течение года не надевают новой одежды и обуви и не посещают увеселительные места. Памятник усопшему можно ставить в один из дней поминок в течение

первого года. Если в этот срок памятник не поставлен, то по истечении года его можно ставить в любое время. Камень-стояк ставится в изголовье.

По обычаю евреев Восточного Кавказа, в похоронной процессии могут участвовать только мужчины.

После того, как усопшего уносят на кладбище, женщины, живущие по соседству, выливают весь запас воды, находящийся в их домах.

Если женщина, несущая воду домой, увидит на улице похоронную процессию, она также выливает воду, чтобы "отвести несчастье".

Отношение к женщине

Одним из отрицательных обычаев народов, населяющих Восточный Кавказ, является особое отношение к женщине. До 30-х годов положение женщины на Кавказе определялось вековыми феодальными устоями. Женщины-еврейки не являлись исключением. Невозможно определить сейчас, приняли евреи эти устои от своих соседей или сами были их распространителями, но факт, что они порой придерживались их даже строже, чем соседи.

Появление девочки в семье не встречалось с той восторженной радостью, с которой встречалось появление мальчика. Если в семье имелось много дочерей, но не было ни одного сына, то эта семья считалась "хомол" — бездетной, ибо некому было читать поминальную молитву кадиш и продолжать род.

Родители девочки, когда она была еще ребенком, могли заключить брачный союз, и дочь по достижении 13-14-летнего возраста должна была выйти замуж по желанию родителей. При этом жених мог быть намного старше ее или даже инвалидом.

Взрослая девушка без разрешения родителей не имела права появляться на людях.

Если, выйдя замуж, невеста оказалась не девушкой (духдэрбадула), чего практически не случалось, то ее с диким позором отправляли назад в родительский дом, и в конечном счете ей оставалось покончить жизнь самоубийством либо принять смерть от руки отца или брата — тем самым как бы смылся позор, нанесенный всей семье или роду. Девушка, выходя замуж, практически продавалась за выкуп, оговоренный в "рах бури"¹. В доме мужа женщина становилась служанкой и рабыней. На нее ложились все тяжелые работы по дому. Она становилась еще более бесправной, чем была в доме отца, особенно если в новой семье жила мать или бабушка мужа (властью в доме обладали по старшинству).

У мужчины может быть несколько жен — до четырех, по количеству библейских праматерей. Однако в каждом случае при заключении брака требовалось произношение "мэкр", то есть написать ктубу, иначе ни одна девушка не пошла бы замуж. Каждая жена имела свою комнату или свой отдельный дом в общем дворе, в зависимости от материального положения мужа. Многоженство в немалой степени служило источником обогащения семьи, особенно в тех районах, где женский труд (рукоделье, ковроткачество) был дорог. Дети от всех жен находились под влиянием отца.

В настоящее время многоженство у евреев Восточного Кавказа встречается

очень редко. Мужчина порой имеет двух жен, но в этом случае жены живут в разных местах, далеко друг от друга. Обычно двоеженство встречается у тех мужчин, у которых от первого брака не рождались дети. В таком случае с согласия первой жены муж приводит в дом вторую (нередко сама жена и выбирает ее).

Вместе с тем, наряду со строгим и даже жестоким отношением к женщине у евреев Восточного Кавказа принято защищать женщин на улице и уважать в обществе. И, конечно же, священной обязанностью каждого мужчины является защита девичьей чести.

В настоящее время статус женщины в семье и обществе в корне изменился. Женщины заняты во всех областях общественной, культурной, экономической и политической жизни общества.

Отличительной чертой евреев Восточного Кавказа являлся патриархальный уклад: отец был патриархом над всеми детьми мужского пола. Даже если у отца было десять и более сыновей, то он устраивал каждого возле себя. Если с увеличением семьи в доме становилось тесно, то глава семьи, отец-патриарх, был вынужден приобретать новый двор и каждый раз, женив очередного сына, строил ему в этом дворе дом.

Дети всех сыновей тоже росли вместе в одном дворе. Все сыновья и внуки обязаны были выполнять волю отца (деда), и лишь со смертью старика сыновья, уже обзаведшиеся своей семьей, начинали разъезжаться и обзаводиться собственным хозяйством. Отцовское хозяйство обычно доставалось старшему сыну. Но если мать настаивала, чтобы в доме с нею оставался другой сын, то ее желание принималось во внимание при разделе имущества.

У евреев Восточного Кавказа престарелые родители остаются на попечении сыновей, главным образом – на попечении старшего сына.

В отличие от многих других еврейских общин, у евреев Восточного Кавказа не принято обращаться за помощью к дочери. Ведь после замужества последняя становится как бы чужой, поэтому вмешательство в семейную жизнь дочери считается вмешательством в чужую жизнь. И напротив, дочь имеет право всегда обращаться к отцу и братьям, если в этом возникает необходимость. Отец и братья не имеют права отказать ей в помощи.

Женитьба

Вплоть до 40-х и даже до конца 50-х годов нашего века невесту для сына подыскивали родители. Если случалось, что парень и девушка полюбили друг друга, то это долго держалось в секрете от родителей. Потом с согласия (или без согласия) сына посылали сватов. Этому предшествовала предварительная – через "разведчиков" – договоренность с родителями девушки. Ведь возвращение официальных сватов с пустыми руками считалось позором!

После этого родители договаривались о размере выкупа и размере приданого. Договаривались и о времени проведения церемонии кидушим (кядуш бэн ду) – заключения окончательного торжественного договора, при котором произносится первое благословение – кидуш. Кидуш производится в доме у девушки, на торжество приглашается много гостей, в основном – женщины. Невесту в этот

день ждут подарки от жениха. Во время этого торжества договаривались о времени свадьбы. Для этого, как правило, выбирали осень, то есть время окончания уборки урожая.

После церемонии "кидушим" невесте разрешалось выходить на прогулку с женихом, ходить в кино, театр, на концерты, на свадьбы и другие торжества. Однако жених и невесту обязательно должен был сопровождать кто-нибудь из близких невесты (брат, сестра, подруга).

В канун свадьбы, особенно в последнюю неделю перед ней, невесте не разрешали встречаться с женихом.

У евреев Восточного Кавказа проводятся две свадьбы: первая — в доме невесты, куда также приглашают все семейство и многочисленную родню жениха. На следующий день проводится свадьба в доме жениха.

В этот день (обычно в полдень) к невесте приходят представители жениха и раввин, чтобы записать приданое. После оценки приданого раввин составляет ктубу (кзтубо). После составления ктубы и обильного угощения гости уходят и начинается приготовление невесты. А после процедуры купания (миква) невесту одевают в одежду, принесенную от жениха. Под вечер начинается прощание с невестой — тут много смеха, а еще больше слез расставания... И, наконец, начинается свадебное шествие — с музыкой, танцами, факелами (бэргулу). Во главе шествия идут жених с сопровождающими его братьями и друзьями. За ними, покрытая фатой, идет невеста в окружении родных, братьев, многочисленных подруг. Все подруги несут зажженные свечи. Сопровождающие несут часть приданого — один комплект постельного белья, матрац, подушки, зеркало и горящую лампу. Если в приданое входит ковер, несут и его.

У ворот дома свадебную процессию встречают родители жениха. После недолгого "торга" невесту "выкупают" (за символическую сумму) у ее братьев (жильгирго). Мать жениха, до сих пор ожидавшая с нетерпением с чашкой меда в руке, подходит к невесте, обмакивает свои пальцы в мед и кладет пальцы невесте в рот, потом она обмакивает в мед ее пальцы и кладет себе в рот, а затем уводит невесту в дом, но у ворот снова обмакивает пальцы правой руки невесты в мед и обмазывает медом косяки или перекладины ворот, чтобы дом этот был ей сладким и чтобы она тоже была сладкой этому дому. Наконец все входят во двор, и невесту вводят в комнату, где должны проводить хупу.

На хупу допускаются только близкие родственники с обеих сторон и самые верные друзья жениха.

Затем появляются жених с невестой.⁷² Обязательным на свадьбе является танец невесты. На танец первым ее приглашает самый близкий человек жениха⁷³ (отец или брат). Затем с невестой танцуют все желающие. При этом каждый танцующий дает невесте деньги или подарок (кольцо, золотые часы, браслет, цепочку и т. д.). Танец невесты завершает первую часть торжества. После этого подают еду и напитки. Свадьба продолжается до утра.

После танца, когда еще идет пиршество, невесту отводят в ее спальню, где заранее приготовлена постель, принесенная из родительского дома. Постель готовят две свидетельницы: одна — пришедшая с невестой, другая — со стороны жениха.

Потом двое свидетелей (один со стороны невесты, другой — со стороны жениха) "подготавливают" жениха, после чего он входит к невесте.

Через некоторое время жених выходит с платком, подтверждающим невинность невесты, и подает его свидетелям, а свидетельницы спешат к невесте.

После этого молодой муж целую неделю не должен подходить к своей жене. Всю неделю ее "охраняют" подруги и многочисленные родственницы с обеих сторон.

Платок невинности — гордость матери — друзья жениха этой же ночью несут родителям невесты и за это получают вознаграждение — вино, кур, деньги.

После свадьбы пиршество в доме жениха продолжается до вечера исхода субботы. В этот вечер (шэв Элиягу Анави) собирается много гостей.⁷⁴

Три субботы после свадьбы из дома невесты приходят к дочери и приносят ей и всему дому жениха подарки, сладости и другую еду. Это делается для того, чтобы невеста в "чужом" доме не стеснялась.

Следует добавить, что два-три последних десятилетия выбор невесты и жениха производится с полного согласия парня и девушки. Родители почти не вмешиваются в это. Уже давно не существует выкупа невесты, вопрос приданого также не является главным при помолвке.

Описывая свадебный обряд, следует отметить, что у евреев Восточного Кавказа существует запрет жениться на племяннице как по линии брата, так и сестры, а также на родной сестре отца или родной сестре матери. Однако очень популярна женитьба на двоюродной сестре, особенно по линии отца. Считается благородным делом жениться на овдовевшей жене брата, если у нее нет детей.

Народное лечение и гомеопатия

Как вообще на Кавказе, так и на Восточном Кавказе очень развита народная медицина. Популярна она и среди евреев.

С раннего детства родители объясняют детям, как вести себя, чтобы избежать той или иной болезни. Например, категорически запрещается запивать горячий хлеб холодной водой, поскольку это разрушающе действует на организм. Запрещается после жирного пить холодную воду, так как это расстраивает желудок, и т.д.

Кавказские евреи с незапамятных времен были склонны к гомеопатическому лечению, при котором лекарственными средствами служат растительная пища и всевозможные травы и цветы, разнообразием которых славится Кавказ. О некоторых из этих методов лечения мы и расскажем вкратце.

Наиболее тяжелой болезнью у евреев считалась простуда: все болезни — от простуды, учили старики. Простуда имеет несколько стадий. Последняя, наиболее тяжелая ее форма, называется "сютэлжэн". Легкую форму простуды — сэрэ-тумов — лечили крепким чаем с большой порцией хартутового⁷⁵ варенья. Выпив несколько стаканов такого чая, ложатся в постель, накрывшись с головой. Больной потеет, с потом выходит и болезнь. Если такое средство не помогает, то больному ставят банки. Банки применяются двух видов: "сухие", т.е. обыкновенные банки, и банки двойные, то есть за сухими сразу следует "горячие" — с горящим фитилем. Для этого делают надрезы на коже, чтобы банки "высосали простуженную кровь".⁷⁶ После снятия банок спину очищают от спекшейся крови, больного укутывают в шерстяное одеяло и дают ему поесть тонкий хинкал (вид галушек)

с приправой терновой кислоты — тюрши. Все это делается в теплой комнате, а если это происходит в зимнее время, то комнату натапливают особенно сильно. Если больной обильно потеет, то это первый признак, что он выздоравливает. Обычно наутро больной чувствует себя здоровым, но немного ослабевшим. Поэтому на следующий день он должен соблюдать постельный режим. Больной должен помнить, что пока не сойдут следы банок, он должен стараться не простуживаться, так как это может привести к очень тяжелым последствиям.

Сютэлжен — это такое состояние, когда у человека все мышцы от простуды словно затвердевают. От сютэлжена лечили, а некоторые лечат и теперь, многократными горячими банками (кадах) в течение нескольких дней. Но уже после первых банок видно, поддается ли болезнь лечению таким методом. Если видят, что такой метод бесполезен, то режут черного козла, шкуру снимают и еще теплой надевают на голое тело больного мездрой внутрь. Больной остается в шкуре несколько часов, всю ночь, а то и сутки. Когда он приходит в себя, его освобождают от шкуры. После этого главным является усиленное питание и стимуляция откашливания, чтобы очистить легкие от скопившейся мокроты. Следует отметить, что такому методу лечения подвергаются только люди со здоровым сердцем.

Упомянутая процедура со шкурой черного козла применяется еще и к человеку, перенесшему побои, если не произошло перелома костей. К ушибленным частям тела прикладывают плоские куски свежего телячьего мяса, предварительно отбитого деревянным молотком.

Говоря о болезнях вообще, заметим, что до недавнего времени такие болезни, как гипертония и гипотония, язва желудка или сердечные болезни и даже рак были редкими среди евреев Восточного Кавказа. И в самом деле, откуда могло взяться у людей повышенное давление крови — гипертония, если только за одну зиму каждая семья потребляла в пищу в среднем 20–30 тыкв! А тыква, как известно, лучшее средство против этой болезни! Что касается гипотонии — пониженного давления крови, то следует отметить, что на Кавказе употребляют в большом количестве гематогенные блюда, к примеру, всевозможные шашлыки, а также фрукты и много продуктов с высоким содержанием глюкозы. Но если изредка и встречались случаи гипертонии, то против этой болезни имелось много средств. Например, толченый чеснок в молочной сыворотке (дуг). А если такие средства не помогали, то "специалист" брал кровь из определенных точек лба с помощью обыкновенного ножа и рога бычка, так называемого хажамет.

В разделе "Кухня" мы говорили, что каждая семья заготавливала на зиму в изобилии сгущенные соки кислых плодов — тюрши. С давних времен евреи знали, что кислота в организме человека — наилучшая защита от многочисленных возбудителей болезней.

Для понижения температуры больному дают крепкий чай с кизилловым вареньем.

Лучшим слабительным считается зеленый борщ, приготовленный из травы под названием тара.

Для закрепления желудка применяется вареная груша, являющаяся и великолепным десертом. Но если это не помогает, то восстанавливают желудок айвой.

Яблоки являются превосходным средством против изжоги. Они способствуют пищеварению и восстанавливают обмен веществ.

Семена тыквы служат хорошим средством против глистов, поэтому каждая хозяйка запасается ими в большом количестве.

В качестве успокоительного средства применяют отвар *маковой щечки*.

Трава *шинг* — очищает желудок от попавших в него волос.

Пиавки используют для высасывания "испорченной" крови.

Если во рту появились язвы — "лэлэрдэ", то лучшим средством лечения считали волос. Брели один или несколько волосков, обязательно длинных, скручивали, и больной клал "лекарство" в рот перед сном, а утром вытаскивал. Если болезнь была запущена, то процедуру повторяли неоднократно до полного выздоровления.

Чтобы избавиться от бородавок на руке, руку вкладывали в рот ослу, а если бородавки были на других частях тела, то давали ему облизывать их.

Радикулит лечили укусами пчел, от нарывов избавлялись с помощью печеного лука, теста с сахаром, шкуры зайца, моченого в уксусе и т. д.

Сложнее обстояло дело с костоправством. Правда, простые вывихи умел лечить практически каждый взрослый. Но серьезные переломы доверяли лечить специалистам — "жарах", которых почти всегда не хватало: на несколько аулов приходилось по одному-два специалиста.

С изменением условий жизни изменилось и отношение к народному лечению. Причин тому много. В частности, повлияло и ухудшение материальных возможностей населения. К примеру, если раньше 20—30 тыкв человек приобретал менее чем за дневной заработок, то зимой 1973 года в Махачкале на базаре один килограмм тыквы стоил пять рублей: эту сумму квалифицированный рабочий зарабатывал за восьмичасовой рабочий день...

Религия

Говоря о религии, необходимо указать, что в условиях СССР найти материалы о религиозной жизни в исторических источниках почти невозможно. В трудах современных советских историков если и можно прочесть — между строк — хотя бы что-то о истории евреев, то о религии сказано лишь, что иудаизм является "анти-народным течением". Только историки прошлого отмечали нераздельную связь еврея с религией.

Прежде всего отметим, что кавказские евреи пользуются так называемым "сефарадским носахом". Почему? Ведь кавказские евреи — не выходцы из Испании, хотя среди них имеются и потомки тех, кто переехал на Кавказ позднее, примерно 500 лет назад. Нетрудно поэтому прийти к предположению, что еврейские религиозные предписания появились на Кавказе за много веков до появления самого ашкеназийского течения.

Патриархом, первым духовным руководителем еврейской общины всего Восточного Кавказа в последнее время принято считать раби Элиягу бен Мушаэля. Однако дело обстоит не совсем так: первым раби, возглавившим общину в начале 19 века, был р. Израэль Нуколи, которого называли также еще и Мизрахи. Другие называли раби Израэля праведником и провидцем. Он являлся почетным раввином всей округи, хотя постоянным местом жительства его был Нукол.⁷⁸ Раби Израэль сделал многое, чтобы создать главный раввинат. По дошедшим до

нас сведениям, этот человек пользовался большим почетом не только среди евреев, но и среди мусульман всей округи и даже области. Кроме того, что он был великим знатоком еврейских религиозных писаний, р. Исраэль обладал еще и даром ясновидения. А главное, ни один человек не уходил от него, без поддержки – будь то материальная помощь или благословение.

Талмудическое образование р. Исраэль получил самостоятельно.

Р. Исраэль всегда был почетным гостем на всех торжествах у хана Нукола (разумеется, хан знал, что евреи строго придерживаются кошерности).

Из поколения в поколение в народе передаются рассказы и легенды о деяниях р. Исраэля и о любви народа к нему. Так, рассказывают, что как-то в очередной раз р. Исраэль был приглашен к хану на большое семейное торжество, на котором присутствовало много ханов и беков из дальних округов. Естественно, некоторые из них не знали раби, и им было непривычно видеть еврейского раввина. И один из ханов с явным недоумением и недовольством спросил у хозяина дома: "Кто этот жгуд, которого ты так принимаешь?". Его тон выдал, что хан недоволен действиями хозяина, "осквернившего" чувства правоверного мусульманина приглашением еврея. "Ведь одно только присутствие еврейского моллы" – уже оскорбление для всех присутствующих!" – продолжал обиженный гость. Долг гостеприимства не позволил хозяину заставить гостя замолчать.

В разговор вмешались другие гости, знавшие р. Исраэля. Успокаивая "оскорбленного" хана, они объяснили ему, что этот еврейский молла – самый уважаемый человек во всей округе, и попросили хозяина познакомить этого хана с раби. Тогда хозяин подвел гостя к раби. Раби встал и с почтением поклонился хану. Видя, что хан-хозяин тоже поклонился раввину, поклонился и гость. Не дав сказать ханам ни слова, р. Исраэль сказал хозяину: "Кто этот человек и что он делает здесь? Пусть немедленно уезжает к себе!".

Негодующий гость хотел было возмутиться, но хозяин перебил его и спросил у раби: "А что, что-нибудь случилось?" Раби ответил, что пока ничего не случилось, но он должен немедленно уехать. И оскорбленный хан со своей свитой отправился к себе домой. Через шесть дней приехал вестник с двумя груженными арбами и сообщил хану, что эти арбы "изгнанный" гость прислал для "еврейского моллы" и передал хану письмо. В письме сообщалось, что несколько недовольных слуг, узнав, что хозяин уехал надолго, плотно закрыли двери и окна его дома и обложили дом соломой. Если бы в этот момент хозяин не появился, то злоумышленники спалили бы весь дом со всеми домочадцами. Хан благодарил р. Исраэля, кланялся ему и просил прощения у своего друга-хана...

Народная молва донесла до нас обстоятельства гибели р. Исраэля. Раби Исраэль был уже стариком и часто болел. Как-то, плохо чувствуя себя, он пошел отдохнуть в свою комнату и приказал жене никого не впускать. Он предупредил жену, чтобы она обязательно заперла дом, если уйдет куда-то. Вскоре соседка позвала жену раби на минутку зайти к ней. И она вышла, не заперев дверь. И в это время сельчане-мусульмане вошли в дом к раби и нанесли спящему смертельные удары кинжалом. Жена вернулась, ничего не подозревая, и стала ждать, когда муж встанет и они пообедают. Потом она подумала, что муж так долго никогда не отдыхал, и пошла будить его. В постели она нашла окровавленный труп Исраэля. В ужасе она с криком выбежала на улицу. На шум собрался народ, выяснилось, что кто-то видел двоих, выходивших из дома час назад.

Печальная весть мгновенно разнеслась по всему аулу, люди повторяли имена убийц. Молва рассказывает, что вместе с толпой за убийцами бежали и их родители, бросая камни в своих преступных сыновей.

В двух километрах от селения Нукал, по дороге в Мугорти, есть возвышение, называемое "проклятым холмиком". Говорят, что этот холмик сложен из брошенных в убийц камней. И еще долго все путники с проклятиями бросали камни на этот холм, где были заживо погребены убийцы р. Исразля.

Впоследствии выяснилось, что это мусульманский мурла, завидуя популярности раби Исразля, подкупил несмышленных юношей и заставил их совершить коварное убийство... Несмотря на то, что в Нуколе и во всей округе давно уже не живут евреи, могила р. Исразля свято охраняется мусульманами. Бесплодные женщины ищут здесь утешения и просят великого праведника помочь им. Молодые люди тайком от окружающих приходят сюда просить помощь в любви. Люди, страдающие от страшных недугов, перед которыми бессильны врачи, приходят к могиле праведника просить исцеления.

После смерти раби Исразля, примерно в начале 20-х годов 19 века, главным раввином стал р. Элиягу бен Мушазль (1781–1848). Получивший талмудическое образование в ешиботах Багдада, он сумел завершить работу над созданием главного раввината всей общины и возглавил его. Раввинат располагался в Дербенте вплоть до его ликвидации при советской власти.

Дербент являлся духовным центром всей еврейской общины на Восточном Кавказе.

Главному раввинату подчинялись все раввины, начиная от раввинов города Кубы до раввинов Северного Кавказа. Более того, усилиями р. Элиягу удалось открыть широкую сеть религиозных школ по всему Восточному Кавказу.

Считается, что р. Элиягу был великолепным педагогом и воспитателем. Его учениками были такие известные впоследствии раввины, как Ицхак бен Яков и р. Акива по прозвищу "жиринг", завершившие свое талмудическое образование в ешиботах Ближнего Востока. По преданию р. Акива в свое время оказал Иосифу Черному (Эшкенези) большую услугу при сборе материалов о жизни и быте евреев Восточного Кавказа (горских евреев). После смерти р. Элиягу главный раввинат возглавил один из его талантливых учеников р. Ицхак бен Яков (1795–1877). А даяном (религиозным судьей) всей общины р. Ицхак был избран еще при жизни р. Элиягу.

Одним из первых (если не первым) среди евреев Восточного Кавказа, получивших талмудическое образование в Восточной Европе в дополнение к своим знаниям, был р. Ицхак бен Яков.⁸⁰

За бескорыстную любовь к своему народу и честную службу русским властям наместник Кавказа наградил его в 1860 году грамотой и серебряной медалью.

Раби Ицхак, как и его учитель р. Элиягу, тоже оказался талантливым преподавателем и воспитателем. Этот человек вырастил и обучил многочисленных знатоков Торы и талантливых раввинов. Среди них были р. Иосиф бен Дан – бессменный спутник и последователь р. Якова и родной сын р. Ицхака – р. Яков. Раби Яков бен Ицхак (в народе его называли р. Яанкил) был наиболее талантливым из всех учеников раби Ицхака.

В 1868 году престарелый р. Ицхак бен Яков с согласия общины передал раввинат своему сыну р. Яякилу. Если первоначально община кавказских евреев

охватывала территорию Азербайджана до юго-востока и всю полосу Восточного Кавказа до самой Кубани на Северном Кавказе, то при р. Янкиле главный раввинат делился на два административных района. В первый входила территория Северного Кавказа (Кубанская часть, Кабардинская область, Чеченская область и часть Северного и Нагорного Дагестана). Остальная часть Дагестана и Азербайджанская область входили во второй административный район. Этот район и относился к дербентскому раввинату, возглавляемому р. Янкилом.

Еще совсем молодым 22-летним раввином р. Янкиль показал себя талантливым исследователем еврейской философии и вошел в доверие всей общины и русских властей. Он также завершил свое образование в Восточной Европе (в г. Белая Церковь) и настойчиво пропагандировал учебу в Восточной Европе. Так центр образования для кавказских евреев окончательно переместился с Ближнего Востока в Восточную Европу.

Р. Янкил находился на должности главного раввина и главного даяна дербентского административного района на протяжении тридцати девяти лет вплоть до отъезда на Обетованную землю на постоянное жительство. О его глубоком знании священного писания свидетельствуют выпущенные им комментарии к молитвам Нового года (Рош-а-шана) и к молитвам Судного дня (Йом-а-кипурим).

После выезда р. Янкила в Эрец-Исраэль главный раввинат ненадолго возглавил р. Элиягу Анохи. Его сменил на этом посту раби Яшая Рабинович. Р. Яшая руководил раввинатом до прихода советской власти в Дагестан, то есть до 1918 года.

Как-то в начале века на Кавказе выдался неурожайный год и многие хозяйства оказались в бедственном положении. Раби Яшая потребовал тогда в раввинате, чтобы людям разрешили на Пасху не лудить медную посуду, а тщательно вымыть ее кипятком, так как лудить посуду стоило дорого, а народ был беден. За это предложение он подвергся критике со стороны главного раввина и его сторонников. Тем не менее, в один из субботних дней в синагоге он заявил во всеуслышание своей жене, находившейся среди других женщин: "Жена, я тебе приказываю на эту Пасху посуду не лудить, а вымыть ее в кипятке, произвести *агала*, и пусть твоему примеру последуют все те, кто желает этого!"

Говорят, что ортодоксы совершили на него покушение, когда он выходил из синагоги, но народ защитил его.

Этот замечательный человек, сделавший очень многое для кавказских евреев, неоднократно подвергался арестам ЧК. Измученный моральными и физическими пытками, он скончался в 1920 году в городе Порт-Петровском (ныне Махачкала).

После смерти раби Яшая Рабиновича главный раввинат распался. Это произошло не потому, что не было достойных претендентов на пост главного раввина (наоборот, их было предостаточно), а потому, что атеистическая советская власть укрепилась и еврейское руководство упразднило главный раввинат, желая хоть как-то показать властям, что евреи хотя и религиозны, но вполне лояльны по отношению к советской власти. Тем не менее местные общинные раввинаты повсеместно сохранились.

После смерти р. Яшая даяном общины Дербента стал р. Элиягу Дадашев. В 30-е годы, когда храмы всех религий в СССР были закрыты, а то и превращены в склады или даже конюшни,¹¹ главные раввинаты повсеместно самораспустились, чтобы не быть мишенью для государственной политики атеизма. И после этого

организованная религиозная власть евреев Восточного Кавказа фактически перестала существовать. Правда, потом, во время второй мировой войны, давление на религию несколько ослабло, и в некоторых местах главные раввины снова заняли свои посты при синагогах, а отдельные общины даже восстановили свои раввинаты. Но эти раввинаты не имели никакой власти, они просто поддерживали религиозный порядок в общине.

В 1942 году Дербентский раввинат тоже начал функционировать, и даяном снова стал р. Элиягу Дадашев. Приблизительно в 1955 году престарелый р. Элиягу прекратил свою деятельность даяна, и одновременно окончательно прекратилась деятельность раввината. Добавим, что в бытность р. Элиягу даяном раввином был р. Авраам, который до конца своей жизни (приблизительно 1964 год) остался на этой должности.

После смерти р. Авраама положение раввинов в Дербенте осложнилось. Еще были раввины, имеющие дипломы (достуры), но в силу определенных обстоятельств они уже не могли служить, р. Иосиф бен р. Еовдо, бывший раввином в Маджалисе и обслуживавший почти все районы севернее Маджалиса, не смог вернуться в Дербент. Видеть главным раввином высокомерного р. Манаше община не хотела, хотя по своим знаниям он не уступал гаонам. Раби Рамбам бен р. Шаул, бывший тогда раввином Нальчика и обслуживавший все близлежащие пункты, тоже не смог вернуться в Дербент. В результате около года синагога Дербента не имела собственного раввина.

Однажды стало известно, что в Кубе временно живет раввин-ашкеназиец. В Кубу немедленно отправилась делегация. В Дербент она вернулась с раби Исраэлем, по каким-то причинам уехавшим из Львова. Раби Исраэль в течение пяти-шести лет (с 1965 по 1970 год) был главным раввином синагоги в Дербенте.

Мусульмане города и близлежащих сел, к тому времени лишенные специалиста, который мог бы производить обрезание их детям¹¹, прибегали к услугам р. Исраэля, который за хорошее вознаграждение проводил эту операцию. Община ему в этом не препятствовала. Из-за того, что Исраэль таким образом участвовал в религиозных делах мусульман, он был предупрежден партийными органами и органами милиции. Вскоре ему предложили покинуть пределы Кавказа. Раввина могли убрать и без предупреждения, но органы власти, видимо, не хотели открыто портить отношения с еврейской общиной. В 1970 году раби Исраэль покинул Дербент. В свою бытность раввином в Дербенте р. Исраэль подготовил двух учеников, в какой-то мере знающих законы богослужения. Это были Шаул и Рахмани, прикрепленные советом синагоги к нему в качестве помощников. Перед тем, как покинуть Дербент, р. Исраэль выдал Шаулу и Рахмани дипломы (разрешения) на самостоятельную раввинскую службу.

После р. Исраэля его обязанности выполнял р. Рахмани. Видя, что р. Рахмани не в состоянии полностью удовлетворить ее нужды, община пригласила р. Ифила из Кубы, но вскоре власти обвинили его в том, что после проведенной им операции "брит-мила" умер ребенок. Раби Ифил был приговорен к двум годам лишения свободы.¹² После этого раввином стал снова р. Рахмани, который и поныне является главным раввином синагоги в Дербенте.

В настоящее время в Дербенте имеются три раввина — р. Рахмани, р. Шаул и р. Давид.

Мы не случайно начали этот раздел рассказом о положении дел в Дербенте,

хотя община Кубы считалась в прошлом более религиозной. Дело в том, что религиозная жизнь дербентской общины более характерна для всей общины кавказских евреев. Так, при решении вопроса о создании нового поселения члены общины всегда требовали, чтобы на новом месте обязательно был миньян — десять молящихся, чтобы было обеспечено строительство общественного молельного дома, а детям гарантированы занятия Торой. Без решения этих трех вопросов строительство поселения откладывалось.

В официальной статистической ведомости 1835 года, когда был зарегистрирован всего один "кагал" еврейского населения, мы видим, что уже тогда действовали бейт-а-мидраш и четыре школы; был городской раввин, синагогальный служка и т. д. Тем не менее в графе "синагоги" стоит прочерк — это значит, что синагоги тогда в Дербенте еще не было. Однако тот факт, что в ведомости указан синагогальный служка, дает нам основание предполагать, что синагога или же молельные дома, пусть даже не зарегистрированные, были. В сельских районах вокруг Дербента на два "кагала" действовали две синагоги, три временные молитвенные школы, три детские еврейские школы и т. д.

В Кубе на один "кагал" имелось три синагоги, четыре временные молитвенные школы. Столько же религиозных учреждений было в самом Кубинском районе. В начале 20 века в Кубе насчитывалось одиннадцать синагог, несколько бейт-а-мидрашей и других религиозных школ.

По дошедшим до нас сведениям, 150 лет назад главным раввином кубинской общины был раби Ицхак. После его смерти главными раввинами Кубы были его

После них еврейская религия исчезнет на Восточном Кавказе. (Проводы Гильада Акозна — четвертый справа — в Израиль. Нальчик, 1979 год).

сыновья, вначале раби Хаим, а затем раби Гюршюм.

О религиозности этой общины говорит тот факт, что к приходу советской власти в Кубе насчитывалось одиннадцать синагог: 3 в Гилгатском квартале, 2 в Кусарском квартале, 2 в Гилякском квартале, 2 в Шавканском квартале и 2 в Гаттинском квартале.

Нам удалось установить имена лишь немногих раввинов, служивших в Кубе до и во время гонений советской власти на религиозные учреждения: р. Ханука, р. Янкил, р. Миши, р. Симанду, р. Хаим, р. Аарон (Эзрю). Трое из них, р. Ханм. р. Аарон и р. Янкил, в 1936-37 гг. были репрессированы.

В 80-х годах 19 века в Дербенте – впервые на Восточном Кавказе – известным раби Реуеном Рабиновичем была основана “хевра кадиша”. После этого почти у всех остальных кавказских еврейских общин также появились погребальные учреждения.

По утверждению современников, Большая дербентская синагога, построенная в середине 19 века, в 1914 году была заново перестроена на средства общины. Значительную часть этих средств пожертвовали представители рода Ханукаевых, поэтому они и составляли большую часть совета синагоги. Некоторые из членов этой семьи даже считали, что синагога принадлежит им. В конце 30-х годов нашего века после поджога синагога была капитально отремонтирована, снова на общественные средства.

30-е годы были на Кавказе самыми тяжелыми для религии. Мы уже отмечали на примере Дербента, какая участь постигла религиозные храмы, но евреи сумели сохранить по одной синагоге или молельному дому в каждом городе или населенном пункте, где они жили. Правда, это стоило общинам немалых хлопот и требовало большого самопожертвования. Многие раввины и члены религиозных общин были заключены в тюрьмы и психиатрические больницы. Одним из них был р. Иосиф бен р. Ягуда. Этот бесстрашный человек переселился в подсобное помещение во дворе большой синагоги Дербента и открыто заявил: “Только через мой труп вы закроете этот храм, в котором молились мой дед, мой отец и в котором молюсь я!” Его неоднократно помещали в психбольницу, каждый раз через день-два опускали, и он снова возвращался в синагогу. Так была спасена Большая синагога Дербента. Раби Иосиф считался поистине народным раби. Не было на Восточном Кавказе – от Азербайджана на юге до Кабардино-Балкарии на севере – еврейской общины, где бы этот раби хоть какое-то время не служил. Когда он умер, похоронная процессия растянулась более чем на километр – в ней шли делегации от всех общин Кавказа, в том числе мусульманских и христианских.

В Дербенте были и другие раввины, которые так же самоотверженно отстаивали свои религиозные убеждения, например, такие как р. Даниель Гилядов, р. Ягуда бен раби Шмоэл (отец раби Иосифа), р. Давид, р. Эфраим и многие другие. Эти мужественные люди до конца своей жизни учили детей святому писанию, несмотря на то, что обучение детей Торе сурово каралось ГПУ. Раби Шаул обучал Торе детей бедняков бесплатно.

Кавказкая община дала миру двух выдающихся гаонов: раби Ицхака Агаона бен Якова и раби Азарью Агаона бен раби Саадию (Мамаранского). Были среди них и многие выдающиеся раввины: р. Манаши, р. Гюршюм из Кубы, р. Яков из Кубы, р. Ицхак из Кубы, р. Шабатай из Арага, р. Ханука из Арага и многие

другие, не говоря уже о р. Яанкиле, (Якове бен Ицхаке), чьи философские взгляды ныне признаны всеми еврейскими религиозными общинами мира. Кавказские евреи помнят р. Ярухама бен р. Ханука (1890--1923), еще в молодые годы окончившего духовную семинарию (ешиву) в Ковно. Раби Ярухам одновременно служил главным раввином общин Тарки, Темирхан-Шуры и Порт-Петровска.

"Хедер". Р. Ягуда бен р. Шмозл ведет занятия с детьми по изучению Торы. (Головные уборы свидетельствуют, что большая часть детей является также учащимися реальной школы города Дербента). Дербент, 1919. Из архива Ф. Шапиро.

Примерно с начала 40-х годов уже не было ни одного раввина, у которого бы сохранился "хедер" – начальная религиозная школа, устраиваемая раввином в своем доме. Правда, еще в течение нескольких лет некоторые раввины продолжали вести обучение отдельных учеников, но вскоре стало невозможно делать и это. С уверенностью можно сказать, что с 1945–46 годов еврейское религиозное обучение на Восточном Кавказе полностью прекратилось. Более того, запуганные люди начали вообще отходить от религии. Доходило до того, что агенты НКВД фотографировали людей, выходящих из синагоги. Одной такой фотографии было достаточно, чтобы уволить человека с работы и даже отдать под суд как "буржуазного националиста". Если кто-то брал с собой в синагогу сына или внука, это влекло особый показательный процесс. Религиозных молодых ребят исключали из школ, техникумов и институтов.

Здесь уместно привести цитату из исследований Ф. Л. Шапиро, отдавшего много лет просветительской деятельности на Восточном Кавказе (в Баку, Кубе и других городах и деревнях): "Вопрос о культурном состоянии горских евреев не может быть освещен более или менее полно без параллельного ознакомления с их религиозным бытом. Мы полагаем, что трудно найти еще одну народность, у которой религия так пропитала бы все поры жизни и быта, как у горских евреев. Обычно молодежь является наиболее свободолюбивой и вольной частью

населения. Распространить это положение на горских евреев было бы совершенно неправильно..." (Сборник статей и материалов).

К этому мы можем добавить, что молодежь как бы с молоком матери впитывала основы религии. Совершенно очевидно, что еще полвека тому назад на Восточном Кавказе жизнь евреев была тесно переплетена с религией. Но если учесть, что на Кавказе уже несколько поколений не изучают Тору, а стариков, знающих священное писание, становится все меньше и меньше, то можно сказать, что служителей еврейской религии на Восточном Кавказе почти не осталось.

Так исчезает религия, давшая возможность кавказским евреям оставаться самими собой более двух с половиной тысяч лет. Совестная власть почти уничтожила иудаизм на Восточном Кавказе. И если не произойдет чуда (как часто мы, евреи, надеемся на чудо!), то спустя еще поколение религия отцов здесь окончательно канет в небытие.

Связь с исторической родиной

Мы уже говорили, что кавказские евреи (во всяком случае, основатели кавказской диаспоры) — это евреи, плененные и угнанные из Израиля ассирийским царем Салманасаром. После разрушения Первого храма появилась Мишна, а после разрушения Второго Храма — Талмуд. Эти оба свода письменно зафиксированных молитв попали на Кавказ — в Атурпатакан⁴⁴ вскоре после их написания. Возможно, эти святые книги принесли с собой новые волны гонимых евреев. Но в любом случае прямая связь у евреев Кавказа с исторической землей существовала.

Многие энциклопедии, ссылаясь на Талмуд и древнераввинские источники, связывают имя Бар-Кохбы⁴⁵ с кавказскими евреями. "В эпоху мессиянского движения Бар-Кохбы еврейское население Кавказа было, по-видимому, значительным, и р. Акива, предприняв свою агитационную поездку, посетил и Кавказ" (Евр. энцикл., статья "Кавказ").

Можно предположить, что кавказские евреи в ответ на призыв р. Акивы, снарядили отряд и отправили его на историческую родину, чтобы помочь своим восставшим братьям.

О связи кавказских евреев с исторической родиной свидетельствуют и другие исследования. В частности, в Еврейской энциклопедии в статье "Дербент" мы находим следующие строки: "Если согласиться с Иосифом Шварцем, ... отождествляющим Д. с упоминаемым в Иерушальми Мегилла, IV, פנחס, то в Д. уже в ту эпоху существовала еврейская община, и аморай раби Симон Сафра состоял у них учителем".

Не принять это предположение нельзя хотя бы потому, что название "Тербент" не может отождествляться с другим названием, ибо в мире нет другого Дербента (Тербента). А раз так, то действительно уже в тот период раннего средневековья (5—6 вв.) у евреев Дербента была налажена и духовная жизнь. А это в свою очередь доказывает и другое: с возникновением города-крепости Дербента, как мы и утверждаем, возникла и еврейская община. Мы знаем, что титул "аморай" принадлежит создателям талмудов (Иерусалимского и Вавилонского) — это, в свою очередь, означает, что в указанный период аморай р. Симон Сафра связывал

кавказских (дербентских) евреев с исторической родиной.

Что касается двух последних всков, то современные историки относят активизацию этой связи к временам так называемой первой алии, т. е. к 80-м годам 19 века. Однако мы не согласны с тем, что именно первая алия положила начало восхождению кавказских евреев в Эрец-Исраэль. К примеру, недавно в семейном архиве одного из репатриантов из Кубы, жителя поселка Афек (улица Йонатан № 1) Шломо Якубова обнаружилось письмо, отправленное из Иерусалима на Кавказ (в г. Куба) соответственно 102 и 110 лет тому назад. Приводим здесь переводы этих писем с некоторыми сокращениями⁶⁴.

Письмо первое

"Сегодня пятый день недели, 17 числа месяца шват, 1873 г.

Большой привет моему любимому другу, люблю тебя как мою жизнь, люблю тебя как мои глаза, дыхание мое прикреплено к твоему дыханию, брат старший, расти тебе с почетом, р. Яков Бенаа! И уважаемому, любимому другу, любви моего дыхания, я люблю тебя как зрачки моих глаз, твоё дыхание прикреплено к моему дыханию, господин мой старший брат Рувин Бенаа. И уважаемому, любимому другу, любви моего дыхания, я люблю тебя как зрачки моих глаз, мое дыхание прикреплено к твоему дыханию, сын моей сестры Азария, сын Яшаия. И уважаемому, любимому другу, любви моего дыхания, я люблю тебя как зрачки моих глаз, Михаэль сын Азария. И уважаемому, любимому другу, любви моего дыхания, я люблю тебя как зрачки моих глаз, и твоё дыхание прикреплено к моему дыханию, сын моего брата, Ицхак, сын Рувина! И уважаемому, любимому другу, любви моего дыхания, Моше, сыну Яакова. И уважаемому, любимому другу Яшуа Рабо. И уважаемым друзьям Меиру и Хануке, сыновьям Рувина. И уважаемому, любимому другу, любви моего дыхания Элиягу, сыну Яакова. И уважаемым, любимым друзьям Эфраиму и Бенаа, сыновьям Мордехая. и уважаемому, любимому другу Илелю, сыну Зарбавилы и Ягуда. И уважаемым, любимым друзьям Шломо, Едади и Амиелу, сыновьям Асаила. И всем уважаемым членам семейств, от больших до маленьких, и пусть Бог сохранит вас от всего плохого. Сообщаем, что мы, нижеподписавшиеся, живы и здоровы, и вы будете живыми и здоровыми. Пусть Бог продлит вам жизнь, амины! Знайте, что сегодня 10 месяцев, как Шабтай, мой товариш разошелся со мной, и я остался один. Я в большой нужде. И если спросите, почему я в нужде, знайте: первое – это то, что у меня нет средств к существованию, потому что нет у меня на руках сбережений... И второе: наша мать постарела, отупела умом, и каждую минуту, каждый час требует кушать и одеваться. Сажу с ней с большой болью в душе и не могу выносить. Я дошел до такого состояния, что готов ударить от нее в другую страну, потому что у меня нет сил и возможностей дать ей, чего она требует.

Сегодня к этим страданиям появилась еще другая боль: хозяин дома пришел просить квартплату шесть лир. А у меня нет даже гроша. Я не знаю, куда мне деваться. И еще сегодня пришло ко мне страдание на страдания – пришел муж дочери с самой дочерью Леей, сказал, что нет у них на что кушать и одеваться, и требуют они от меня, а у меня у самого не имеется ни гроша. Поэтому я, молодой, превращен, как говорится, в пепел и прах перед вашим почетом. Прошу,

пожалейте меня и моих детей. Превращая мое лицо в подлость, не оставляйте меня без помощи. Как дойдет это письмо к вам, идите к людям и просите милостыню. Пусть каждый даст то, что может. И пошлите немедленно по почте. И хас-вз-шалом, если вы не вышлете мне до 1-го адара, второго месяца, то знайте, что будем мы в большом притеснении с моей матерью: квартплата и расходы на Пасху. Брат мой Рувин, ты будь вместо Реувена, сына Яакова. Я верю, что ты мне поверишь. Я знаю, что ты меня любишь больше, чем остальные наши братья. И постарайся для меня, иди к моим братьям и родственникам и скажи им так: Братья-братья, Манаши, наш брат, находится в большой нужде, давайте поможем ему — все соберемся, и каждый пусть даст то, что он может. И тогда пошлите мне хороший подарок. И скажи им: пусть живет брат наш со своими детьми и пусть постоянноствует. Как написано: "Брат твой пусть живет с тобою". Я знаю, что приходят к вам и получают пожертвования. И теперь считайте и меня одним из тех. Сегодня у меня 8 душ, и все в ваших — моих друзей — руках находимся. Перед Святым, Благословен Он, чтобы пожалел вас! Прошу вас больше не превращать меня в подлеца, уже времени осталось мало... Я задолжал 14 золотых турецких. Даже если я вас беспокою слишком, то вы — мои братья. И я уверен, что вы выполните мое желание. Если бы я не верил, что вы мою просьбу выполните, то не писал бы это. Вы — мое мясо и кости, я уверен, что вы пожалеете меня. Я знаю, что люб вам. И знаю, что вы не обидитесь на меня, все образуется, потому, что Божье желание в ваших руках, чтобы выполнить такую мицву. Эта мицва избавит вас от всех недугов...

Снова шлю большой привет Михаэлю бен Азарье, брату моему и любви моего сердца! Ты обещал мне и говорил, что ты пришел в Иерусалим и увидел мои страдания, и что ты не забудешь меня никогда, и что будешь помогать. Что ты пойдешь к моим братьям Рувину и Якову и скажешь им, что Манаши в плохом положении и чтобы они помогли мне. Скажи им, чтобы они послали мне 22 маната, что есть того не хватает матери даже на покупку воды, соли и угля. Знай, перед Богом, говорю я правду. С прошлой Пасхи до сегодняшнего дня истратил на воду и топливо 500 груш. Но, Михаэль, брат мой, знаю, что грех не в тебе, потому что я уверил мою дочь перед Богом и возложил заботы о ней на тебя, и поэтому свалились на мою голову эти беды...

Говорили наши господа: "Кто проходит четыре шага по израильской земле, грехи того искупаются. Бог дает вам право для того, чтобы прийти в Иерусалим. И увижу лица ваши, мне хочется этого от глубины души.

Эти слова принадлежат Манаши бен Бенаа".

Письмо второе

"Сегодня пятый день недели, 28 числа месяца адар, 1873 год.

Большой привет тому, кто большой герой, и тому, кто любимый друг и любовь моего дыхания. (И еще дальше следуют многочисленные славословия и благословения) Якову, сыну уважаемого Бенаа! И уважаемому и любимому другу, любви моего дыхания, с чьим дыханием связаны глаза и дыхание мое (далее снова следуют многочисленные славословия и благословения) Рувину Бенаа! И уважаемому и любимому другу, любви моего дыхания, Мордехаю Бенаа!

И уважаемому, любимому другу, любви моего дыхания, люблю его как зрочки моих глаз, и мое дыхание привязано к его дыханию, Рахмону бар Рахмону! (Дальше следуют приветствия и благословения многочисленным родственникам – прим. переводчика.) И всем жителям города Кубы от большого до малого, мужчинам и женщинам – от стариков до молодых. Господь да сохранит вас! И, наконец, уважаемым и любимым друзьям моим, люблю их как дыхание мое, люблю их как зрочки моих глаз, Эфраиму и Бенаа, сынам Мордехая! Я помню вас, пусть Господь вспоминает вас по-хорошему и с благословением. Знайте, что мы, молодые выходцы из Кубы, от большого до малого, живы и здоровы, и вы оставайтесь живыми и здоровыми. Далее сообщаю с уважением к вам, что во второй день недели, 25 адара пришло мне письмо, от которого любит мое сердце Михаэля Азария. Открыв письмо, увидел, что внутри письма Михаэля находится еще письмо Ицхака, сына Рувина. Прочитав его, узнал, что он сообщает мне, что послал мне в подарок нарочным 50 манатов. И еще в письме Михаэля написано, что он послал мне 5 манатов. И что еще мне послал подарок нарочным Азария 10 манатов. И еще Михаэль сообщает, что послал 20 манатов от дагестанских людей и просит разделить это среди них. И еще 85 манатов для ашкеназийцев. А еще в письме имеется полис от имени Шломо Брона (Барона) на имя Меркадо-Батрана на 12000 лир – чтобы половину отдали Моше Мизрахи. И пошел я к Меркадо-Батрану и показал ему полис. Он сказал мне, что я получу от него тогда, когда он их сам получит, и я должен ожидать 21 день. Если ты не согласен, то вернись к Шломо Барону. Но я полагаю, что Михаил уже уехал из Стамбула. И хотя я боюсь, все же согласился ожидать. Но он странный человек, и хотя я и боюсь, но все же думаю, что все будет хорошо с Божьей помощью. И что получу от него все. И сделаю все так, как пишет мне Михаэль, точно так разделю людям. Но я не знаю, есть ли я между ними. Ты пишешь, что даешь по 20 лир на каждого. То, что полагается мне, останется у него до тех пор, пока придет письмо от вас... Если и я прохожу в долю, то хорошо. Если нет, то скажите, тогда я разделю все между людьми. Потому что я не хочу красть общественное. Еще сообщаю вам, что до сих пор я еще не расплатился с квартирой – верьте мне! Молюсь Богу вселенной, чтобы Он повернул сердца моих братьев в мою сторону и чтобы пожалели они меня и послали мне, чтобы я смог рассчитаться за квартиру...

Эти слова принадлежат Манаши Раби Бенаа Мизрахи”.

Письмо третье

”Сегодня начало месяца рахамим (ав), год 1881.

Большой привет уважаемому брату и другу с большим уважением Рувину, сыну многоуважаемого Бенаа. И уважаемому, любимому другу, любви моего дыхания Ицхаку, сыну Рувина. И уважаемому, любимому другу, любви моего дыхания, Меиру, сыну Рувина. И уважаемому, любимому другу, любви моего дыхания, Хануху сыну Рувина и всем членам дома его. И уважаемому, любимому другу, любви моего дыхания, Элиягу сыну многоуважаемого Якова. И уважаемому, любимому другу Яшуа, сыну многоуважаемого Якова. И уважаемому, любимому другу, любви моего дыхания, Рабо, сыну многоуважаемого Якова и уважаемым членам его дома. И уважаемому, любимому другу Эфраиму, сыну

Тури и членам его дома. И уважаемому, любимому другу, любви моего дыхания Азарие, сыну многоуважаемого Яшуа. И уважаемому, любимому другу моему, любви моего дыхания, его я люблю как зрочки моих глаз, Михаэлю, сыну многоуважаемого Яшаия. И уважаемому, любимому другу моему, любви моего дыхания, Элиягу, сыну многоуважаемого Яшаия и всем членам дома его. И уважаемому, любимому другу моему Манахиму и Бениамину, сыновьям многоуважаемого Шмоила. И уважаемому, любимому другу моему Зарбаилу и Ягуде, сыновьям многоуважаемого Гилеля и всем членам их домов. И всем жителям Кубы — от большого до малого, и всем тем, которых я забыл упомянуть. Господь Бог да сохранит всех вас! И сообщаем, что мы, нижеподписавшиеся, живы и здоровы, и

Фотокопия отрывка из третьего письма.

И что еще мне сказать приятное перед вами и перед небом?! В дальнейшем, чтобы все с Божьей помощью только хорошее было! Пишите мне письма, если жалеете, то пишите без марки, я здесь заплачу. Сегодня уже два года, как пришло одно письмо от Михазля. Мы собрали для вас среди нашей семьи и послали почтой 36 манатов. И еще одно письмо пришло от Ханона, сына Ратина (возмо-

но, Рути — написано неразборчиво; прим. переводчика) из Дербента нарочно с Ага Дэрбэнди. Чтобы вы знали, дядя, сегодня у нас на руках имеется 40 манатов для вас. С Божьей помощью, пошлем вам с Эфраимом, сыном Адара... И вот сегодня, 16-го рахамим (месяц ав) прибыли в Иерусалим Моше сын Аарона и Эфраим, сын Адара. Я пошел к Моше узнать — есть ли письмо от братьев моих для меня. Он ответил мне, даже моя мать и никто другой из жителей Кубы не знает, что я был в Иерусалиме и что вернулся разочарованным. Мне было очень жаль, что я вернулся без писем. Очевидно, это тоже искупление за мои грехи. Но Моше, сын Аарона, сказал мне, что с Божьей помощью, после Суккот он со своей матерью поедет в Иерусалим. Если захотите, пошлите с ними, и если нет, то царской почтой. И придет мне, не пропадет даже грош.

Теперь я поведаю вам о моих страданиях. Я каждый день иду и покупаю товар у торговцев, и все, что продаю, то сразу (на вырученные деньги) пополняю, и все, что суждено мне Богом, зарабатываю на этом себе и своей семье. У меня не имеется сбережений даже гроша. Но верят мне купцы, с Божьей помощью... Теперь я выкладываю перед вами мою просьбу.

Сегодня мой сын Иосиф уже достиг возраста женитьбы. Но нет у меня возможности женить его вовремя. Сегодня все гонятся за деньгами. Есть деньги — есть уважение. И не знаю, что делать, я сбит с толку! Не знаю, к кому идти и кому говорить о своих страданиях. Так говорят мудрецы, у кого болит сердце, тот должен это высказать. Нет у меня здесь ни брата, ни сестры. Благословен Он сверху и вы снизу, помогите мне сделать хупу моему сыну Иосифу с Божьей помощью. И вот я прошу вас по возможности добавить еще подарок от вас 40 манатов, которые имеются у вас и послать их мне с Моше, сыном Аарона, или с почтой — как можно скорее, без задержки, потому что я намерен сделать ему хупу в следующий Суккот с Божьей помощью. И еще передайте раву Гюршому Рувину, что сегодня 40 лет, как я в Иерусалиме, и скажите так ему: оставайся сильным, и не посылал я вам ни одного подобного письма, и не было у тебя в руках сделать мне что-то полезное...

Будьте здоровы, пусть будет здорова та, что родила вас. И как еще благословить вас: Господь пусть благословит вас, и ваших детей, и внуков ваших, и ваших сыновей, и да увидим лица друг друга. Да придет Машиах нашего избавления!

Моше, сын Бенаа

Ягуда, сын Моше

Иосиф Хай, сын Моше Мизрахи”.

Письма эти, как нам кажется, представляют большой интерес. Подобных документов сохранилось немного, а ведь именно они подтверждают и доказывают наличие прямой связи кавказских евреев с Эрец-Исраэль.

Изучение этих писем позволяет нам сделать следующие заключения:

1. До недавнего исторического прошлого на Восточном Кавказе существовали два еврейских языка — древнееврейский и современный еврейский — так как эти письма написаны на древнееврейском языке (иврите). К этому выводу мы приходим исходя из того факта, что если бы автор этих писем не был убежден, что на Кавказе свободно владеют этим языком, то он — выходец с Кавказа —

писал бы письма на современном еврейском языке, которым он, безусловно, владел как каждый кавказский еврей.

Следует отметить, что кавказская община была не единственной, говорившей в ту пору на иврите. А это, по нашему мнению, означает, что утверждение, будто современный иврит вырос из мертвого или исключительно из языка молитв, является ошибочным. Более того, мы считаем, что именно иврит является тем связующим звеном разобщенных еврейских общин, которые не понимали друг друга на языке галута.

И тем не менее, уже в начале 20 века этот язык настолько исчезает из обихода евреев Восточного Кавказа, что простые люди не понимали даже слов молитвы. Как же могло случиться, что за короткий срок, за 1–2 поколения, язык стал непонятен подавляющему большинству тех, кому он принадлежал?

Мы уже говорили, что с приходом русских на Кавказ жизнь евреев стала более тяжелой, нежели это было до их прихода. Очевидно, обстоятельства были настолько кошмарными, что евреи боялись разговаривать на иврите – "лашон акодеш". За примером не приходится ходить далеко: возьмем послевоенное поколение евреев, живущих в европейской части СССР – ведь никто не запрещал евреям разговаривать на идише и учить ему своих детей. Именно обстоятельства самой жизни заставили евреев не только не учить своих детей родному языку, а даже скрывать от них во многих случаях, что они евреи...

Следовательно, политика руководителей Советского Союза по отношению к евреям выросла не на пустом месте, а является продолжением политики великодержавного русского 'шовинизма'.

2. Уже было сказано, что кавказские евреи в обиходе пользовались багдадским письмом. Вышеприведенные письма являются одним из доказательств этого, ибо написаны багдадским шрифтом.

3. В письме, датированном 17-го швата 1873 года, его автор, Манаши, пишет в Кубу, что к его страданиям прибавилось еще одно – дочь с мужем пришли к нему жить, не имея места для жительства и средств к существованию. Он неоднократно повторяет в письме: "я превращен в пепел и прах". Эти слова отчаяния показывают, в каком тяжелом положении находились кавказские евреи в Эрец-Исраэль в тот период.

4. Прося милостыню, Манаши обращается еще и к Михаэлю б. Азарье: "(ты) обещал мне и говорил, что ты приехал в Иерусалим и увидел мои страдания и что ты не забудешь меня никогда...". Имя Михаэля Азарьи мы встречаем и в другом письме (28-го адара 1873). В частности, Манаши пишет: "... 25-го адара пришло мне письмо от Михаэля Азарьи...". В этом письме находился полис (чек или вексель) от некоего Шломо Барона. В письме даются четкие указания и Манаши пишет: "... сделай точно так, как пишет мне Михаэль...". В ожидании денег батран – купец, который должен был выдать деньги по полису, – предлагает Манаши обратиться к тому, кто выслал этот полис. Но у Манаши возникает сомнение, находится ли еще в Стамбуле Михаэль. Все это дает нам повод считать, что еще 110 лет тому назад в Стамбул время от времени приезжал представитель кубинских евреев, который также посещал и Эрец-Исраэль, и в его функции входили как проверка состояния общины, так и обеспечение ее средствами.

5. В письме от 15-го швата мы узнаем, что уже 10 месяцев, как Манаши разошелся с товарищем по работе и убедительно просил оказать ему материальную

помощь: "...и хас-в-шалом, если вы не вышлете мне до 1-го адара, второго месяца, то...". А из письма от 28-го адара (ответное письмо) мы узнаем, что для Манаши уже выслано нарочным 50 манатов*и еще, также нарочным, 10 манатов, и так далее. Слово нарочным дает повод считать, что в тот период в Эрец-Исраэль с Кавказа ездили часто. Эту версию подтверждают и другие детали письма. И еще, разбирая эту часть письма, следует добавить, что кубинская община не оставляла в нужде своих земляков в Эрец-Исраэль, что им оказывали материальную помощь, ибо 17-го швата (январь) было послано тревожное письмо в Кубу, а уже 25-го адара (март) Манаши получает ощутимую помощь. Более того, в эти два месяца Иерусалим посещает их представитель Михаэль б. Азарья.

6. В одном из писем, как известно, находился полис на 12000 лир. Из этой суммы половина предназначалось Моше Мизрахи. Остальную сумму тот же самый Михаэль б. Азарья, предлагал разделить по 20 лир на каждого члена общины. Эта деталь позволяет нам в какой-то мере выяснить, сколько кубинских евреев жили в тот период в Иерусалиме. Человек, в данном случае Михаэль б. Азарья, побывавший накануне в Иерусалиме, не мог не знать сколько кубинских евреев находилось в Иерусалиме, если он давал четкие указания раздать оставшиеся 6000 лир по 20 лир на каждого члена общины. По нашим расчетам, тогда в Иерусалиме находилось $6000 : 20$, то есть приблизительно 300 членов этой общины.

Мы имеем еще письмо, датированное 1881 годом, и, судя по стилю последнего письма, можно сделать вывод, что жизнь Манаши и его близких улучшилась.

И еще один важный вывод можно сделать из этой переписки.

Как известно, историю алии кавказских евреев связывают с первой алией (80-е годы 19-го века). Однако Манаши в последнем письме (1881 г.) пишет: "...передайте раву Гюршюм Рувину, что сегодня (теперь) 40 лет, как я в Иерусалиме...". Эта фраза дает нам право сказать сегодня что исполнилось уже 143 года с тех пор, как автор письма попал на Святую Землю – Эрец-Исраэль, т.е. он приехал туда в 1840-1841 году. Кроме того, нет никаких оснований полагать, что автор этих писем был самым первым из тех, кто выехал с Кавказа на Святую Землю для постоянного жительства.

Принято считать, что каждая волна алии в какой-то мере была инспирирована антиеврейскими настроениями и действиями, заставлявшими евреев покидать галут и направляться в Эрец-Исраэль. Такая ситуация как раз имела место на Кавказе в 30-х – 60-х годах 19 века. Волна антисемитизма, прокатившаяся во время восстания Шамиля как следствие аннексии Кавказа русскими властями, встревожила евреев Восточного Кавказа, в результате чего начался очередной подъем алии. Однако алия так и не приняла тогда массового характера. Очевидно, тяжелые условия жизни на Обетованной земле тормозили массовость репатриационного движения. Но все же движение, повторяем, началось и продолжалось вплоть до 20-х годов нынешнего столетия, пока советская власть не запретила выезд.

Связи Кавказа и Израиля были до того прочны и тесны, что в 1867 году из Эрец-Исраэль на Кавказ был послан представитель для проверки работы резников. Известно письмо раввинов Кубы, содержащее претензии к главному раввину Восточного Кавказа, ибо кубинские раввины были недовольны, что со Святой земли к ним посылают экзаменаторов!¹⁸ Но если кубинские раввины столь откры-

то проявляли свое недовольство, значит, они считали, что их знания не уступают знаниям раввинов, пославших комиссию, и знаниям самих экзаменаторов.

Раби Яанкиль, на документы из архива которого мы ссылаемся, впервые посетил Эрец-Исраэль в 1876 году, он побывал в Яффо и Иерусалиме. В Иерусалиме он с почестями был принят раби Иехиелем Михалпинесом, раби Шмуэлем Салантом и другими крупными раввинами.

Вторично р. Яанкиль посетил Эрец-Исраэль через одиннадцать лет, в 1887 году. Во время этой поездки он получил одобрение раввинов Хеврона на издание своих сочинений "Шатер Яакова". Любопытно, что он обращался за одобрением именно к раввинам Хеврона, а не Иерусалима — видимо, их авторитет в религиозной жизни был тогда выше, чем у иерусалимцев.

Напомним кратко еще несколько эпизодов, связанных с посещениями кавказскими евреями в те годы Обетованной земли.

Одно из упоминаний об этом есть в газете "Хавацелет" от 19 августа 1893 года (архив Еврейского университета в Иерусалиме, Гиват-Рам, т. 24, № 44)⁹⁹. В частности, в ней сообщается, что р. Шербет Анисимов в очередной раз побывав в Эрец-Исраэль, был принят раввином в Ришон-ле-Ционе. Потом, сообщает газета, он отправился в Хеврон, Цфат, Иерусалим и Тверию.

Газета сообщила, что он и трое его спутников, приехавших с ним из Дагестана, были одеты по кавказски (в черкесках), вооружены кинжалами. Сообщается также, что Анисимов занимался и лечением больных, хотя это ему было официально запрещено за неимением диплома врача.

Среди прочего наиболее интересным является сообщение самого р. Шербета Анисимова. В частности он пишет, что на кладбище Масличной горы в Иерусалиме имеется более 100 могил кавказских евреев (мужчин, женщин и детей). И еще он сообщает, что положение дагестанских евреев в Иерусалиме настолько тяжелое, что вынудило более 200 человек вернуться в Дагестан.

Дальше, цитируя самого Анисимова, газета сообщает, что после того, как большинство выходцев из Дагестана вернулось назад, в Иерусалиме осталось всего 60 представителей этой общины.

Анализируя сказанное, с полной уверенностью можно прийти к выводу, что если у малочисленной общины кавказских евреев — 90 лет тому назад было обнаружено на иерусалимском кладбище более 100 могил, то значит алия кавказских евреев действительно началась на много десятилетий раньше того периода, когда Анисимов обнаружил эти могилы, ибо такое число умерших от малочисленной общины невозможно в течение 1-2 поколений.

Второе, что обращает на себя внимание, это то, что р. Шербет Анисимов посещал упомянутые общины — Хеврон, Цфат, Тверию. Учитывая, что он был заинтересован во встрече с кавказскими евреями, как и р. Яанкиль, мы предполагаем, что в этих городах тоже проживали кавказские евреи. Тем более, что встречи с жителями Цфата и Тверии подтвердили наши предположения. Большинство из тех, с кем мы имели встречи по этому вопросу, подтверждает, что действительно в этих городах с незапамятных времен жило много евреев, приехавших с Кавказа, многие потомки которых живут в этих местах и поныне.

Высказывания р. Шербета Анисимова в вышеупомянутой газете и приведенные письма говорят о том, что кубинская и дагестанская общины, хотя и считались обе "кавказскими", но в Иерусалиме представляли собой отдельные общины. К

этому выводу мы пришли на основании того, что р. Шербат Анисимов в своих поездках занимался исключительно вопросами дагестанских евреев, а в письме, которое получил Манаши из Кубы (25 адара) сказано, что 20 манатов посланы от дагестанских людей и просят разделить их именно среди "дагестанцев".

Стало быть в Иерусалиме в тот период жило (приблизительно) 300 "кубинских" и 60 "дагестанских" евреев. Повторяем: кроме того, кавказские евреи жили тогда и в других городах Эрец-Исраэль.

У жителей города Нальчика (евреев) сохранился рассказ о повивалке Тамаре, которая в конце 60-х или в начале 70-х годов 19 века поехала в Эрец-Исраэль, чтобы навестить своих родственников. По дошедшим до нас сведениям, Тамара в Эрец-Исраэль принимала роды не только у евреев, но и у арабов. Через два года она вернулась в Нальчик верхом на лошади и привезла с собой еще одну лошадь, навьюченную множеством подарков — вознаграждением за свою работу на Ближнем Востоке.

Раби Хия из Дербента на старости лет (в 60-х годах 19 века) поехал на Обетованную землю, чтобы быть погребенным там. С собою он взял столько денег, сколько нужно было на жизнь в течение нескольких лет.

Задолго до первой алии в Эрец-Исраэль из Дербента приехал молодой раби Азарья бен р. Саадья Мамрачи. В Иерусалиме, после многолетней учебы, он получил звание "гаона". С тех пор раби Азарья Агаон неоднократно приезжал на Кавказ, чтобы собирать деньги для евреев, терпящих нужду. Ради сбора средств он занимался шохетством, проводил операции брит-мила и другие обряды. Во время каждой своей поездки Азарья, кроме того, тратил немало времени на обучение детей в ешивах и мидрашах Восточного Кавказа.

В 1914 году с большой суммой собранных и заработанных денег раби Азарья Агаон покинул Кавказ. По одной версии, он был ограблен в Багдаде арабами и зарезан его же шохетским ножом. По другим предположениям, он остался на Кавказе дожидаться конца войны, а в 1918 году направился через Грузию в Батум, чтобы собрать деньги и в общинах грузинских евреев. В горах Осетии его ограбили и убили.

Но так или иначе, Азарья Агаон на Святую землю больше не вернулся. Место его захоронения неизвестно.

В 70-е годы прошлого столетия из Порт-Петровска (ныне Махачкала) прибыли в Эрец-Исраэль три брата Рабаевых.

Мы можем назвать еще много имен людей, приехавших с Кавказа в Эрец-Исраэль до начала 80-х годов 19 века. Но полагаем, что приведенных примеров достаточно для освещения вопроса о связях с Эрец-Исраэль в те годы.

И вот началась первая алия. Ее ярким представителем является р. Шербет бен Нисим (Нисим-оглы), тот самый Анисимов, в то время один из главных раввинов Восточного Кавказа. Раби Шербет был среди инициаторов массовой алии с Кавказа. Если до этого лишь единицы кавказских евреев приезжали на историческую родину, то теперь люди начали ехать группами — авторитет р. Шербета был настолько велик, что евреи считали за честь находиться рядом с ним.

По совету р. Шербета из Маджалиса, Ньюдига и других аулов Кайтахского района отправились в Эрец-Исраэль многие семьи кавказских евреев. Среди них были семьи братьев Аарона Шумина, Ицхака Ээрю, Якдима Ташимова и многие другие. Сам Якдим спустя много лет, уже немолодым человеком, вернулся на

Кавказ, чтобы навестить родственников, но революция погребла его в своей пучине.

В годы первой алии по примеру р. Шербета ехали в Эрец-Исраэль и почтенные отцы семейств, и молодые люди, и вдовы с детьми. Среди последних была Зальпа из Тамирхан-Шуры или Тарки. Бросив все свое хозяйство, она смело отправилась в дальний путь с детьми. Потом, в начале века, она вернулась на Кавказ с младшей дочерью, распродала имущество и снова поспешила в Эрец-Исраэль.

В 1896 году житель Тарки Манаши бен Иосиф, проходя службу в русской армии, получил сообщение, что его жену похитили мусульмане. Он добился демобилизации, возвратился на Кавказ и с двумя малолетними дочерьми уехал в Эрец-Исраэль. Жизнь там складывалась у него очень тяжело, и об этом узнала на Кавказе его мать. Она настояла, чтобы отец Манаши — р. Иосиф — поехал и вернул назад их единственного сына. Раби Иосиф приехал в Эрец-Исраэль с разрешением находиться в Палестине месяц. Убедившись в том, что жизнь сына действительно тяжела, он настаивал, чтобы Манаши с детьми вернулся на Кавказ. Однако сын категорически отказался покинуть Святую землю. Поняв, что переубедить сына не удастся, р. Иосиф решил вернуться на Кавказ, где его ждали жена и прихожане синагоги.

Накануне отплытия он лег спать, попросив сына разбудить его пораньше. А на следующее утро Манаши нашел своего отца мертвым. Тело р. Иосифа было похоронено на Святой земле.

Эта весть облетела весь Восточный Кавказ и еще сильнее закрепились в народе поверье, что если уж человек отправился в Обетованную землю, то он не имеет права возвращаться назад, и того кто пренебрежет этим, постигнет несчастье. Грешно добраться до Святой земли и сознательно покинуть ее!..

В последние десятилетия 19 века, несмотря на все материальные и моральные трудности, кавказские евреи начали скапливаться в Эрец-Исраэль. Активизируется и духовная жизнь. По данным профессора М. Занда, в 80 годах 19 века евреи — выходцы с Восточного Кавказа жили в черте Старого города Иерусалима, и у них уже тогда была своя ешива.

Нам довелось встретиться со старым арабом, назвавшим себя Абу Назр. Он утверждал, что в стенах Старого Иерусалима, в квартале Хартил Ехуд, у евреев Кавказа — ехудей а-гар — была своя синагога, построенная сто пятьдесят лет назад, но эту синагогу еще до раздела Иерусалима разрушили арабы. Если же верить утверждениям евреев-старожилов, приехавших в Эрец-Исраэль с Кавказа после первой мировой войны, в Старом Иерусалиме у их общины была синагога, построенная на средства Натана Дадашева. Идет ли речь в обоих случаях об одной и той же синагоге, выяснить не удалось. Однако сам факт существования в Старом городе синагоги и религиозного училища кавказских евреев доказывает, что эта община была достаточно крупной. Кроме того, можно предположить, что и после присоединения Кавказа к России некоторые кавказские евреи получили талмудическое образование в Иерусалиме — вечной столице еврейского народа.

Наиболее интересным периодом в отношении связей евреев Восточного Кавказа с Обетованной землей представляется нам начало нашего века вплоть до 20-х годов — времени запрета, наложенного советской властью на выезд евреев в Палестину. К этому времени алия получила колоссальный размах по тем временам. И, естественно, росло благосостояние общины кавказских евреев.

Среди приехавших в Палестину в начале века был один из богатейших людей Восточного Кавказа — Песах бен Элькана. В Палестине он приобрел цитрусовые плантации и дома, на свои средства начал строительство синагоги в Иерусалиме (в районе Бет-Израэль), где селилось большинство кавказских евреев. Однако перед первой мировой войной он вернулся в Дербент вместе с женой и дочерью, чтобы распродать свое хозяйство. В Палестине он оставил доверенность на принадлежащее ему имущество и на достройку синагоги.

На Кавказе Песах застал войну, затем началась революция, потом гражданская война, потом на Кавказ пришла советская власть. Хозяйство Песаха было конфисковано, а он сам объявлен социально-опасным элементом. Живя на нелегальном положении, переезжая с места на место, он пытался пересечь границу и уехать в Палестину, но — безуспешно. В 30-х годах его, наконец, арестовали в Дербенте, приговорили к десяти годам лишения свободы и этапировали в Сибирь, откуда он уже не возвратился.

Среди приехавших в Эрец-Израэль в тот же период (1907 г.) был и р. Янкиль. Несмотря на то, что р. Янкиль жил в Иерусалиме, он организовал большую группу людей на строительство сельскохозяйственного поселения, которое в его честь и сегодня называется — Бер-Яков. Ядром поселенцев были кавказские евреи. Из документа о покупке земли видно, что поселение начало строиться в 1908 году, т.е. уже через год после приезда р. Янкиля в страну.

Интересны также многочисленные случаи приезда в Палестину, отъезда из нее и нового возвращения сюда с Кавказа не только для сбора средств, но и для других целей. Так, женщина Мулоим жила несколько лет с мужем по имени Яшая и считалась бесплодной. Некоторое время спустя она родила мальчика, но тот вскоре умер. Мулоим посоветовали вернуться на Кавказ для лечения. Она, оставив мужа, вернулась в Дербент, прошла "курс лечения" у знахарей и через год-два снова приехала в Эрец-Израэль.

В главе "Взаимоотношения" мы уже упоминали, что двух гуччи — националистов Мордехай бен Авшалом (Дербэнди) и Ядадь бен Реувена-Жарагского русские власти этапировали в Сибирь. В Израиле нам удалось узнать, что эти смелые люди бежали из Сибири и добрались до Эрец-Израэль. Мордехай после Февральской революции возвратился в Дербент, где в 25-м году умер глубоким стариком, окруженный народным почетом.

Иначе сложилась судьба Ядадь, который был намного моложе Мордехая. Он и здесь, в Палестине, был осужден (за избиение араба) и посажен в Аккскую крепость. Там, убив какого-то высокопоставленного турецкого полицейского, к которому вошел в доверие (полицейский даже брал Ядадь к себе домой, чтобы тот колот дрова и выполнял другие хозяйственные работы), он убежал из Акко. Потом он много раз ездил в Европу, на Кавказ и возвращался в Эрец-Израэль, но под другим, неизвестным нам именем, пока, наконец, в 30-е годы окончательно не затерялся в Европе.

Этот случай с двумя евреями, бежавшими из сибирской неволи в Эрец-Израэль, доказывает, что историческая родина была не просто желанным местом, но еще и убежищем для гонимых и преследуемых кавказских евреев. В этой связи уместно напомнить и о сионисте Хагае Жэрэги, которому после расстрела Асафа Пинхасова друзья помогли бежать из тюрьмы и добраться до Эрец-Израэль.

Интерес к Эрец-Израэль настолько возрастает, что появляются люди, которые

приезжают в страну только для того, чтобы помочь евреям в борьбе с арабами. Подостоверным сведениям, из Нальчика во время третьей алии приехал в Эрец-Исраэль Элиягу Фараджев, он участвовал в отрядах еврейской самообороны в Твери и только когда наступило затишье снова вернулся в Нальчик.

Находились и евреи, мечтавшие организовать военные подразделения и в боевом строю идти на помощь своим братьям на историческую родину. Таким был один из руководителей сионистов Кавказа Гюршюм Муратов, о котором мы уже рассказывали. Мечте его не суждено было осуществиться, так как Советская власть пришла на Кавказ раньше, чем Муратов начал реализовывать свои планы.

Как говорилось выше, Гюршюм Муратов в 1925 году был сослан и, по некоторым утверждениям, погиб в казахстанской ссылке. По другим данным, его расстреляли вместе с бакинскими и кубинскими сионистами в 1936 году в Азербайджане.

Нам удалось встретиться с его племянницей Мазалтой Назаровой, которая утверждала, что Гюршюм Муратов сухопутным путем все же добрался до Эрец-Исраэль, но спустя некоторое время вернулся в Дагестан. Позже он с большой группой евреев хотел уехать окончательно, но не сумел, потому что началась гражданская война и времена были трудные. Гюршюма неоднократно арестовывали и ссылали. Наконец, его оставили в покое, и он устроился на скромную работу в Махачкалинском кооперативе. В начале 30-х годов он переехал в Москву и в конце 30-х годов скончался в своей московской квартире.

После первой мировой войны началась так называемая четвертая алия, и после утверждения Лигой Наций декларации (Бальфура 30 июня 1922 г.) наступили более благоприятные времена для репатриации на историческую родину. Движение кавказских евреев за алию в Эрец-Исраэль приобрело массовый характер. Но вскоре советы, поняв, что если так будет продолжаться, то вскоре большинство евреев покинет пределы Советского Союза, закрыли свою границу и запретили выезд граждан за пределы СССР. Последняя большая группа кавказских евреев отплыла из Батумского порта в 1923 году. Добавим, что в Батуми эта группа ожидала разрешения на выезд около года. За это время немало людей умерло. Еще год репатрианты провели в Стамбуле, ожидая разрешения на въезд в Палестину.

В итоге с четвертой алией успело выехать более трехсот семей кавказских евреев.

После 1923 года в репатриации с Кавказа наступило затишье. Но это не значит, что связь с Эрец-Исраэль приостановилась. Напротив, с увеличением числа кавказских евреев в Палестине эта связь стала живой и энергичнее. Все больше приходило на Кавказ с Ближнего Востока писем и телеграмм, приходили и посылки с цитит, тфиллин, мезузами, священными книгами, изданными в Эрец-Исраэль и так далее. Более того, случалось, что редким евреям — легально или нелегально — удавалось выехать с Кавказа и достигнуть Эрец-Исраэль. Так продолжалось до второй мировой войны.

С началом войны связь с Эрец-Исраэль полностью прервалась, не доходили даже письма. Правда, в 1948 году, с провозглашением государства Израиль, эта связь в какой-то степени восстановилась, но была весьма пассивной. Дело в том, что большинство людей старшего поколения, имевших прямых родственни-

ков в Израиле, погибли на фронте, а их дети либо совершенно не знали своих родственников, находящихся в Израиле, либо в суматохе военного времени затеряли их адреса. Добавим, что и израильтянам тогда тоже было не до кавказских родственников.⁹⁰

Во время войны и главным образом после нее несколько десятков кавказских евреев, заброшенных фронтовыми дорогами на Запад, не вернулись в СССР, а прибыли в Эрец-Исраэль. Большинство из них приняло участие в защите и строительстве государства Израиль.

После войны родственные связи постепенно восстанавливались, и с улучшением материального положения в Израиле на Кавказ начали приходить посылки с одеждой и обувью. Кавказские евреи неоднократно обращались в израильское посольство в Москве с просьбой разыскать их затерявшихся родственников. Это побудило израильского посла в СССР посетить в 1962 году Дербент. Хотя официально об этом визите объявлено не было, посещение Арелем дербентской синагоги вылилось в манифестацию, за несколько минут синагога была переполнена. Эта короткая встреча с человеком, представляющим государство Израиль, многих одарила чувством принадлежности к еврейскому государству и окрылила надеждой, что наступит время, когда и они увидят Обетованную землю.

Кавказские евреи всегда использовали любую возможность, чтобы приехать в Израиль. Так, по гостевому вызову, полученному, вероятно, с помощью посла Израиля, в 1967 году, незадолго до Шестидневной войны, посетили Израиль семья Сабаевы и Адаса Давидова. Сабаевы навсегда остались в Израиле, а Давидова вернулась. Правда, после возвращения органы КГБ заставляли Адасу неоднократно выступать по телевидению с заранее подготовленной комитетом программой, поливающей Израиль грязью. Появились в газетах и статьи под заголовками "Трагедия Давидовой". Но сама Адаса, встречаясь со знакомыми, говорила, чтобы всему этому люди не верили, что она никогда не вернулась бы, если бы не тоска по единственной дочери, оставшейся в Дербенте, и агитировала всех ехать в Израиль.

Шестидневная война, к сожалению, не стала для кавказских евреев детонатором подъема национальных чувств, как это случилось с еврейством России, Грузии и Средней Азии. Пробуждение этих настроений наступило несколько позже.

Одним из первых агитаторов за выезд из СССР в Израиль стал Ярохом Абрамов (Аззи). Этот бесстрашный человек, ускользая от ока КГБ и доносчиков, ездил из города в город, убеждая евреев в важности переезда в Израиль. Абрамова неоднократно вызывали в КГБ на допросы и беседы. Но изнурительная работа дала свои плоды, и уже в 1972 году первая партия евреев выехала из Нальчика. Сам же Абрамов, видя, "что лед тронулся", тоже подал документы на выезд. Потом он рассказывал, как его в КГБ уговаривали ехать одному, без семьи и если там, в Израиле, ему понравится, обещали отправить следом и семью. Ему сулили оплатить проезд, обеспечить валютой и т. д., лишь бы он не был столь активен в Дербенте. Но для Абрамова куда дороже была идея, за которую он чуть было не поплатился жизнью — ведь его могли не просто арестовать, но и убить на безлюдной улице вечернего Дербента...

✓ Ярохом Абрамов с семьей прибыл в Израиль в 1972 году.

Как бы то ни было, сигналом к пробуждению большой алии послужила война Судного дня. А пропагандистская машина Советской власти, призывающая к

уничтожению Израиля, многократно усилила этот порыв. Именно в дни кровопролитной войны Судного дня кавказские евреи, упрекая себя за то, что они все еще не в Израиле и не могут разделить бремя войны со своими братьями, принялись искать любые возможности получения вызова из Израиля.

Таким образом уже в начале 1974 года начался массовый выезд кавказских евреев. Самыми продуктивными годами восхождения (алии) на древнюю Родину были 1974 – 1978 годы. После того, как появились евреи, покидающие Израиль, стали появляться и "прямки", т.е. те, кто минуя Израиль ехали в другие страны. В результате заметно убавилось количество евреев, выезжающих с Кавказа. Но когда на Кавказе поняли, что такое явление почти не связано с положением репатриантов в Израиле, было уже поздно – эмиграционная политика Советского Союза, вновь ограничивающая выезд евреев, достигла и пределов Кавказа: теперь власти требовали, чтобы вызов был прислан прямыми родственниками. И одним из условий, поставленных ОВИРом, было то, чтобы все прямые родственники изъявили желание на выезд вместе, т.е. если семья такого-то брата или сестры не готова подать на выезд, то обычно подающим прошение приходит отказ. Словом, поставлены такие условия, что разветвленным семьям (а на Кавказе почти все еврейские семьи такие) практически невозможно выехать. Уместно напомнить, что в настоящее время власти цепляются за малейший повод, лишь бы предотвратить подачу (прием) документов. Нередки и судебные процессы. Число отказников среди евреев Восточного Кавказа, подавших на выезд, пропорционально такое же, как и в центральных районах Советского Союза.

Но как бы то ни было, за этот срок из СССР выехало около 23-х тысяч кавказских евреев. Из них, по нашим сведениям, приехало в Израиль немногим менее 20-ти тысяч.

Сионизм

Прежде всего следует отметить, что Сион, как Обетованная земля, всегда занимал особое место в сознании кавказских евреев. Это был мистический сионизм.

Что касается политического сионизма, необходимо отметить, что он проник в массы кавказских евреев, как мы уже говорили, в самом начале своего возникновения.

Из материалов сионистского движения видно, что уже после первого конгресса была налажена связь с Восточным Кавказом, осуществлявшаяся через доктора Сапошникова. Это и явилось началом сионистской деятельности кавказских евреев.

В материалах сионистского движения говорится, что еще во времена заочного знакомства с доктором Сапошниковым на Восточном Кавказе появляются плательщики шекеля (членского взноса).

Спустя некоторое время кавказские евреи завязывают частную переписку с членом сионистского центра Якобсоном.

Мы уже говорили, что в 1899 году кавказские евреи направили делегацию в Петербург к царю с требованием о восстановлении их прежних прав. Эта делегация имела и другое задание – встретиться с доктором Сапошниковым. Так состоялась первая официальная встреча с ведущим сионистским деятелем. (После этой встре-

чи Сапошников представлял кавказских сионистов на ряде последующих конгрессов.)

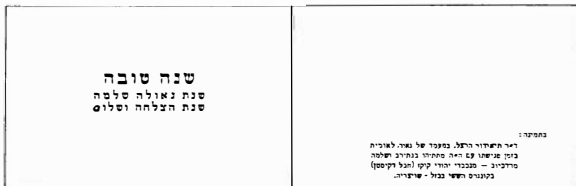
После возвращения делегации из Петербурга на Восточном Кавказе резко меняется отношение общества к сионизму. Если до этого люди сомневались в эффективности этого движения, то теперь настолько увеличивается интерес к нему, что в число плативших шекель входят и люди, сами находившиеся в трудном материальном положении.

По рекомендации доктора Сапошникова Восточный Кавказ включается в район Усышкина. Теперь всякая связь и директивы поступают к кавказским евреям через него.

О тесных связях кавказских евреев с сионистским движением говорит тот факт, что уже в 1903 году на шестом Базельском конгрессе (последний конгресс, состоявшийся при жизни основателя сионистского движения Теодора Герцля) присутствовали два делегата кавказских евреев — Мататьягу (Матвей) Богатырев и Шломо (Соломон) Мордехаев.

Вот как характеризуют появление Богатырева и Мордехаева материалы шестого сионистского конгресса: "...особо выдающимися лицами сегодняшнего конгресса без сомнения являются два делегата горских евреев..." На наш взгляд, приведенная фраза достаточно красноречиво говорит о том, какое впечатление произвел на участников конгресса интерес кавказских евреев к си-

Новогодняя фотооткрытка. Слева направо: делегат 6-го сионистского конгресса — Мататьягу Богатырев, Теодор Герцль и делегат того же конгресса Шломо Мордехаев.

низму. Что касается самого конгресса, то необходимо отметить, что именно это событие привлекло кавказских евреев к политической жизни. Активная сионистская работа на Восточном Кавказе началась по возвращении Богатырева и Мордехаева из Базеля. Теперь во всех городах концентрации евреев на Восточном Кавказе создаются сионистские организации, под названием "Организация сионистов горских евреев".

Руководителями этих организаций становятся: Гюршум Муратов в Темирхан-Шуре, Шломо Мордехаев в Грозном, Мататьягу Богатырев в Нальчике, Асаф Агарунов в Дербенте.

В городе Баку, где находилось много европейских евреев, центром сионистского движения, по свидетельству современников, руководили европейские евреи. Но туда же входили и кавказские евреи. Среди них были Горский-Рабинович и Бен-Герари-Рабинович.

О том, какую роль сыграло сионистское движение в жизни кавказских евреев и какая участь постигла сионистов, мы уже говорили в предыдущих разделах.

Однако, подчеркивая всеобщее увлечение сионизмом, нам хочется упомянуть о знаменитой фотографии, на которой делегаты шестого сионистского конгресса Богатырев и Мордехаев изображены вместе с Теодором Герцлем. Этот снимок широко известен на Кавказе и за его пределами. Но мало кто знает, что это — фотомонтаж, сделанный для новогодней открытки. Открытки эти пользовались любовью на Восточном Кавказе, откуда они перекочевали и в Эрец-Исраэль.

Конец первой части

БИБЛИОГРАФИЯ

- М. И. Артамонов — "Древний Дербент", С. А. т. 8, 1946.
М. И. Артамонов — "История хазар". Ленинград, 1962.
Г. Алкалари — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Т. 46, Махачкала, 1926.
Н. Б. Бакланов — "Архитектурные памятники Дагестана", вып. 1. Ленинград, 1935.
Балазори — "Завоевания стран". (Материалы по истории Азербайджана), вып. 3, Баку, 1927.
Л. Н. Гумилев — "Открытие Хазарии". Москва, 1966.
М. Грушевский — "История Украины—Руси" (Русская обработка, 1911 г.).
П. Г. Будков — "Записки персидского похода 1796 года". Соч. т. 2. СПб., 1869.
И. Гурлев, С. Хан-Магомедов, Г. Малкин — "Дербент" (Путеводитель по городу и окрестностям). Махачкала, 1976.
М. Занд — "Еврейская культура в Советском Союзе". (Труды симпозиума, посвященного борьбе за сохранение еврейской культуры в Советском Союзе). Иерусалим, 1972.
В. В. Григорьев — "Россия и Азия".
История СССР, т. 1, Москва, 1939.
История Азербайджана, т. 1, Баку, 1958.
П. К. Коковцев — "Еврейско-хазарская переписка в 10 веке", 1932 г.
Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский — "Золотая орда и ее падение".
Н. А. Караулов — "Сведения арабских писателей 9 — 10 вв. о Кавказе". Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 19, Тифлис 1908.
Е. И. Козубский — "История города Дербента 1806 — 1906". Темирхан-Шура, 1906.
А. В. Комаров — "Об укреплении Дербента и о Кавказской стене". Труды 5 археологического съезда в Тифлисе. Москва, 1887.
Мавродин — "Образование древнерусского государства".
В. Ф. Миронский — "История Ширвана и Дербента 10—11 века". Москва, 1963.
Ольшанский — "Известия общества обследования и изучения Азербайджана", № 5, 1928.
Е. И. Пахомов — "Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье". Проблемы истории материальной культуры, № 9, 10. Ленинград, 1933.
В. Н. Татищев — "История Российская с самых древнейших времен".
К. В. Тревер — "Очерки по истории культуры Кавказской Албании". Москва—Ленинград, 1959.
"Хождение купца Федота Котова в Персию". Москва, 1958.
В. Рубрукс (Рубруквис) — "Путешествие в восточные страны", СПб, 1913.
М. Алиханов-Аварский — "Тарихи Дербент-Наме". Тифлис, 1898.
Хрестоматия по истории СССР, т. 1, Москва, 1949.
С. О. Хан-Магомедов — "Раннесредневековая горная стена в Дагестане". Советская Архитектура № 1, 1966.
Материалы Центрального архива Еврейского университета в Иерусалиме.
Б.С.Э. т. 18, вып. 1930.
Е.Э. т. 5, 6, 7, 8, 9. С.-Петербург, 1898.
Сборник статей по истории Азербайджана, вып. 1, Баку, 1949.
Материалы Шестого сионистского Конгресса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Зороастризм – религиозно-философское учение, названное по имени древнеиранского мудреца Зороастра.

²Иногда его называют Джелганским хребтом.

³Абасовинские события – смотри ниже.

⁴Дубары – пустующая в тот период часть города от берега моря до второй поперечной стены.

⁵Шах-даг – одна из вершин на Восточном Кавказе.

⁶Хазрат-Али один из зятьев основоположника ислама и продолжатель его учения, имам и полководец.

⁷Та же участь постигла и язычников, которых было много в районе Шах-даг.

⁸Один из полководцев Абу-Муслима.

⁹Волга в тот период называлась Итилем, и каган свою столицу назвал по имени реки, на которой построил ее.

¹⁰Здесь Татария – это Дагестан.

¹¹Эта легенда имеет несколько интерпретаций. Мы приводим наиболее интересную, на наш взгляд.

¹²Все факты подтверждают, что еврейская часть Кубы все же была разграблена войсками НаDIR-Шаха. Очевидно, какие-то отделенные от него отряды снова побывали в Кубе (к этому вопросу мы еще вернемся).

¹³Народность проживающая в Дагестане. Полагают, что когда-то лакцы были переселены сюда из Европы. Занимаются кустарными промыслами: сапожным, портняжным, лудильным и т.д.

¹⁴Арба – подвода на двух огромных, диаметром по два метра колесах, запряженная двумя буйволами. В одну такую арбу загружали более тонны груза.

¹⁵Рассказ Сасона бен Рахмиля, приехавшего в Израиль в 70-х годах, записан с его слов.

¹⁶История записана со слов 96-летнего старца Гамила Ханунова, очевидца грабежей Качак-Бабы. Ныне Ханунов проживает в Пардес-Хане.

¹⁷Ханжал-Кала и Мамрач славились рисоводством, и если бы ханжалкалинцы покинули село, а мамрачцы последовали их примеру, то революционная власть лишилась бы риса от двух сел сразу.

¹⁸Селение Нюгдиг существует и в настоящее время. В нем живет более 30 семей.

¹⁹Фирман – указ.

²⁰Титул хан был дарован еврею Мише только для ношения фамилии, без каких бы то ни было ханских прав.

²¹Жхуди – от искаженного ехуди (еврей).

²²Янкил "Кюрей" – оптовый скупщик ковров и антикварных изделий, славился по всему Кавказу как крупный специалист-антиквар. Он в свое время вел торговлю в Ираке, Индии,

Китае и других странах Ближнего Востока и Азии. Имел свои дома во многих странах, в том числе в Турции и Иране.

²²Екатерина Павловна Пешкова занимала в тот период пост председателя Советского Красного Креста по оказанию помощи политическим заключенным.

²⁴В те времена, да и в настоящее время, советская власть поощряла выезд иностранных подданных с территории СССР, т. к. их имущество нельзя конфисковать.

²⁵Ахундов умер еще в 1914 году, и общество с тех пор целиком стало принадлежать Дадашеву, так как наследники Ахундова изыяли свою долю.

²⁶На мукомольном базаре весы находились в закрытом помещении, и весовщик получал определенную плату за каждое взвешивание.

²⁷Чувал – мешок из крепкого домотканного полотна и вместимостью в 5–6 пудов.

²⁸Чайхана – чайная, где собираются мужчины для беседы.

²⁹Ага – почетное звание, хозяин.

³⁰Здесь и далее в рассказах очевидцев событий сохранен стиль рассказчиков.

³¹Нашу синагогу в середине 30-х годов власти отобрали и превратили в подсобное помещение колхоза. В одном из дворов села было моленное помещение, где хранились Сефер-Тора и другие предметы культа. Потом стало известно, что раввин и некоторые старики в ту же ночь, когда собрали евреев, закопали Сефер-Тору и другие священные книги, но найти их потом так и не удалось. Спрятав их, они добровольно пошли в клуб и погибли со всеми.

³²Если власти в первый же день установления памятника сменили Маген-Давид на вазу, то уже к первой годовщине гибели этих жертв вместо слова "евреи" появился термин – "советские граждане".

³³Об этом случае рассказала Нисанова Хилко, ныне проживающая в Беэр-Шеве.

³⁴В настоящее время проживает в городе Лод, Израиль.

³⁵Проф. М. Занд, выступление на вечере, посвященном культуре и истории евреев Восточного Кавказа. Тель-Авив, "Бейт-Ционей Америка", 7.4.83 г.

³⁶В Дербенте руководителем такого бюро был Сави Атилов. Современники говорят о нем как о человеке исключительно достойном.

³⁷Приведенные цифры являются приблизительными.

³⁸Народность иранского (персидского) племени, обитающая на Кавказе, в Бакинской губернии (Бакинском и Кубинском уездах), в Елизаветопольске и в Южном Дагестане (Кайтаго-Табасаранском округе). Число их доходит до 135 тысяч. Название Т., кажется, не есть собственное обозначение известного народа, а является лишь определением его образа жизни и социального положения: на джагатайском наречии тюркского языка слово "таг" имеет значение подданного, живущего или служащего у вельможи – и это название тюркские кочевые племена давали всем поработенным народам, ведущим оседлый образ жизни. Т. были вывезены в разное время из Персии в некогда подвластные ей завкавказские прикаспийские провинции для борьбы с северными народами. Т. исповедуют мусульманскую религию шиитского толка. Язык Т., иначе называемый фарсидским, есть не что иное, как испорченный народный говор новоиранского языка. Некоторые ученые приписывают образование татского наречия тем туркам, которые при покорении их персами должны были принять веру и язык победителей... (БРЭ, 1901 г.). С падением хазарского царства и с распространением мусульманства на Северо-восточном Кавказе условия жизни стали для евреев крайне тягостными. Многие еврейские селения перешли в ислам. От них ведут свое происхождение нынешние таты-мусульмане, которые по типу, внешности, языку и быту ничем не отличаются от горских евреев (ЕЭ, статья "Кавказ").

³⁹На древнерусском языке тать – разбойник. Однако переименовав татов в азербайджанцев, советская власть преследовала еще и другую цель: дело в том, что дагестанские таты уже в

ту пору писались турками. Но в 1939 г. советский режим настаивал, чтобы турки, проживающие в СССР, как и иранские подданные (амишари), приняли советское подданство и писались азербайджанцами. Тех, кто отказывался от этого, выселяли за пределы СССР. Не желая вступать с советским режимом в единоборство, дагестанские таты- "турки" приняли предложение стать азербайджанцами. На Кавказе, в частности у выходцев из Ирана "хамышахри" и евреев, слово "тат" считается оскорблением: "тат-гъогъ" – тупица.

⁴⁰Евреев Восточного Кавказа впервые стали называть "горскими евреями" с появлением русских. До этого русские и не подозревали, что где-то рядом живут евреи, не похожие на привычных им евреев. На Кавказе всех живущих в горах называют горами. Евреи в тот период тоже жили в горах.

⁴¹Здесь "жхуд" – от слова ехуд (и).

⁴²Слова, выделенные курсивом, взяты из анализируемого языка; набранные жирным шрифтом – из иврита.

⁴³Предисловие и письма к переводчику переведены с небольшими сокращениями.

⁴⁴Резко отличаются в этих группах два-три десятка слов.

⁴⁵Проф. М. Занд. Сборник "Еврейская культура в Советском Союзе."

⁴⁶Во многих кавказских языках дождь, каким он бы ни был, обозначается одним словом, так же как и ветер любой силы имеет одно название; и огонь, и пламя имеют одно название – "огонь" и т.д.

⁴⁷Фактически в 1928–29 гг. письменность всех мусульманских народов, проживающих на территории СССР, была также переведена с арабской графики на латинский шрифт как первый этап ликвидации культуры национальных меньшинств.

⁴⁸Буквы эти произносятся так же, как написанные рядом ивритские, но с восточным произношением. Буква УЪ обозначает звук, средний между У и Ю.

⁴⁹Если все же находился человек, не обладавший такими знаниями, он становился объектом всеобщего презрения. Его называли "амгарец".

⁵⁰Город Куба у евреев Кавказа назывался "маленьким Иерусалимом".

⁵¹Современники рассказывали, что если еврею нужно было прочитать или написать письмо (прошение), то он должен был отдать за это свой многодневный заработок.

⁵²Группу прогрессистов поддерживали и сионистски настроенные слои общества, простой народ был на стороне ортодоксов.

⁵³По другим источникам – в 1904 году.

⁵⁴До этого, как мы уже упоминали, евреи Кавказа писали шрифтом Раши, раввинским шрифтом, курсивом, багдадским письмом, а некоторые и арабскими буквами.

⁵⁵Одна из статей Конституции Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики (ДАССР) гласит: "К коренным народностям Дагестана относятся: аварцы, даргинцы, лакцы, лезгины, кумыки, табасаранцы и горские евреи".

⁵⁶Фактически в СССР все газеты нерентабельны и субсидируются теми органами, в чьем ведении они находятся.

⁵⁷Все эти люди отлично владели и древнееврейской письменностью, и "Раши", и т. н. багдадским письмом.

⁵⁸Проф. М. Занд. Сборник "Еврейская культура в Советском Союзе".

⁵⁹По нашему мнению, первый букварь на этом языке был выпущен много раньше – с открытием здесь первых школ.

⁶⁰Первый номер "Корсоха" вышел 5-го февраля 1922 г.

⁶¹Проф. М. Занд. Сборник "Еврейская культура в Советском Союзе".

⁶²В 1973 году ансамбль "Лезгинка", совершая турне по Ближнему Востоку, прибыл в Египет, но поскольку руководителем ансамбля был Израйлов, "Лезгинку" не хотели пустить в страну. Лишь вмешательство посла СССР в Каире положило конец инциденту.

⁶³Ковхо – староста.

⁶⁴Решающий голос в выборе ковхо имели аксакалы (седобородые) и знатные члены общины.

⁶⁵Нувах Нуколи скончался в городе Дербенте перед первой мировой войной в возрасте 118–120 лет. Внуки этого достопочтенного старца Матае и Сара приехали в Эрец-Исраэль в начале 20-х годов. У каждого из них много детей, внуков и правнуков, родившихся и живущих в Израиле.

⁶⁶Чордог – "четыре горы" – игра слов. Такая беседка представляла собой четыре столба, вбитых в землю, на которых устраивали решетчатый навес из жердей.

⁶⁷Тонур – вделанная в землю круглая печь, предназначенная для выпечки хлеба.

⁶⁸Это описание относится к жилищам простолюдинов тех лет, когда евреи жили в сельской местности или в чисто еврейских кварталах городов.

⁶⁹Исключение составляли приезжие и местные русские.

⁷⁰"Басарат" – непереводимое слово, означающее и разум, и желание, и деяния – словом, все, на что способен человек.

⁷¹"Рах бури" – окончательный договор, заключаемый при сватовстве. И если какая-либо из сторон (речь идет о родителях) нарушала его, то есть отказывалась от женитьбы, то она оплачивала все предыдущие расходы и все подарки. Большинство родителей соглашалось выдать свою дочь за того, кто выплачивал больше. Бывало даже так, что отказывались от уже согласованного брака, выплачивали все расходы и выдавали дочь за более выгодного жениха.

⁷²До недавнего времени невеста даже не участвовала в свадьбе; до 30-х годов мужчины и женщины вместе не пировали.

⁷³На свадьбе в доме невесты почетная обязанность первым приглашать невесту на танец выпадает, соответственно, на долю ее родственников.

⁷⁴Теперь шэв Элиягу Анави не проводится. Все подарки принято дарить прямо на свадьбе. И свадьба у жениха является завершающим этапом женитьбы. Однако в течение трех послесвадебных суббот из родительского дома приходят родственники и подруги невесты, принося ей всевозможную еду, приготовленную ее матерью, а так же ее девичью одежду, ценные вещи и новые подарки.

⁷⁵Хартут – сорт ягод тутовника, вызывающий потение.

⁷⁶Вместо обыкновенных банок применяется также одна большая керамическая банка (кадах).

⁷⁷При пониженном давлении крови больного обычно держали на "диете": шашлык, красное сухое вино и фрукты с большим содержанием глюкозы.

⁷⁸Нукол (Нукал) – название села, где родился и жил р. Израэль.

⁷⁹Молла (мулла) – священник у мусульман.

⁸⁰Примерно в это же время (возможно, чуть позже) учился в ешиботе г. Воложина раби Шербет бен Нисим (Анисимов).

⁸¹Большая русская церковь в Дербенте, архитектурный и исторический памятник 19 века, была разрушена в 1934 году, и на ее месте воздвигли монументальную мраморную скульптуру Сталина. Другая церковь была превращена в клуб Осавнахима. В середине 40-х годов еще одна русская церковь была разрушена в Махачкале. Храмы мусульманской религии во многих аулах Дагестана были превращены в конюшни и коровники, а в Дербенте главную

джума-мечеть использовали под подсобные помещения. Мечеть Кирхлар была занята под хранение зерна колхоза имени Сталина. Другие мечети превратились в разного рода подсобные и складские помещения. Армянскую церковь использовали как базу для хранения шкур животных и зверей, заготовленных государственными учреждениями. Не лучше было положение и еврейских синагог. Синагога Ханова была разрушена одновременно с еврейским кварталом Тэнгэ-махалэко, где она находилась. Синагога Дадашева была превращена в военную казарму, а потом разрушена. Синагогу хевра-кадиша вместе с помещением религиозной школы превратили в первый городской детский сад, который сохранился и по сей день. Малую синагогу использовали под механические мастерские. Подобных примеров можно привести множество – эти эпизоды имели место и в Дербенте, и в других городах.

⁸²На Кавказе мусульмане подвергают детей обрезанию в возрасте от 4 до 12 лет.

⁸³На самом деле ребенок умер от желтухи. Тем не менее р. Ифил несет определенную ответственность, так как он по своей неопытности согласился произвести обрезание больному ребенку. После освобождения р. Ифил поехал в Нальчик, где служит раввином и в настоящее время. Р. Ифил был освобожден из тюрьмы досрочно по ходатайству дербентской общины.

⁸⁴Атурпатакан – прежнее название обеих частей Азербайджана, в юго-западной части которого находились мидийские города.

⁸⁵Бар-Кохба ("Сын звезды" – арамейск.) – псевдоним предводителя иудейского восстания 132–135 гг.

⁸⁶Обладатель этих писем готов предоставить их в распоряжение какой-либо заинтересованной организации.

⁸⁷Манат – турецкая денежная единица, примерно равная русскому рублю.

⁸⁸"Письма и документы из в архива р. Якова Ицхаки, главного раввина Дагестана" (Еврейский университет в Иерусалиме, Центр изучения еврейства Восточной Европы).

⁸⁹Мы с благодарностью отмечаем, что в поисках архивных материалов университета нам оказал большую помощь исследователь истории кавказских евреев Моше Йосифов.

⁹⁰О жизни кавказских евреев в Израиле читатель узнает из второй части книги, выход которой предполагается в ближайшее время.⁴

КРАТКИЙ СПИСОК ПОПУЛЯРНЫХ ИМЕН ЕВРЕЕВ ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

Мужские	Гилел (Гъилил)	— Гъ —
— А —	Гилг/од	
	Гюршюм (Гиршон)	Гъаин (Каин)
Аврагъам (Абрам)	— Д —	— Л —
Авнил (Авнер)		
Авхъазль	Дабария (название Тверии)	Ливи
Авшалом	Давид	
Агъарон (Эгъэрю, Арон)	Данай	— М —
Адам	Дан	
Александр	Дивид (по названию месяца Твят)	Манахым
Амрам (Имрам)	Дивие	Манашир
Асаф		Мардахай
Асо	— Е (е) —	Матана
		Матая
— Г / —	Еав (Еов)	Мататьягъу
	Егъуда	Меир
Г/зарья	Егъуди	Миши (Моша)
Г/амлиель (Г/милъ)	Едаг	Молохим
Г/амос (Амация)	Едидия	Монуахъ
Г/асазль	Ерухъам	
Г/изиягъу	Ерушун	— Н —
Г/изра		
Г/оведия	— З —	Наврииль
		Нагъдиму
— Б —	Закай	Нахъамие
	Залман (Зелмэн)	Нахъум
Бадал	Зарбаиль	Нахъшун
Барух	Захария	Натан
Беневеи	Зимра	Нафтали
Бенами (Бинами)	Зерахъ	Нисан
Бениел (Бенил)		Нисим
Бенпорат	— И —	Нувахъ
Бенсира		
Бенцион (Бенсин)	Изра (Г/изро)	— О —
Боби	Инун	
Брхия	Иосиф (Исюф)	Овадьил
Бсалеел (Бесандил)	Иотом (Итом)	Оврум
	Исроиль	Овхъазль
— Г —	Исгъогъ	Ошир
	Ифранм	
Гавриэль	Ифтахъ	— П —
Гадалия	Ихъай (Юхъай)	
Гамииель (Гъомиил)	Ихъмель	Писар
Гидг/юн	Ишай	Пирис (Перец)

Писахь	Симхьо	Шимгон (Шюг ми)
Пэнуэйл (Пенивил)	Сфания	Шило
— Р —	— Т —	Шимшон
Рабо	Танхьум	Шмаг ия
Равоши	Тирахь	Шюмрюм
Разиель		— Э —
Рамбам	— У —	Элдад (Элдар)
Рахъавия (Рхъавия)		— Ю —
Рахъмилъ	Уриел (Уриль)	
Рахъмони		Юнатан (Гъунатан)
Раши	— Х Ъ —	Юхъанан (Эльхъанан)
Рувин	Хбай	
Рфазль	Хбаим	— Я —
— С —	Хъанания	
Сави (Цви)	Хъануко	Яагъу
Садигъ (Цадик)	Хъанун	Ядаг
Сапи	Хъанух	Янай
Сасон	Хъюшюм	Ягъдан
Сиин (Цион)		Ягъдим
Симанду (Симантов)	— Ш —	Яфит
Симон	Шэлмю (Шломо, Соломон)	Яшаг ия

Женские	— Г (Гъ) —	— Л —
— А —	Гавг/ид	Левана
Авшагъ		Лей
Адаса	— Д —	Либа
Анталай		Ливгъа (Ривка)
Аснат	Довра (Доворо)	— М —
— Б —	— Ж (З) —	
Батг/ами	Завва	Маг/ала
Батзаав	Зильпа	Маг/аха
Батия	Зэйту	Малка
Батнави		Мезал
Батциона	— И —	Мазалту
Батушеаг		Маргалаит
Бильгъа	Илушеаг	Мегила
Бврия	Инамм	Мерав
		Милоим
		Милка

Мирати	Рут	Хъана
Михал		Хъасида
Мэйрам	– С –	Хая
		Хъибо
– Н –	Сара	Хивит (Хаевет)
	Сария	Хъисибо
Наг/ама	Сарфит	
Наг/ами	Серахъ	– Ш –
Намил	Свия (Цвиль)	
Нуг/а	Сипра	Шифра
		Шово
– О –	– Т –	Шошана
		Шунамит
Овгъазъ	Тамара	
	Тирца	– Э –
– П –	Тэрма (Трума)	
		Эстер
Пурим	– Х (Хъ) –	Эфрат
– Р –	Хъава	– Я –
	Хъавацелет	
Рахъиль	Хагид	
Рцпа	Хай-Сара	Яфа

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ

ивритских (древнееврейских) слов, применяемых в языке кавказских ("горских") евреев.

ПРИМЕЧАНИЕ: в основе грамматики этого языка в настоящее время лежит русский алфавит. Но с целью упорядочения звуков в него добавлены пять диграфов (двойных букв), произносимых соответственно ивритским звукам в восточном варианте. Приводим четыре из них: Гь, Г/, Хь, Гъ.

А

1 Авал	1 Но	אבל
2 Авир	2 Воздух	אוויר
3 Адам (и)	3 Человек	אדם
4 Авсар	4 Уздечка (поводья)	אפסר
5 Афилу	5 Вообще — даже	אפילו
6 Агъшан	6 Настырный	אקשן
7 Аир	7 Название месяца апрель-май	אייר
8 Алилуя	8 Благословение Бога	אללילואה
9 Афигъурус	9 Неверующий	אפיקורוס
10 Алеф -би	10 Алфавит	א'ב
11 Ашкенази	11 Ашкенази — европейский еврей	אשקנזי

— Г —

Г/

1 Г/аин-ра	1 Дурной глаз	עין רעה
2 Г/раваи	2 Вечеринка	ערבה
3 Г/ра-г/ара	3 Время от времени	ערי
4 Г/моворис	4 Неуч	עם הארץ
5 Г/иври	5 Еврей	עברי
6 Г/овун	6 Грех	עוון
7 Г/они	7 Бедный	עני
8 Г/орил	8 Необрезанный	ערל
9 Г/ошир	9 Богатый	עשיר
10 Г/огъора	10 Бездетный (бесплодный)	עקרה
11 Г/омолигъ	11 Клеймят плохого человека	עמלק
12 Г/оси (каг/ас)	12 Гневаться (гневный)	קעס
13 Г/офор	13 Рыхлая земля	עפר
14 Г/улом	14 (Весь) мир	עולם
15 Г/улом гъазз	15 Этот мир (этот свет)	עולם הזה

Б

1 Батула	1 Непознавшая мужчин	בטולה
2 Батул	2 Недействителен	בטל (מבוטל)
3 Бихлел	3 Абсолютно (вообще)	בכלל
4 Бисту	4 Огород	בוסטן
5 Бил-бул	5 Путаница	בלבול
6 Бли-ндир	6 Не зарекаться	בלי נדר
7 Борухо	7 Благословение	ברכה
8 Борух Гъшим	8 Благословен Вовзвышший	ברוך השם
9 Бковот (бховуд)	9 С уважением	בכבוד
10 Бит-дин	10 Здание суда	בית הדין

11 Бит-сифир	11 Школа
12 Битэ-хаим	12 Могила
13 Бшораи	13 Радостная весть
14 Бэизрат гышем	14 С Божьей помощью

בית ספר
בית חיים
בשורה
בעזרת השם

В

1 Вой-волзлей	1 Ой-ой-ой
2 Вэ	2 И (союз)

אויבאלוי
ו

Г (Гь)

1 Ган-г/идин	1 Рай	גן עדן
2 Гегьнам	2 Ад	גהנום
3 Гет	3 Развод	טג
4 Говлэ	4 Избавление	גאולה
5 Гозули	5 Нечестным путем	גזילה
6 Голут	6 Чужбина (диаспора)	גלות
7 Гьомон	7 Прозвища противного человека	המן
8 Гьггюла	8 Мытые посуды в воде с повышенной температурой	הגעלה
9 Гуф	9 Тело	גוף
10 Гэзиро	10 Наказание	גזירה

Д

1 Даг/ам	1 Вкус	טעם
2 Даг/от	2 Вероисповедание	דעת
3 Даг/на	3 Наставление	טענה
4 Давило	4 Купание	טוילה
5 Дагъа	5 Минута	דקה
6 Дафтар	6 Тетрадь (от слов "листы бумаги")	דפים
7 Дивид	7 Название месяца декабрь-январь	טבת
8 Дин	8 Суд	דין
9 Дмүт	9 Образ	דמות
10 Дором	10 Юг	דרום
11 Дорош	11 Пояснение	דרשה
12 Дорот (дэрха)	12 Поколение	דורות

Е

1 Есир	1 Узник
2 Етим	2 Сирота

אסיר
יתום

Ж—З

1 Жлид	1 Лед	גליד
2 Жиборд	2 Герой	גיבור
3 Зивил (зибил)	3 Мусор	זבל
4 Змон (а)	4 Время	זמן
5 Зофт	5 Смола	זפת
6 Зохут	6 Разрешение (право)	זכות
7 Зүна	7 Проститутка	זונה
8 Зэйту	8 Маслина	זית

И

1 Ини	1 Вот	הנה
2 Ибүд	2 Сгинут (потеря)	אבוד
3 Изму (Гьзмү)	3 Это время	הזמן
4 Имид	4 Правда, вера	אמת (אמונה)

К

1 Ки	1 Потому, что	כי
2 Кисли	2 Название месяца ноябрь-декабрь	כסלו
3 Кис	3 Карман (мешочек для ношения денег на шее)	כיס
4 Копора	4 Жертвоприношение (возмещение)	כפרה
5 Кошир	5 Пригодно еврею в пищу	כשר
6 Кэтон	6 Полотно	כתן
7 Кэтубо	7 Свидетельство о браке	כתובה

Гь

1 Гъабул	1 Принимать (получать)	קיבל
2 Гъавр	2 Могила	קבר
3 Гъадюш	3. Свят (заупокойная молитва)	קדוש
4 Гъамсон	4 Жадный	קמצן
5 Гъоим	5 Постоянство	קיים
6 Гъудорэ	6 Кувшин	קדרה
7 Гъупо	7 Кубышка (касса)	קופה
8 Гъюфлан	8 Тигр	קפלן
9 Гъюдюш	9 Благословение вина	קידוש
10 Гъюдюшин	10 Предварительное отмечание бракосочетания	קידושין

Л

1 Лашон-Агъадюш	1 Святой язык (древнееврейский язык)	לשון הקודש
2 Лиф	2 Мочалка	ליפה
3 Лихьим	3 Хлеб	לחם
4 Луахь	4 Календарь	לוח
5 Лесбир	5 Объяснение	להסביר
6 Лехьим	6 Тост "Ваше здоровье"	לחיים
7 Лехъус-лемахъано	7 Отвергнутый общиной (за пределы общины)	לחוץ למחנה

М

1 Маг/арав	1 Запад	מערב
2 Магин-Давид	2 "Щит-Давида" (шестиконечная звезда)	מגן דוד
3 Магър	3 Венчание	מוהר
4 Мазуза	4 Молитвословия (заповеди), прибываемые на косяках дверей	מזוזה
5 Махъшаво	5 Мысль	מחשבה
6 Мах-шемо	6 Проклятие – "Чтобы имя стерлось из памяти"	מחשמו
7 Миг/ид	7 Праздник	מועד
8 Миг/идим-лэсимхъа	8 Приветствие "Веселого праздника"	מועדים לשמחה
9 Мило	9 Обрезание	ברית מילה
10 Мисво	10 Заповедь (благодаяние)	מצווה
11 Мисмар	11 Гвоздь (большой гвоздь)	מסמר
12 Мито	12 Мертвец (труп)	מטה
13 Мискин	13 Бедняга	מיסכן
14 Михьило	14 Извинение (прощение)	מחילה
15 Мозол	15 Счастье	מזל
16 Молох	16 Ангел	מלאך
17 Молохомовут	17 Ангел смерти	מלאך המוות
18 Мосар (мушар)	18 Пила	מוסור
19 Мошияхъ	19 Мессия	משיח
20 Мошол (масал)	20 Пример	משל
21 Мувахъ	21 Мозги	מוח
22 Музар	22 Странно	מוזר

23 Мугъорэ	23 Пещера	מערה
24 Мюшмюш	24 Абрикос	משמש
25 Мюшкюл	25 Весы	משקל
26 Мэгило	26 Поэма (стих)	מגילה
27 Мэмзир	27 Незаконнорожденный	ממזר
28 Мэсиво	28 Памятник	מצבה

Н

1 Наг/ира	1 Ржание (ишака, лошади).	נעירה
2 Навило	2 Падаль	נבלה
3 Нахь	3 Отдых	נוח
4 Нагар	4 Столяр (плотник)	נגר
5 Нашима	5 Душа	נשמה
6 Нидир	6 Зарок	נדר
7 Нисон	7 Название месяца март-апрель	ניסן
8 Нифтал	8 Умер (мертв)	ניפטר
9 Нови	9 Пророк	נביא
10 Нодово	10 Жертва	נדבה
11 Нэкуми	11 Зависть	נקמה
12 Нэфт	12 Керосин	נפט
13 Нэфэс	13 Дыхание	נפס (נפש)

О

1 Ов	1 Название месяца июль-август	אב
2 Овил	2 Траур	אבל
3 Одор	3 Название месяца февраль-март	אדר

П

1 Пэрпэрю	1 Бабочка	פרפר
2 Пасул	2 Инородный (гой)	פסול
3 Пашут	3 Простой	פשוט
4 Пиг/о	4 Висок	פאה
5 Пилигь	5 Гнойничок на глазу	לפלק
6 Килпэ (пилкэ)	6 Скорлупа (шелуха)	קליפה
7 Пилта	7 Фитиль	פתילה
8 Пирсом	8 Печать	פירסום
9 Пулад	9 Сталь	פלדה
10 Пюрюш	10 Перевод (разбор предложения)	פרוש

Р

1 Рабанут	1 Раввинат	רבנות
2 Раби	2 Учитель (священнослужитель)	רבי
3 Рав	3 Священник	רב
4 Рахьманут (рахьамим)	4 Жалость	רחמנות (רחמים)
5 Раш	5 Шум	רעש
6 Рашаг/	6 Плохой, хитрый	רשע
7 Рашут (ришут)	7 Разрешение	רשות
8 Рувяхь (рюхь)	8 Дух	רוח

С

1 Садан	1 Чорт, сатана	סטן
2 Сабу	2 Мыло	סבון

3 Сэг/ ар	3 Страдание	צער
4 Садагъя	4 Милостыня	צדקה
5 Сафон	5 Север	צפון
6 Сиг/удо	6 Торжественный обед	סעודה
7 Сидигъ	7 Справедливый (честный)	צדיק
8 Сивон	8 Название месяца май-июнь	סיוון
9 Симон-Борухо	9 Знак благословения	סימן ברכה
10 Синат-хыинам	10 Скандал (спор)	סינאת חנם
11 Сифир	11 Книга	ספר
12 Сэкуз	12 Опасность	סכנה

T

1 Таг/нит	1 Пост	תענית
2 Тарих	2 Число	תאריך
3 Тгьюм (тгьюм рабо)	3 Галактика (бездна)	תהום (רבה)
4 Тишири	4 Название месяца сентябрь-октябрь	תשרי
5 Томуз	5 Название месяца июнь-июль	תמוז
6 Тоной	6 Условия обручения	תנאים
7 Тону	7 Вделанная в землю печь для выпечки хлеба	תנור
8 Тур	8 Очередь	תור
9 Туро	9 Библия	תורה
10 Тут	10 Тутовник	תות
11 Тэлмид	11 Ученик	תלמיד
12 Тэмбэл	12 Отрицательное лицо (лентяй)	תמפל
13 Тэтах	13 Пушка	תותח
14 Тэфило	14 Молитва	תפילה

У

1 У	1 Он	הוא
2 Умогъ	2 Нация	אומה

Ф

1 Фил	1 Слон	פיל
-------	--------	-----

Х (Хь)

1 Хъаваселет	1 Лилия	חבצל
2 Хъазан	2 Кантор	חזן
3 Хъалим (хъал)	3 Припой (растопленный)	הלחמה (לחלים)
4 Хъало	4 Кусочек теста, сжигаемый перед выпечкой хлеба	הלה
5 Хъалолзи (г/алолзи)	5 Лукавство	הלולה (לחל)
6 Хъас-вз хъалилс	6 Не дай Бог	חס וחלילה
7 Хъатон	7 Жених	חתן
8 Хъашван	8 Название месяца октябрь-ноябрь	חשוון
9 Хъаша (д)	9 Наговор (подозрение)	חשד
10 Хъовир	10 Товарищ	חבר
11 Хъоком	11 Умный	חכם
12 Хуц-лэ арец	12 За границей	חוץ לארץ
13 Хэто	13 Непреднамеренный грех	חטא

Ш

1 Шавад	1 Названий месяца январь-февраль	שבט
2 Шадар	2 Документ	שטר

3 Шахидо	3 Забой скота, птицы	שחידה
4 Шахина	4 "Присутствие Бога"	שחינה
5 Шахрит	5 Утренняя молитва	שחרית
6 Шивдо	6 Колена	שבט
7 Шидра	7 Позвоночник	שדרה
8 Широ	8 Песнопение	שירה
9 Шифор	9 Рог, труба	שופר
10 Шобот	10 Суббота	שבת
11 Шовг/о	11 Клятва	שבועה
12 Шолум	12 Мир	שלום
13 Шомош	13 Служащий синагоги (сторож)	שמש
14 Штил	14 Рассада	שתיל
15 Шулхьян	15 Стол	שולחן

Э

1 Эба	1 Папа	אבא
2 Элул	2 Название месяца август-сентябрь	אלול
3 Эма	3 Мама	אמה

Ю

1 Юхал	1 Трибуна (кафедра)	היכל
--------	---------------------	------

Я

1 Ярсаяд	1 Поминки	יָרְסִייד
----------	-----------	-----------

Замеченные опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
3	11 ст.	но	на
18	8 св.	Нукол	он же Рюкэл
18	8 св.	4-го века	6-го века
43	13 ст.	расстреливали	арестовали
73	12 св.	из	по
84	22 св.	имя	имение
94	9 ст.	ноуо	ноур
100	1 ст.	П. Садиков, Р. Абрамов.	Р. Абрамов, П. Садиков.
101	4 св.	Нисви	Нисан
121	12 св.	снимают	снимают не разрезанным
128	3 ст.	(Мамаванского)	(Мамаванского)
133	19 св.	120000	12000
148	5 ст.	происхождению	происхождение

